

МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛАВЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК, ОБРАЗОВАНИЯ,
ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

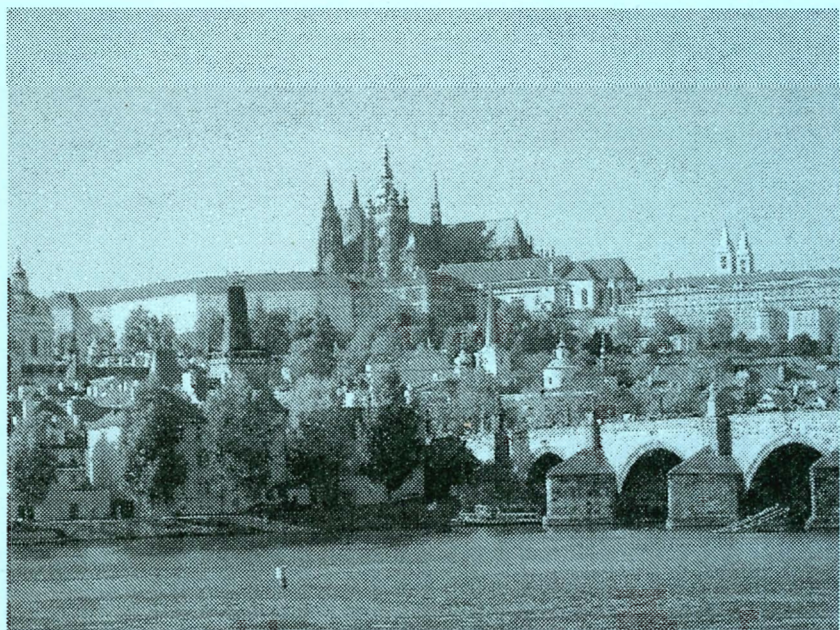
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР:

КАБИНЕТ «СЛАВЯНСКИЙ МИР»

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МПНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

СЛАВЯНСКИЕ ФОРУМЫ И ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Сборник статей

Москва-Ставрополь
2008

Рецензенты:

д-р ист. наук **Г.В. Рокина**,
академик МСА, профессор МЭА им. Г.В. Плеханова **Г.А. Гусев**

Б 94 **Славянские форумы и проблемы славяноведения: Сборник статей /**
Отв. ред. М.Ю. Досталь, И.В. Крючков. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ,
2008. – 178 с.

В состав сборника вошли материалы научно-общественной конференции «Славянские форумы в Москве: традиции и современность», прошедшей в Москве 15 июня 2007 г. в Институте русского языка РАН в рамках заседания Отделения истории МСА и Лексикографического семинара: кабинета «Славянский мир», посвященного 140-летию Славянского съезда в Москве и Санкт-Петербурге. В сборнике публикуются статьи, анализирующие это знаменательное событие в жизни славянских народов середины XIX в., а также работы о современном славянском движении и демографии славянского мира. Вторую часть сборника составляют статьи, освещающие отдельные проблемы истории и современного состояния славяноведения.

Для специалистов и всех, интересующихся проблемами славянского мира.

УДК 349.3 (075.8)
ББК 67.406

ПРЕДИСЛОВИЕ

15 июня 2007 г. в Москве в Институте русского языка РАН состоялась научно-общественная конференция: «**Славянские форумы в Москве: традиции и современность**», посвященная 140-летию Славянского съезда в Москве и Санкт-Петербурге (1867). Ее организаторами выступили Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры (МСА), Институт славяноведения РАН и Лексикографический семинар: Кабинет «Славянский мир».

Во вступительном слове руководитель Семинара, д.ф.н. Г.А. Богатова (ИРЯ РАН) подчеркнула, что данное заседание продолжает традиции, заложенные 10 лет назад, когда в стенах ИРЯ проходила конференция, приуроченная к 130-летию Славянского форума, при участии ныне покойного академика О.Н. Трубачева. Она продемонстрировала некоторые книги, выставленные для ознакомления участников заседания. Среди них сборник «**Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения**» (М., 1998), в котором опубликованы некоторые доклады прошедшей конференции, а также недавно вышедший шеститомный словарь Российской академии наук и другие издания ИРЯ. В связи с этим Г.И. Богатова говорила о значении проблемы функционирования русского языка на постсоветском пространстве, которая обсуждалась на славянских форумах в апреле – мае 2007 г. в Белграде, Коломне, Рязани.

Президент МСА, д.э.н. Б.И. Искаков (МЭА) говорил об актуальности нынешней конференции и ее важности для развития современного славянского движения. Он указал, что ныне в мире проживает 300 млн. славян, которые все более заявляют о своем праве на достойное представительство в современной цивилизации и могут добиться серьезных успехов, если решат проблему демографической катастрофы.

Практический организатор конференции к.и.н. М.Ю. Досталь (ИСл, МСА) напомнила собравшимся о том, что в течение 10 лет проводила конференции по славянской идеологии в Институте славяноведения РАН. Плодом одной из них был упомянутый сборник, подготовленный к 150-летию Славянского съезда в Праге (1848). Нынешняя конференция проводится под эгидой МСА и является первым заседанием ее обновленного Отделения истории.

В настоящий сборник включены материалы выше названной конференции, освещающие различные аспекты проведения Славянского съезда 1867 г. в России – статьи И.В. Чуркиной, М.Ю. Досталь, Н.М. Пашаевой и Г.А. Богатовой, Первого совещания по этногенезу в конце 30-х гг. – Н.Н.Юсовой, а также современного славянского движения (Н.И. Кикешев), серьезной демографической ситуации в славянских странах (Б.И. Искаков). Материал А.Н.Пти-

цына затрагивает международные аспекты развития российско-болгарских отношений на рубеже XIX-XX вв. Во второй части сборника помещены статьи, посвященные отдельным вопросам истории славяноведения (Т.В. Полянина, А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь, И.В.Крючков, С.Л.Юсов) и его современного состояния (Н.А. Бондаренко, Д.В.Сень). Все вместе эти материалы создают определенную картину развития славянского движения в прошлом и настоящем и его отражения в развитии славяноведения.

М.Ю. Досталь

декабрь 2007 г.

СЛАВЯНСКИЕ ФОРУМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСТВА

И.В. Чуркина (Москва)

Предыстория поездки славян на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (1867). Встречи в С.-Петербурге

Всероссийская Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве происходили в то время, когда Россия стала оправляться от удара, нанесенного ей поражением в Крымской войне. Эти события стали для российского общества и правительственных кругов одним из факторов, способствовавших укреплению национальной гордости, поднятию уверенности в своем могуществе. А до этого были реформы Александра II – крестьянская, судебная, военная и др., пышное празднование тысячелетия Российского государства. В 1863 г. был принят новый университетский Устав, разрешавший открытие при университетах научных обществ. Одним из первых в 1864 г. было основано Общество любителей естествознания при Московском университете. И уже в декабре того же года в его руководстве возникло предложение устроить Антропологическо-этнографическую выставку народов России. Инициатором его выступил экстраординарный профессор Московского университета, антрополог А.П. Богданов, молодой энергичный человек, которому не исполнилось и тридцати лет. Идея проведения Этнографической выставки с самого начала получила поддержку правительства: ее почетным президентом стал великий князь Владимир Александрович. На выставку предполагалось истратить 20 тысяч рублей серебром.

24 ноября 1865 г. на заседании Общества было представлено мнение профессора Московского университета Нила Александровича Попова о создании на выставке специального раздела, посвященного зарубежным славянским народам. Необходимость этого раздела Попов аргументировал следующим образом: во-первых, славяне должны служить предметом первого сравнения при изучении русской народности, как родственные ей племена; во-вторых, многие славяне (поляки, сербы, болгары) живут в самой России, многие славяне приходят в нее на заработки. Предложение Попова было принято с воодушевлением. Сношения с австрийскими славянами и приобретение у них национальных костюмов и предметов поручили протоиерею православной церкви при русском посольстве в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому, которого С.А. Никитин считает наиболее важным агентом Славянских комитетов за границей¹.

Раевский охотно взялся за дело. В Вене ему удалось издать специальную брошюру, посвященную выставке «Die Russische ethnographische Ausstellung

in Moskau» (Wien, 1866), обращения комитета выставки и инструкции по сбору этнографического материала были напечатаны во многих славянских газетах².

На призыв Раевского откликнулись многие славянские деятели. И это было связано не только с их симпатиями к России, но и с той политической обстановкой, которая сложилась в то время в Габсбургской монархии. С начала 1860-х годов, с установлением в ней определенных конституционных норм, там шла борьба за преобразование Австрийской империи на централистской, дуалистической или федералистской основе. Славянские политики выступали за федерализм, венгры и часть австрийского двора – за дуализм, немецкие либералы и большая часть австрийского двора – за централизм. К середине 1860-х годов стало ясно, что в правящих кругах Австрии все большую поддержку получают идеи дуализма. Против этого были решительно настроены все славяне. Чехи и словенцы, должны остаться под властью Вены, опасались усиления германизации против них, хорваты, сербы, словаки, отходившие под Будапешт, боялись мадьяризации. Застрельщиками борьбы против дуализма выступали чехи. В 1865 г. чешский лидер Ф. Палацкий опубликовал серию статей под заглавием «Идея австрийского государства». В них он доказывал, что дуализм опаснее, чем полная централизация, и представил свой план преобразования Австрии на федералистских началах. Палацкий отвергал обвинение чехов в панславизме, однако недвусмысленно замечал: «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме... существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»³. Подобные настроения были характерны и для деятелей других славянских народов. При росте угрозы германизации для одной части и мадьяризации – для другой, пропаганда политической опоры на Россию являлась орудием борьбы за национальное существование славян в Габсбургской монархии.

Определенный перелом в отношении к славянам в России произошел после поражения в Крымской войне и среди правящих российских кругов. Война показала всю несостоятельность надежд России на союз трех императоров. Утверждение М.П. Погодина, что единственными союзниками России в Европе являются славяне, «родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере»⁴, встречало известное сочувствие и в обществе, и в правительственных кругах. После вступления на престол Александра II произошла смена министра иностранных дел – вместо графа К.В. Нессельроде, выступавшего за союз с Пруссией и Австрией, весной 1856 г. министром иностранных дел был назначен князь А.М. Горчаков. Многие из его окружения сочувствовали славянам. Главное внимание русские правительственные круги уделяли славянам Османской империи. Однако и к национальным деятелям Австрийской империи они проявляли определенный интерес. Так, в 1862 г. во время празднования тысячелетия России 30 человек из славян получили российские ордена, из них 28 являлись австрийскими подданными.

Таким образом, говоря о приглашении славян на Этнографическую выставку в Москве Обществом любителей естествознания и о достаточно активном отклике на него славянских деятелей Австрии, надо иметь в виду и политические причины этого события.

Славянофилы уже в конце 1865 г. стали думать о возможности проведения в Москве съезда славянских политиков, используя их приезд на Этнографическую выставку. 23 октября 1865 г. В.И. Ламанский писал об этом намерении Н.А. Попову⁵.

Для того чтобы предполагаемый славянский съезд был представительным, ряд русских славянофилов, прежде всего из ученых, написали личные письма с приглашением на выставку ряду выдающихся славянских деятелей. Уже 1 ноября 1866 г. Ламанский, благодаря Раевского за хлопоты об Этнографической выставке, одновременно спрашивал, кто бы из славян мог приехать на нее. Среди желательных гостей он перечислял русина А.И. Добрянского, словенца Я. Блейвейса, хорвата И. Кукулевича, чехов Ф. Палацкого и Ф. Ригера, сербов М. Поповича и С. Милетича и др.⁶

Приглашение славян на Этнографическую выставку тоже ложилось на плечи М.Ф. Раевского. Однако и другие «славянолюбы» приняли в этом участие. Так Ламанский отправил подобные приглашения некоторым лицам в Галиции, Словении и Чехии, а М.П. Погодин – лидеру чехов Ф.Палацкому⁷. К.Я. Эрбену написал И.И. Срезневский 22 марта 1867 г.: «Приезжайте сами, испытайте сами, как мы, русские, умеем или не умеем ценить заслуги Ваши и подобных Вам... Иным, может быть, помешают политические виды, хотя во всем деле с корня до шелухи нет ничего политического»⁸. Помимо личных писем, шли приглашения через консульства – так были посланы приглашения по телеграфу в Белград.

«Русский славянин», написавший анонимную брошюру «Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение» так определял цели приезда на съезд славянских политиков: они прибыли «в сознании необходимости единения славянского мира..., в сознании единственной возможности достижения целей отдельных славянских народов при духовном и нравственном единении всех этих народностей в братском единодушии и единомыслии»⁹.

В ответ на приглашения видных славянских деятелей в Москву в австрийской немецкой прессе началась настоящая травля тех, кто пожелал бы отправиться на Этнографическую выставку. Особенно резко выступали газеты «Прессе», «Дебатте», «Нойе фрайе Прессе», всегда отличавшиеся недоброжелательностью к славянам. Они провозглашали встречу славян в Москве «панславистским сборищем» и подчеркивали: «побратимство на панславистской основе – это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования, – вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»¹⁰.

Это не было мнением только прессы – газеты в данном случае выражали мнение правительственных кругов в Вене. В полицейских архивах зафиксировано их отношение по поводу поездки славянских деятелей в Москву. «Панславистское движение, – отмечалось там, – которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом откровенно поощряется и поддерживается, является все более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением. По-видимому, она имеет не только этнографическое значение»¹¹.

Австрийское правительство даже пыталось сорвать поездку славян в Москву. Так австрийский посланник в Петербурге граф Ревертева попытался начать об этом разговор с министром иностранных дел России А.М. Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Когда же Ревертера обратился к П.А. Валуеву, он попросил у австрийского посланника дать ему список лиц, приезд которых в Москву был бы нежелателен австрийскому правительству. Валуев подчеркнул, что российское правительство стоит в стороне от организации Этнографической выставки. Вопрос о списке поставил Ревертеру в тупик. Тогда министр иностранных дел Австрии Ф.Ф. Бейст прислал Ревертере инструкцию с тем, чтобы он прочитал ее Горчакову. В ней российское правительство предупреждалось, что австрийские власти останутся в стороне, если в Галиции будет проведена манифестация с участием подданных России. Здесь Бейст недвусмысленно намекал на поляков. Кстати, и галицкие поляки, и польская эмиграция в Париже выступали против самой идеи проведения Славянского съезда.

Но ко всем этим демаршам австрийского правительства Россия отнеслась более чем прохладно. В ответ на инструкцию Бейста Горчаков ответил, что императорский двор покровительствует Этнографической выставке, которая не имеет ничего общего с утопиями московской партии. Об угрозе антироссийской манифестации в Галиции Горчаков заметил, что «в России найдется мало охотников принять в ней участие».

Отто фон Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал совет австрийским властям: обвинить всех, кто поехал на Московскую этнографическую выставку, в государственной измене и арестовать¹².

Так сурово, как предлагал Бисмарк, австрийские власти со славянскими деятелями не обошлись. Но на местах тем, кто собирался поехать в Россию, было сделано соответствующее предупреждение. Особенно жестко поступили с теми, кто собирался поехать в Москву, правящие круги в венгерской части империи. Так был вынужден отказаться от этой поездки видный хорватский деятель И. Кукулевич, поскольку хорватский бан пригрозил ему увольнением со службы – Кукулевич в то время являлся великим жупаном Загреба¹³. Русинского национального деятеля Я.Ф. Головацкого еще до отъезда в Москву за активную деятельность по сбору предметов для Этнографической выставки от-

странили от должности профессора Львовского университета, о чем он сообщил Раевскому в письме от 21 февраля / 5 марта 1867 г.¹⁴ Серб М. Полит-Десанчич, секретарь суда в Загребе, тоже получил предупреждение об отрешении от должности в случае, если он отправится в Москву. Такое же предупреждение получил и другой видный сербский деятель Йован Суботич, член Верховного суда Хорватии. Забегая вперед, скажу, что оба они не вняли предостережениям и поехали в Москву. После возвращения оба потеряли свои служебные места. При этом Суботич был уволен в отставку без права на пенсию¹⁵. По-видимому, такого же рода предупреждения получили и другие славянские деятели, в частности, словенцы. Всего их было приглашено в Москву десять человек. Письма Я. Блейвейса Раевскому показывают, что почти все они отказались от поездки под благовидными предлогами (заседания в Венском парламенте, в провинциальных собраниях и др.)¹⁶ М. Маяр же, отважившийся не послушаться, по возвращении из России должен был заплатить штраф.

Если правящие круги Австро-Венгрии и немецко-венгерско-польская печать всячески охаивали Этнографическую выставку и тех, кто собирався на нее ехать, то с противоположных позиций выступала национальная печать славян. Так орган младочехов «Народни листы» писал: «...никто из чехов не поколеблется сказать в Москве ли, в Петербурге ли, то же, что так часто говорилось в Праге: что народ чешский не дозволит лишить свою страну ее политической самостоятельности, что он не захочет... утонуть в немецком море». Хорватская газета «Позор», выражавшая взгляды влиятельной национально-либеральной партии, подчеркивала: «Кто задумал и может ехать в Москву, того не остановит ярость венских газет, тот со спокойным духом станет между братьями, чтобы высказать им все свои скорби и печали...»¹⁷. Не отставали от чехов и хорватов галицкие русины; их орган «Слово» выражался достаточно откровенно. «Органы печати всех славянских народов, — отмечал его корреспондент, — за изъятием галицких полономанов, приветствуют с чувством радости всякое проявление славянской взаимности, и тем более Этнографическую выставку, устроенную в настоящее время в Москве и доставляющую разным славянским народам случай заявить свои народные чувства и внутреннее общение». Словацкие «Пештбудинские ведомости», указывая на запоздалость австрийских протестов, заявляли: «Русский народ глубоко почувствовал необходимость придти на помощь прочим славянским национальностям..., братьям, которые, будучи подавлены, гнетом противников, со своей стороны сознают еще более необходимость почерпнуть новые силы ... из неисчерпаемого, свежего источника русского славянства»¹⁸.

Такова была обстановка в Габсбургской монархии, когда славянские деятели получили приглашения на Этнографическую выставку в Москве. Несмотря на нападки прессы, на угрозы правительственных кругов значительное число приглашенных поехали в Москву. Всего туда отправились 81 чело-

век, из них – 65 австрийских славян (27 чехов, 16 австрийских сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака, 3 словенца), 12 сербов из княжества, 2 черногорца, 1 болгарин, 1 поляк из Пруссии (кашуб). Больше всего приехало чехов 27 человек и сербов 28 человек¹⁹.

Перед отъездом в Москву Палацкий и Ригер побывали в Париже, где выясняли позицию французского правительства по отношению к Австрии, а также вели переговоры с представителями польской эмиграции²⁰. Этот факт широко известен. Гораздо менее известно, что в Праге 22 апреля / 4 мая 1867 г. перед отправлением чехов на Этнографическую выставку побывал хорватский епископ Й.Ю. Штросмайер, ведший там переговоры с чешскими лидерами, которые были, таким образом, осведомлены не только о взглядах на происходящие события поляков, но и главы хорватского национального движения.

Демонстрация со стороны чехов по отношению к австрийскому правительству не была случайной. Пруско-австрийская война 1866 г. велась на чешской территории, пруссаки в течение нескольких месяцев оккупировали Прагу. Для чешских национальных деятелей угроза германизации, а в дальнейшем и поглощения австрийской части монархии вместе с чешскими землями Пруссией являлась гораздо более ощутимой, чем, например, для словенцев. Поэтому среди чешской делегации были самые значительные лидеры чехов – от старочехов Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, от младочехов – Э. Грегр, Э. Вавра. При этом надо иметь в виду, что всего 4 года назад младочехи решительно осуждали русских за подавление польского восстания.

Исследовав состав славян, отправившихся в Москву, профессор Карлова университета в Праге М. Главачка пришел к справедливому выводу о том, что по социальному положению и профессиональной принадлежности, члены славянской делегации являлись представителями среднего класса. Это были, в основном, деятели науки и культуры, торговцы, чиновники, несколько небогатых фабрикантов, священники. «Социальный уровень гостей был, несомненно, связан с дороговизной путешествия», – заключает Главачка²¹.

Это заключение можно оспорить. Для многих из чехов поездка в Москву стала почти бесплатной. 22 апреля 1867 г. К.Я. Эрбен сообщал М.Ф. Раевскому, что А. Патера получил для чехов 15 бесплатных билетов до Москвы и обратно²². Что касается проживания в России, то оно было практически бесплатным для всех. Эрбен в ответ на приглашение ехать в Москву в письме Н.А. Попову от 9 марта 1867 г. упомянул о необходимости серьезного размышления по поводу финансового вопроса. Ламанскому на недостаток средств жаловался Патера. «Денег на это Вам очень немного будет нужно, – ответил Ламанский. – Довольно будет 200 гульденов... Будут наняты квартира, стол, обед, чай, завтрак, экипажи. По железной дороге в Москву отправим Вам даром»²³. Всего бесплатных билетов для проезда в Москву было роздано 45 – главным образом, австрийским славянам.

Главачка исследовал полицейские архивы в Вене и определил, что среди чешской делегации были не только политики, настроенные в то время русофильски, и не только любознательные ученые, но и агенты австрийской полиции, которые должны были докладывать своим хозяевам о ходе самой Этнографической выставки и о выступлениях на собраниях членов славянских делегаций. Наиболее дельные сведения представлял венской полиции агент под кличкой «Верный», под которой скрывался, по-видимому, торговец из Брно Франтишек Прудек. Ему начальник брненской полиции по прямому приказу из Вены вручил 600 злотых для поездки в Москву. В молодости Прудек участвовал в антивенгерском движении в Словакии, был арестован и приговорен к смерти, но бежал в Моравию. Здесь он принял активное участие в революции 1848 г., примкнул к либеральному крылу Моравского национального объединения. В 1866 г. Прудек попытался организовать рабочее общество. В 1867 г. он посетил Этнографическую выставку в Москве и остался в России на два года. Вернувшись на родину, он отошел от политики, поселившись в уединенном Простееве, где и умер в начале 1873 г. Главачка не сомневается в том, что Прудек являлся одним из агентов австрийской полиции. Он делает предположение, что его жизнь в течение двух лет в России являлась попыткой бегства от полиции. Это подтверждает в какой-то мере и К. Казбунда, который отмечал, что после возвращения из России Прудек ни на кого не доносил и не реагировал на угрозы полиции по этому поводу²⁴.

Второе допущение Главачки, что Прудек якобы остался в России, чтобы шпионить там в пользу Австрии, кажется мне маловероятным: не имея в России ни солидного положения, ни связей с влиятельными кругами, никаких интересных сведений для австрийской полиции он предоставить не мог.

Неосознанно предоставлял определенные сведения австрийской полиции и видный деятель младочехов, журналист и переводчик с русского языка на чешский Э. Вавра. Он был зятем долговременного агента венской полиции Карела Сабины и, не зная об этой стороне деятельности своего тестя, подробно описывал ему в письмах события и речи на Московской Этнографической выставке, которые тот передавал своим хозяевам. Возможно, что такие агенты имелись не только в чешской делегации, но о них пока неизвестно.

Из словаков на выставку поехали видные национальные деятели П. Мудронь и Я. Есенский, а также сторонник славянской взаимности, поляк по национальности, А. Радлинский. Австрийских сербов представляли 16 человек. Наиболее видными из них были М. Полит-Десанчич, поборник объединения всех сербов, член хорватского сабора, А. Вукашинович, тоже член хорватского сабора и его вице-президент, Й. Суботич, сербский писатель, сторонник югославянской идеи. Из хорватских земель приехало 10 человек, из них наиболее известными были бывший лидер «иллиров» Л. Гай, выдающийся далматинский издатель и публицист И. Данило, издатель хорватских и немец-

ких газет Абель Лукшич. Среди трех словенцев, отправившихся в Москву, выделялся М. Майяр, один из создателей словенской политической программы Объединенная Словения, сторонник установления единого литературного языка для всех славян. Наконец, гостями выставки стали четверо русинов, в числе которых находились львовский профессор Я.Ф. Головацкий и молодой писатель и журналист И. Ливчак.

Из княжества Сербии приехало 12 человек. Во главе делегации стоял министр юстиции А. Петрониевич, кроме него в делегацию входили два представителя «Сербского ученого друштва»: первый секретарь министерства народного просвещения М. Миличевич и словацкий историк и литератор Янко Шафарик, секретарь друштва. Среди сербов княжества был и старейший сербский журналист Милорад Медакович, переехавший из Австрии в Сербию. Таким образом, всего сербов – из княжества и из Габсбургской монархии – было 28 человек. Из Черногории в Москву прибыли тесть князя Николая, сенатор и начальник черногорской гвардии Петр Вукотич и сенатор и церничский воевода Илья Пламенац. Болгарию представлял врач И. Богоров, издатель и публицист, автор первого болгарского учебника по географии. В Москве к нему присоединился сотрудник славянофильских газет «День» и «Москва» и катковских «Московских ведомостей» Райко Жинзифов, живший в то время в Москве. Из лужицких сербов в Москву приехали главный деятель лужицкого возрождения, учредитель Серболужицкой матицы Я. Смоляр, а также его помощник врач П. Дучман. Кашубов (польскую народность из Пруссии) представлял Ф. Цейнова, знаток их языка и обычаев²⁵.

Интересно, что из тех, кто отправился в Москву, жертвователей этнографических предметов было немного. Уже этот факт указывает на то, что славянофилы, приглашая славянских гостей, думали не столько об Этнографической выставке, сколько об устройстве своеобразной политической демонстрации.

4 мая 1867 г. 62 представителя славянских народов пересекли австрийско-русскую границу. Позже приехали Палацкий и Ригер, а также лужицкие сербы, черногорцы и некоторые другие.

В городах, через которые проезжали славянские гости, устраивались торжественные встречи с музыкой, с речами, обедами и пр. Так было в Варшаве, Ченстохове, Гродно, Вильно, Острове, Пскове. Особенно пышным был прием в Варшаве, где от славян выступили чех Ф. Браунер и словаки Я. Шафарик и П. Мудронь, австрийский серб М. Полит. Шафарик заявил: «Предлагаю тост в честь вечной славы и величия русского народа, Божиею волею от природы назначенного защитником и хранителем славянской народности». В Вильно славянские гости посетили часовню в память русских солдат, убитых во время польского восстания 1863 года. На обеде М. Полит сказал: «До сих пор мы знали Россию православную, русскую, теперь мы видим Россию славянскую, национальную»²⁶.

Как можно видеть, практически Славянский съезд открылся уже задолго до прибытия славян в Москву. В первое время российские официальные власти относились к приезду славян в Россию с осторожностью: какое-то влияние на них австрийские демарши все же оказали. Так, присутствовать на выставке было запрещено М.Ф. Раевскому, главному организатору Славянского отдела на ней и поездки в Москву славянских деятелей. С горечью он писал 1 сентября 1867 г. по этому поводу своему другу, профессору Московского университета О.М. Бодянскому: «Я как вол молотил из-за выставки, а брагу пить не пустили. Такова участь горькая всех трудов моих: трудись, но не смей показывать, что ты трудился»²⁷.

Горячая встреча ожидала славян в Петербурге. Уже на Варшавском вокзале их встретила восторженная толпа в две тысячи человек. Славян обнимали, кричали «Слава!», провожали вплоть до гостиницы, где их разместили. И началась череда приглашений, встреч, обедов. На первом же обеде в Петербурге Ф. Ригер заявил: «Наибольший и первенствующий на земле народ – славянский... Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что мы все один народ, убедились, что если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами»²⁸.

Славяне были приглашены на обед графами С.Д. Шереметевым и Г.А. Кушелевым-Безбородко. 11 мая они присутствовали на богослужении в память св. Кирилла и Мефодия в Исаакиевском соборе. Это богослужение произвело на многих славян большое впечатление²⁹.

В тот же день состоялся обед в Дворянском собрании, стены которого были украшены именами знаменитых славянских деятелей. На обеде присутствовал министр народного просвещения, граф Д.А. Толстой, который в своей речи сказал о необходимости славянам изучать языки и историю друг друга, устанавливая между собою тесные связи. В ответном слове Ригер заявил: «Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же, по крайней мере, союзом духовным». Свое выступление В.И. Ламанский открыл словами, которыми Палацкий приветствовал славянский съезд в Праге в 1848 г. «У нашего собрания тот же всеславянский смысл, – заявил он, – но не те же цели и побуждения... Мы... изгоняем политику из дружеских бесед наших. Мы сошлись просто попить, повеселиться и порадоваться». Несомненно, Ламанский лукавил. Уже речь Полита перечеркнула его заявление. Он высказался откровенно: «Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России... Россия теперь не только русская, но и славянская, всеславянская держава». В том же духе выступил и чех Ф. Браунер, который отметил, что идея славянской взаимности возникла на западе славянского мира и возникла «из настоятельной необходимости спасти славянские народы от поглощения их чуждым элементом. Эту великую мысль может осуществить

только великий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и это народ – русский, в земле которого никогда не заходит солнце»³⁰. Как можно видеть, и сербы, и чехи открыто говорили о возможности своего спасения с помощью России.

Затем славяне посетили заседание Отделения русского языка и словесности Академии наук, музей Академии наук, Эрмитаж и Зимний дворец.

Пребывание славян в Петербурге было отмечено встречами с высшими чиновниками России и даже с царем. 10 мая министр иностранных дел А.М. Горчаков принял официальных представителей княжества Сербии, а затем отдельно – Ф. Палацкого и Ф. Ригера. 12 мая они были представлены великому князю Константину Николаевичу, на следующий день он принял русинов Я. Головацкого и И. Ливчака. Беседы Константина Николаевича со славянами велись в присутствии его адъютанта видного славянофила А.А. Киреева. В своем дневнике последний указывал, что великий князь отметил разницу в стремлениях чехов и галичан: чехи обосновывали свои желания историческим правом, галичане же стояли на этнической почве, ибо историческое право вело бы их к подчинению полякам. Сам Киреев старался внушить собеседникам мысль об отсутствии у России желания поглотить славян³¹. Большая часть славян в это время посетила Горный институт, монетный двор, Петропавловский собор.

12 и 13 мая славяне в два приема обедали у министра народного просвещения, графа Д.А. Толстого. Место хозяйки дома у него заняла видная славянофилка графиня А.Д. Блудова. Вечером же 12 мая славянские гости присутствовали на концерте М.А. Балакирева, на котором исполнялись: «Комаринская» М.И. Глинки, «Казачою» А.С. Даргомыжского, «Увертюра на чешские темы» М.А. Балакирева, «Увертюра на сербские темы» Н.А. Римского-Корсакова, «Фантазия на словацкие темы» Ф. Листа, ария из оперы польского композитора С. Монюшко. Ф. Ригер торжественно преподнес М.А. Балакиреву по окончании концерта дирижерскую палочку из резной слоновой кости, выполненную чешскими мастерами³².

Кульминацией пребывания славян в Петербурге явилась их поездка 14 мая в Царское село. Для большинства это была экскурсия. 26 человек были приняты Александром II. На приеме присутствовали: сербы из княжества (Петрониевич, Джорджевич, Шафарик, Миличевич, Тодорович), чехи (Палацкий, Ригер, Гамерник, Эрбен), русин Головацкий, болгарин Богоров, австрийские сербы (архимандрит Ковачевич, Бегович, Милутинович, Кукич, Суботич, Маткович, Полит), словак Есенский, лужичане Смоляр и Дучман, хорват Данило. Речь Александра II была краткой, но благожелательной. «Здравствуйте, господа! – сказал он. – Я рад видеть вас, славянских братьев, на родной славянской земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!»³³.

В разговоре с сербами царь заявил, что помощь им он считает своим наследственным делом. Далее он выразил надежду на лучшее будущее для сербов, поинтересовался, вывели ли турки свои войска из Белграда. Отдельно удостоились разговора с царем Петрониевич, Миличевич, Шафарик. Александр II похвалил Полита за хорошее знание русского языка, расспросил его о сербском богослужении, а Шафарику он сказал: «Мы сербов всегда считали за своих родных братьев, и я надеюсь, что Бог готовит вам в скором времени лучшую будущность»³⁴. На сербов произвели большое впечатление ничего не значащие слова прощания царя «До свидания!» А.А. Киреев замечал в своем дневнике, что сербы поняли их, как – до свидания в Вене и Царьграде (Константинополь, Стамбул). «На стену лезут! Мы их успокаиваем»³⁵. Особое внимание было уделено и чехам. Александр II беседовал с Палацким, с ним же говорила и императрица. Она выразила сожаление, что у славян нет общей азбуки и правописания³⁶.

Встречей с царем закончился ряд приемов славян государственными деятелями России. Самое большое внимание они уделили делегациям сербов и чехов. Но если то, о чем велись разговоры с сербами, широко освещала русская пресса, то о беседах государственных деятелей с чехами она молчала. О переговорах чехов известно из косвенных источников. Так С.А. Никитин, опираясь на высказывания Э. Вавры, сообщает о том, что Ригер выразил стремление объединить Польшу с Чехией. Существование такой версии подтверждает и факт выступления Ригера в Москве о необходимости примирения русских с поляками, и консультации в Париже с польской эмиграцией Палацкого и Ригера перед их отъездом в Москву. Э. Вавра же писал о существовании некоего «Константинова плана», который предполагал создание славянского государства, зависимого от России. Во всяком случае, чешские политики несколько раз были в гостях у великого князя Константина Николаевича. М. Главачка в своей статье также упоминает о некоем плане создания независимого чешского государства во главе с одним из Романовых, а именно, сыном великого князя Константина Николаевича Вячеславом (Вацлавом). Этот план, по словам Главачки, беспокоил австрийскую полицию³⁷.

Но кто первым придумал этот план? На мой взгляд, скорее всего чехи, боявшиеся распада Австрии после неудачной австро-прусской войны и стремившиеся найти приемлемый выход для чехов. Возникает и еще вопрос: почему свои государственные планы чехи связывали с великим князем Константином Николаевичем и его потомством? Вопрос этот тем более интересен, что за десяток лет до этого свой план создания Славянского государства под эгидой России словацкий национальный деятель Л. Штур просил передать именно Константину Николаевичу. Почему именно на Константина Николаевича и чехи, и словаки возлагали особые надежды? Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

Правительственные круги ясно показали свое расположение к славянам, особенно к сербам и чехам. Но если покровительственное отношение к сербам, их стремлениям избавиться от турецкого владычества, демонстрировалось и Александром II и Горчаковым открыто, то обещания русских правящих кругов чехам до последнего времени были неясны. По наблюдениям Никитина, чехи и Горчаков не поняли друг друга. Исследование М. Главачкой венских полицейских архивов, в которых он нашел донесения некоторых полицейских агентов о встречах чешских лидеров с русскими политиками, дают ему возможность приоткрыть над этим завесу. Главачка утверждает, что Петербург дал чешским лидерам неофициальное обещание, что в случае распада Австрии, Россия не допустит поглощения Чехии и Моравии Пруссией³⁸. По-видимому, вопрос о создании чешского или чешско-польского самостоятельного государства государственные деятели оставили открытым.

После встречи с царем, 15 мая славянские гости отправились в Москву...

Говоря о результатах съезда, М. Главачка отмечает: «До сих пор непонятная славянская взаимность после этой поездки конкретизировалась и превратилась в русско-чешскую, русско-сербскую, русско-черногорскую и тому подобную взаимность»³⁹. М. Главачка подчеркивает, что поездка в Москву способствовала тому, что австрославизм в чешском обществе постепенно стал уступать место русофильским тенденциям. То же можно сказать и о словенском, о хорватском, о словацком и прочих славянских обществах.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Славянский съезд дал известный толчок не только развитию культурных связей между славянами, но и породил определенные политические надежды у них. Так впервые о создании чешского или чешско-польского государства поставили вопрос чешские политические деятели. И если славянофилы не поднимали вопроса о помощи австрийским славянам в создании собственных государств, то неопределенные обещания об этом чехи сумели получить от русских правящих кругов. Спустя некоторое время, когда отпала угроза распада Габсбургской монархии, мысль о собственном государстве чешскими политиками не поднималась вплоть до Первой мировой войны. Опасения австрийских правящих кругов не были безосновательными – политические разговоры относительно будущего своего народа с русскими правящими кругами вели не только сербы, но и чешские политики.

Примечания

¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 91.

² Там же. С. 168.

³ *Ратнер Н.Д.* Программа и тактика чешской буржуазии в 1860–1867 // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1956. Т. 14. С. 116–117.

⁴ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.

⁵ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России... С. 167.

- ⁶ Зарубежные славяне и Россия. М., 1974. С. 268.
- ⁷ Францев В.А. М.П. Погодин и Фр. Палацкий. Прага, 1928. С. 4.
- ⁸ Лаптева Л.П. Славянский съезд 1867 г. и участие в нем чешской делегации // Славянские съезды XIX – XX вв. М., 1994. С. 76–77.
- ⁹ Русский славянин. Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение М., 1867. С. XIII.
- ¹⁰ Никитин С.А. Указ. соч. С. 171.
- ¹¹ Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 61.
- ¹² Никитин С.А. Указ. соч. С. 171–173.
- ¹³ Зарубежные славяне и Россия... С. 259.
- ¹⁴ Там же. С. 146.
- ¹⁵ Там же. С. 369.
- ¹⁶ Там же. С. 45, 46.
- ¹⁷ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 101–109.
- ¹⁸ Биржевые ведомости. 1867. № 120. 7 мая.
- ¹⁹ Никитин С.А. Указ. соч. С. 174, 175. Главачка дает другие цифры – всего чехов и моравян поехало 26 человек. См.: Главачка М. Указ. соч. С. 56.
- ²⁰ Никитин С.А. Указ. соч. С. 187.
- ²¹ Главачка М. Указ. соч. С. 56.
- ²² Зарубежные славяне и Россия... С. 490.
- ²³ Лаптева Л.П. Указ. соч. С. 80.
- ²⁴ Главачка М. Указ. соч. С. 58–60.
- ²⁵ Никитин С.А. Указ. соч. С. 175–180.
- ²⁶ Всероссийская этнографическая выставка... С. 161, 164, 173.
- ²⁷ Титов А. Протоиерей Михаил Раевский в своих письмах к О.М. Бодянскому // Афиши и объявления. М., 1884. С. 51–52.
- ²⁸ Всероссийская этнографическая выставка... С. 179, 180.
- ²⁹ Slavjan. 1873. № 9. S. 139–140.
- ³⁰ Всероссийская этнографическая выставка... С. 197–209.
- ³¹ Никитин С.А. Указ. соч. С. 197.
- ³² Биржевые ведомости. 1867. № 128. 15 мая.
- ³³ Всероссийская этнографическая выставка. С. 221, 232.
- ³⁴ Русский славянин. Первый всеславянский съезд в России... С. 46.
- ³⁵ Никитин С.А. Указ. соч. С. 195.
- ³⁶ Всероссийская этнографическая выставка... С. 233.
- ³⁷ Никитин С.А. Указ. соч. С. 196, 197; Главачка М. Указ. соч. С. 62.
- ³⁸ Главачка М. Указ. соч. С. 63.
- ³⁹ Там же.

Славянский съезд в Москве 1867 г.: задачи и итоги.

Взгляд с русской стороны

И.В. Чуркина рассказала о политических целях, которые преследовали славянские делегаты, приехавшие в С.-Петербург, Москву, на Всероссийскую этнографическую выставку и Славянский съезд. Моя задача – осветить цели принимающей, российской, стороны, с учетом того, что это было частное, не государственное мероприятие и потому нельзя ставить прямого знака равенства между целями российской внешней политики и прожектами славянофилов и «славянолюбов», организаторов съезда. Тем не менее, тот факт, что славянских гостей принимали высшие государственные чиновники, члены царской фамилии и даже сам император – Александр II, свидетельствовал о том, что и «в верхах» этому мероприятию придавали определенное значение.

Удивительное дело, но в «делах давно минувших дней» 140-летней давности можно усмотреть некоторые аналогии с современностью. В 1860-е годы Россия вступила в период коренных внутренних реформ – на тяжкий путь капитализации. В конце этого сложного десятилетия она переживала в отношении внешней политики далеко не блестящие времена. До сих пор она переживала унижительные для великой державы последствия поражения в Крымской войне (1853–1856), вследствие которого она потеряла право выхода ее судов в проливы, и ей было запрещено держать флот в Черном море. Жестокое подавление польского восстания 1863–1864 гг. также существенно повредило имиджу России в глазах европейского общественного мнения. Многие «руссофилы» в славянских странах пережили жестокое разочарование и перешли в лагерь критиков России.

Поэтому объективно приезд славян в Россию и яркая демонстрация того, что она имеет естественных союзников этих среди народов (тогда, правда, не имевших государственной независимости), можно рассматривать как определенную компенсацию за дипломатические потери недавних лет и лишний «щелчок по носу» своей вечной сопернице Австрийской монархии, чьими гражданами являлось большинство приехавших славян. Недаром австрийские власти, серьезно обеспокоенные этим мероприятием, чинили всяческие препятствия выезду славянских делегатов, засылали своих «шпионов» и осведомителей на съезд и пр.¹

Этим можно, как нам кажется, объяснить демонстрацию сочувствия славянскому мероприятию со стороны российских государственных сфер, хотя и без каких-либо конкретных договоров и решений.

Славянофилы же тоже использовали эту ситуацию, для укрепления «прославянского» курса внешней политики России, в необходимости которого они

давно пыгались убедить правящие круги. Но организаторы съезда ставили перед собой и более конкретные цели укрепления межславянского сотрудничества, в чем добились некоторых результатов.

Какие же вопросы обсуждались на съезде? Но сначала очень коротко о ходе Славянского съезда в Москве и о том, в какой атмосфере это происходило. Если в Петербурге гостей ждало, более «интеллектуальное» общение в государственных сферах, то в хлебосольной Москве, они получили заряд, так сказать, «плотских» удовольствий на уровне дворянской и купеческой элиты.

В Москве славяне пробыли с 16 (28) по 27 мая (7 июня) 1867 г. На вокзале их восторженно встретили 10 тысяч народа. На следующий день славянские гости посетили Этнографическую выставку. Однако интерес к ней проявили только специалисты: Ф. Палацкий, Ф. Ригер, К.Я. Эрбен, М. Майр, Я.Ф. Головацкий и др., которые сами содействовали пополнению ее экспонатов. Официальная экскурсия по выставке заняла не более часа². Это еще раз свидетельствовало о том, что славян привел на съезд далеко не этнографический интерес.

17 (29) мая они осматривали Кремль и его соборы, Чудов монастырь, их принял митрополит Филарет. 24 мая (4 июня) славянских гостей отвезли в Троицко-Сергиевскую лавру.

В Москве славян ждали приемы у частных лиц – историка М.П. Погодина, славянофилов И.С. Аксакова, А.И. Кошелева, кн. В.А. Черкасского, историка С.М. Соловьева, писателя В.Ф. Одоевского, издателя М.Н. Каткова и др. Именно в частных домах поднимались многие важные проблемы. Так, на обеде 22 мая у князя Н.П. Мещерского рассматривался вопрос о славянском литературном языке, на приеме у М.П. Погодина 26 мая дискутировали о перспективах межславянского сотрудничества и пр.

18 (30) мая на заседании в Московском университете гостей приветствовали 18 ученых и художественных обществ Москвы. На следующий день в университетской зале был дан обед на 200 персон, где чешский «златоуст» Ф. Ригер говорил о славянской общности как гармоническом союзе единства и многообразия и необходимости созывов съездов славянских ученых.

20 мая (1 июня) состоялось заседание Общества любителей российской словесности под председательством Н.В. Калачева. Кроме выступлений делегатов звучали стихи А.А. Майкова, К.С. Аксакова, Б.Н. Алмазова³.

Центральным событием московского съезда стало пышное торжество в Сокольниках в громадном шатре на Ширяевом поле 21 мая (2 июня), которое едва не испортил «польский вопрос». М.П. Погодин в своей речи выразил сожаление, что на славянском съезде нет поляков, пребывающих в «роковом ослеплении». Ему ответил Ф. Ригер, обещавший еще в Париже польским эмигрантам выступить в защиту Польши. Он дипломатично объяснил причину их отсутствия на съезде, пожурил за претензии на западно-украинские и белорусские земли и выступил за примирение поляков и рус-

ских. В телеграмме И.И. Срезневскому лаконично уточнялось: «Ригер горячо ратовал за признание прав народа польского и его политической суверенности и за то, чтобы русские помирились с поляками»⁴. Князь В.А. Черкасский вынужден был выразить позицию русского правительства по польскому вопросу, исключаящую представление Польше какой-либо самостоятельности. Эти речи на другой день широко комментировались в славянской прессе. «Благодарные» поляки обвинили своего заступника Ф. Ригера в недоброжелательности к польскому народу.

Неловкость положения отчасти спасло великолепное празднество в Зоологическом саду, обед в купеческом собрании 26 мая (6 июня), где они, однако, узнали о неудачном покушении поляка А. Березовского на Александра II в Париже. Гости были поражены многочисленными молебнами во здравие государя последовавшими за этим известием⁵.

Отъезжающих славянских гостей М.П. Погодин напутствовал следующими словами: «Мы убедились, что из всех европейских народов естественные, первые друзья России, суть славяне. Точно также убедились и вы, что вам никому надеяться не на кого, кроме русских»⁶.

Но вернемся к вопросу о том, что стало предметом обсуждения на съезде. Судя по материалам российской прессы, таких вопросов было сформулировано несколько: о сути славянского единства, о необходимости введения русского языка в качестве «культурного» языка славян. В ходе съезда добавились вопросы: об освободительной роли России, польский вопрос, об организационных формах межславянского общения и др.⁷

Русская сторона была заинтересована, прежде всего, в обсуждении первых двух вопросов. Славянское единение мыслилось большинством как духовный союз с опорой на Россию. «Отечественные записки» сформулировали это следующим образом: «Со стороны славян желание опереться на Россию для самобытного развития своей национальной жизни, со стороны русских – стремление сблизиться со славянами, чтобы найти в них деятельных пособников и охранителей нашего гражданского перерождения»⁸.

Второй вопрос понимался как начальный шаг в практическом решении первого: славянское сближение должно опираться не на государственную основу, а на «начала» культурного, «племенного» общения, то есть на язык. Отсюда мысль о желательности объединения и сближения славянских языков или принятия единого славянского языка как базы славянского единства. В качестве такового устроители съезда, естественно, выдвигали русский язык⁹. За это особенно ратовал В.И. Ламанский: «Да процветает в России наука и образование, да принимает она всенародное, самобытное направление и да становится русский язык – языком общеславянским»¹⁰.

Вполне очевидно, что хозяева и гости преследовали на съезде далеко не тождественные цели. Для представителей славян в то время наиболее важ-

ными были не теоретические проблемы общеславянского единства и общеславянского литературного языка, а решение конкретных политических вопросов своего национального устройства в «дуализирующей» Австрийской монархии. Поэтому их ответы на поднятые русскими деятелями вопросы были далеки от ожидаемых.

Это проявилось, в частности, в довольно согласной позиции славянских гостей по вопросу о славянском единстве и «взаимности». Общее мнение выразили Ф. Браунер, Ф.Л. Ригер и др. Признавая, что разные славянские народы составляют «единое племенное целое, как по языку, так и по крови», они решительно отвергли идеи о каком-либо более тесном объединении славян, чем уже существующее. «Златоуст» Ригер красочно говорил, в частности, только о единстве славян в разнообразии и гармонии их интересов, образно представляя это как «гармонический лад московских колоколов», но выступил против их культурно-политического объединения¹¹.

Славянские гости отвергли и тезис о едином общеславянском языке. Мнение большинства ясно выразил Ф. Палацкий: «Все мы славяне, тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более поучительного и утешительного будет нам представлять русская литература, но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой. *Мечты об образовании и распространении одного языка всеславянского – суть мечты и ничего более*» (Подчеркнуто нами. – М.Д.)¹². Примечательно, что сторонники общеславянского языка, прибывшие на съезд: А. Радлинский, М. Маяр, И. Ливчак, Я. Головацкий не поддержали выдвижение в качестве такового русского литературного языка. В его пользу высказался только болгарин И. Богоров: «Должна быть у славян общая литература, и для этого мы уже имеем готовый, язык русский»¹³.

Наибольшее единодушие гости и хозяева проявили в вопросе об освободительной роли России в отношении славян, особенно южных.

Гости неоднократно (например, тост Ф. Ригера в английском клубе, речи М. Полита-Десанчика, Р. Жинзифова и др.) говорили о том, что долг России помочь в освобождении южных славян. Полит-Десанчик, в частности, сказал: «Надо же, наконец, прекратиться господству одного племени над другим, как бы оно не называлось – турецким, мадьярским или австро-немецким... Вопрос о судьбе славянства можем решать теперь сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России»¹⁴. В том же духе выступил и Жинзифов по существу с пророческим заявлением: «Болгарский народ вполне верит, что когда наступит пора, а эта пора недалеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от многовекового тяжкого ига»¹⁵. И, действительно, не прошло и десятилетия, и именно Россия освободила болгар от османского гнета в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Уже отмечалось тяготение русских официальных кругов к православным сербам и болгарам. Так, в ходе встречи в Петербурге вице-канцлера, князя А.М. Горчакова с сербскими делегатами (М.А. Петрониевич, Я. Шафарик, М. Миличевич, С. Тодорович, В. Джоржевич и М. Полит-Десанчич) им было обещано, что Россия будет, как и прежде, стоять «на страже интересов сербского народа». Чешских делегатов Ф. Палацкого, Ф. Ригера на этой встрече Горчаков заверил, что в отношениях с Австрийской монархией «никогда не упускает из виду славянских интересов»¹⁶.

Чехи в Москве и Петербурге, хотя и демонстрировали австрийскую лояльность, но проявляли повышенный интерес к слухам о наличии так называемого Константинова плана, который в передаче Э. Вавры (из бесед с М.Н. Катковым) заключался в проекте образования Западнославянской империи в качестве русского сателлита с представителем династии Романовых во главе. В состав ее предполагалось включить земли на запад от Вислы, то есть польские и чешские. Другое подобное государственное образование предполагалось учредить на Балканах. Об этом узнал Ф.Я. Йезбера от А.А. Киреева, адъютанта великого князя Константина. Все это толкало чехов на визит к великому князю. Таких визитов было два, но они не имели каких-либо конкретных политических последствий¹⁷.

Ход съезда едва не испортил, как мы указывали, польский вопрос.

На съезде также обсуждался вопрос о конкретном воплощении славянского единства. Хозяева в Петербурге и Москве не раз говорили о создании славянского университета в Варшаве¹⁸. Эта идея скоро была реализована. Ф. Ригер предложил периодически созывать съезды славянских естествоиспытателей, историков, художников, экономистов, посредством которых «ширится наше братское самосознание и славянская наука, а с нею и славянское просвещение»¹⁹. Эта идея получила реализацию в межвоенной Чехословакии, где был созван первый съезд славянских филологов (1929) и проводились другие съезды славянских специалистов²⁰. В. Джорджевич предлагал идти путем создания славянских обществ типа сербской «Омладины» с упором на изучение народных обычаев и культуры²¹. Эта идея также нашла реальное воплощение в славянских землях. Более конкретно смогли договориться представители сербского православного духовенства на встрече с московским духовенством. Они решили организовать в Москве Общество по изучению религиозных и церковных вопросов у славянских народов и поддержке их конфессиональных интересов²².

Был поднят и организационный вопрос о созыве будущих общеславянских съездов. В созданный оргкомитет вошли: М.П. Погодин, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Н.А. Попов, П.А. Лавровский, Н.Б. Бугаев, Я.Ф. Головацкий, Й. Суботич, М. Полит-Десанчич, Ф. Палацкий, Ф. Ригер, К.Я. Эрбен. Было решено созывать подобные съезды периодически раз в два года в августе месяце. «На этих съездах, – говорилось в решении, – будут подвергаться свободному обсуждению

различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян». Ближайший съезд предполагалось созвать в Белграде²³. Прошло не мало времени, пока этот проект осуществился: были организованы неославянские съезды в Праге (1908), Софии (1910), после Второй мировой войны в Белграде (1946), в наше время в Праге (1998), Москве (2001), Ужгороде (2002), Минске (2005) и др.²⁴

М.Н. Катков и др. выдвигали также проект создания Всеславянской матицы, но он не встретил сочувствия ни у чехов, ни у сербов. Зато национальные издательские «матицы» в то время создавались почти у всех славянских народов²⁵. На совещании у историка М.П. Погодина в присутствии Ф. Палацко, Ф. Ригера, Я. Шафарика, Л. Гая, М. Маяра говорилось также о необходимости создания словаря всех славянских наречий, об основании всеславянского журнала и пр., но эти проекты так и остались нереализованными²⁶.

* * *

Каковы же итоги славянского съезда 1867 г.?

Выступления гостей и хозяев, а также пресса показали, что понимание ближайших задач и нужд славянского движения, конкретных вопросов славянской политики у русских и зарубежных участников съезда были различными. Надежды русских славянофилов и панславистов на установление реального духовного союза славян с Россией, на определение русского языка в качестве общелитературного славянского не оправдались. Не приняли славяне и предложений о каком-либо тесном организационном сближении. Говоря о существе съезда, наиболее трезвая газета «Голос» остроумно заметила: «Характер был **восклицательный** – больше из междометий; цели – разные **препинательные**: кому хотелось политики, кому языка, а кому просто духа; результаты, наконец, пока очень **вопросительные**, а общее впечатление **недоумение**» (выделено в тексте. – М.Д.)²⁷.

Славяне, со своей стороны, во многом разочаровались в возможности осуществления своих политических надежд при помощи России, так как съезд не побудил австрийское правительство капитулировать перед демонстрацией в Москве, отказаться от планов «дуализации» империи. Более того, некоторые депутаты подверглись от него гонениям и преследованиям²⁸. Съезд показал зарубежным славянам, что в России существуют сочувствующие им общественные течения (славянофилы, панслависты и «славянолюбы»), которые, однако, не определяют внешнюю политику страны.

И все же съезд дал некоторые результаты. Остались в памяти участников радушный и пышный прием гостей в Москве и Петербурге, перипетии съезда горячо обсуждались ими по возвращении на родину и стали достоянием широкой славянской общественности, в которой усилились русофильские на-

строения. Идея славянской общности в это время вновь стала популярной. Расширились и окрепли научные и культурные межславянские связи. Многие идеи славянского сотрудничества, как мы указывали, не были забыты и нашли свое воплощение через десятилетия. Были и материальные результаты съезда – сербы княжества получили необходимые финансовые средства²⁹.

Съезд не имел прямых внешнеполитических последствий для России, но была пробита брешь в ее внутреннем «прозападническом» общественном мнении. Славянофильская «Москва» писала: «Величайшим благом последствием посещения нас славянами было то, что славянский вопрос в самой России перешел в общественное ведение и сознание, из отвлеченного стал действительным, реальным, из области книжной спустился в жизнь»³⁰. И это стало особенно заметным через несколько лет, когда общенародное восстание в Боснии и Герцеговине (1875–1878) и освободительная Русско-турецкая война (1877–1878) всколыхнули все российское общество.

Примечания

¹ *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // *Славяноведение*. 2007. № 1. С. 54–65.

² *Prelog M. Pout' Slovanou do Moskvy roku 1867.* Praha, 1931. S. 95.

³ Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. М., 1867. С. 309; *Prelog M. Pout' Slovanou ...* S. 99–100.

⁴ ПФА РАН. Ф. 216. Оп. 1. Д. 964. См. также: *Досталь М.Ю.* Чешские связи И.И. Срезневского в 60-е годы XIX в. // *Культура и общество в эпоху становления наций*. М., 1974. С. 188–191.

⁵ Всероссийская этнографическая выставка... С. 406.

⁶ Там же. С. 409.

⁷ *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // *Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*. М., 1998. С. 112.

⁸ *Отечественные записки*. 1867. Т. 172. С. 110.

⁹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 49–50.

¹⁰ Всероссийская этнографическая выставка... С. 86–87.

¹¹ Там же. С. 301.

¹² Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 53.

¹³ Там же. С. 211–212.

¹⁴ Всероссийская этнографическая выставка... С. 208.

¹⁵ Там же. С. 377.

¹⁶ Там же. С. 185; *Prelog M. Pout' Slovanou ...* S. 77–78.

¹⁷ *Prelog M. Pout' Slovanou ...* S. 113.

¹⁸ *Ibid.* S. 112.

¹⁹ Всероссийская этнографическая выставка... С. 303.

²⁰ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // *Славистика СССР и русского зарубежья 20 – 40-х гг. XX в. М., 1992. С. 38–52.*

²¹ *Всероссийская этнографическая выставка... С. 366.*

²² Там же. С. 382–383.

²³ Там же. С. 410.

²⁴ Подробнее см.: *Русско-славянский календарь на 2005 год / Авторы-соавители М.Ю. Досталь, В.Д. Малюгин, И.В. Чуркина. М., 2005.*

²⁵ *Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Ч. 1–2.*

²⁶ *Никитин С.А.* Славянские съезды... С. 69.

²⁷ *Голос. 1867. № 166. 18 (30) июня*

²⁸ *Prelog M. Pout' Slovanou ... S. 121–128.*

²⁹ *Никитин С.А.* Славянские съезды... С. 31.

³⁰ *Москва. 1867. №72. 1 июня.*

Н.М. Пашаева (Москва)

Галицкие русины на Славянском съезде 1867 г.

Перед открытием Всероссийской этнографической выставки в марте – начале апреля 1867 г. были прочитаны 22 публичные лекции по разным темам, связанным с выставкой¹. Вторую прочитал устроитель славянского отделения выставки профессор Нил Александрович Попов. Она называлась «Сто лет русской жизни под чужим владычеством. Из истории Галиции».

Как только в славянские земли были разосланы приглашения, среди других на них откликнулись во Львове и Галицко-русская матица и Русский народный дом. По их поручению, профессор Львовского университета, тогда еще уже известный ученый Яков Федорович Головацкий (1814–1888) провел большую работу по подбору этнографической коллекции для выставки², согласился сам ехать в Москву. В своей монографии С.А. Никитин замечает, что, кроме Головацкого «все главы делегаций и большая часть видных их участников к организации выставки и снабжению ее экспонатами никакого отношения не имели»³.

В обеих публикациях по истории съезда, вышедших в том же 1867 г.⁴, постоянно мы находим имя Я.Ф. Головацкого, крупного историка и этнографа, известного далеко за пределами своей родины. Он принимал деятельное участие за все время работы съезда и был одной из знаковых фигур на нем. В то же время путь его на этнографическую выставку и съезд был достаточно тернистым. В своем классическом труде Ф.Ф. Аристов писал, что речь Головацкого на съезде «послужила предлогом для Австрии начать гонения на Якова Федоровича, которые привели его к необходимости покинуть родную Галицкую Русь»⁵. Этому мнения придерживались и последующие био-

графы, в том числе, и автор настоящей статьи. Однако все было более трагично: нападки на Головацкого «начались еще с 1853 и 54 годов... Тогда он отрешен был от преподавания русского языка и литературы в VII и VIII классах обеих львовских гимназий и оставлен был только при университете»⁶. Травлю его вел наместник Галичины граф Агенор Голуховский. Следующим этапом были события мая 1859 г. По инициативе Голуховского, была назначена комиссия, которая должна была одобрить проект перехода школьного обучения в Галичине с традиционной кириллицы на латинский шрифт. Голуховский прямо заявил, что введение латиницы вызвано необходимостью поставить преграду распространению великорусского языка. Силами галицких будителей, среди них Головацкого, проект был провален, Голуховский был вынужден уйти в отставку. В 1861 г. документы этой неприглядной истории Головацкий опубликовал отдельной книгой. Однако в 1866–1867 гг. Голуховский – снова наместник Галичины, и ему удастся справиться с Головацким. 9(21) октября 1866 г., в письме к князю Владимиру Александровичу Черкасскому Головацкий пишет: «Голуховский без обвиняков сказал митрополиту (Львовскому Литвиновичу), что меня хочет отстранить потому, будто я во всем виновен, что дал *худое* (подчеркнуто Головацким – *Н.П.*) направление галицко-русскому языку, худое, по его мнению, потому, что я не пошел за сепаратистскими мечтаниями малороссизма и противоборствовал против польских подстрекателей украинофильства. По той причине, не дожидаясь кораблекрушения, смотрю и я заблаговременно за спасительной лодкой и обращаюсь к Вашему Сиятельству с умиленной просьбой, благоволите, в случае мой отставке, исходатайствовать для меня царскую милость. Я рад бы остаться здесь, жить и действовать среди своих родимцев. Но без постороннего пособия никак не возможно мне будет прокормиться мне с семейством»⁷. Через три дня, в письме от 12(24) октября 1866 г. тому же Черкасскому, Головацкий пишет о тех мероприятиях, которые готовятся против русского движения в Галиции, и прибавляет: «Первый удар падет на меня и некоторых друзей моих. Тяжко расставаться со своей родной землей и своим милым родом, для которого добра мы посвятили всю нашу жизнь...»⁸.

Параллельно с подготовкой экспонатов Головацкий принимал деятельное участие в приглашении молодых галичан на учительские должности в Россию. Через Головацкого протоиерей посольской церкви в Вене о. Михаил Федорович Раевский пересылал для кандидатов выделенные для них Министерством просвещения деньги, через Головацкого осуществлял оплату заказываемых для выставки экспонатов. В письмах к Раевскому Головацкий посвящает его и в свои тяжелейшие проблемы: на его плечах шестеро детей. Так, в письме от 9 (21) ноября 1866 г., после отчета о том, что ему удалось собрать для выставки и сделать для двух кандидатов в учителя, он пишет: «Не миновало два месяца, и у меня умерла теща, ее сестра, моя сватья, и родной брат, не считая пре-

жних потерь. И везде остались сироты, которые смотрят и требуют, чтобы я пособил им! Не конец тому несчастью. Голоуховский привез с собою программ, в котором положено, чтобы всех знаменитых деятелей русских и пособителей русскому делу, отстранить, а меж этими проскриброванными стоит и мое имя. Я знаю из верного источника, что в здешней президии лежит уже готовое предложение и доклад в министерство на мою отставку, а Литвинович заявил, что мне и прихода дать не может, ибо я приклонен к схизме и Москве и выправляю русскую молодежь в Россию. Так меня, семьянина, отпустят с половиной или третью жалованья. Чем тут выжить! Не была бы пора удобна походить-тайствовать у е.в. царя государя... выпросить для меня какого жалованья. Извините, что пишу небрежно. Ради Бога, помогите!»⁹.

Вся деятельность Головацкого носила подчеркнuto лояльный характер, однако, по распоряжению Голоуховского, в квартире профессора был проведен незаконный полицейский обыск, сам профессор был отстранен от преподавания в университете и, хотя ничего предосудительного найдено не было, дело было передано в академический сенат (совет профессоров), который тоже не нашел никакой его вины. Но еще до решения сената Головацкий 21 февраля (5 марта) 1867 г. писал Раевскому: «Меня отрешили от чина и звания»¹⁰. Позднее ему была назначена небольшая пенсия, на которую прокормить семью было невозможно.

Экспонаты для выставки Головацкий выслал в Москву еще в феврале (5 марта н. ст.) 1867 г., а сам прибыл в Россию в начале мая. В состав небольшой делегации входило еще двое молодых галичан: Иосиф, или Осип, Николаевич Ливчак (1839–1914), известный издатель в Вене газеты «Страхопуд» (т.е. «Чучело»), и Евгений Осипович Павлевич, доктор прав, общественный деятель, известный львовский адвокат, член Народного Дома во Львове¹¹.

Для второй половины XIX в. научные съезды не были редкостью, порой при них состоялись и выставки¹². В 1867 г. было обратное: при Славянском отделе Всероссийской этнографической выставки состоялся Славянский съезд, который, пожалуй, будет натяжкой назвать научным. Эйфористическое выступление В.И. Ламанского на славянском обеде, на котором прозвучало: «Мы не хлопчем о чужом спасении, никого не желаем спасти, и изгоняем политику из дружеских бесед наших. Мы сошлись просто попить, повеселиться и порадоваться», конечно, было преувеличением. Съезд был частью «большой политики» и Ламанский-историк закончил свое выступление уже вполне трезвым «да развивается... взаимное общение русского народа с его славянскими братьями, да растет и крепнет славяно-русский союз»¹³. Выступление Ламанского было встречено криками «Браво!», «Слава!». Головацкий понимал, что Галичине далеко до этой эйфории. Маленькая делегация русских галичан с их проблемами и парадоксами стояла особняком.

Заметим, что вплоть до середины 60-х гг. XIX в. национальное движение галицких русинов еще не стало жертвой раскола, оно в тех или иных вариантах

было действительно галицко-русским, а украинская струя в нем являлась его естественным элементом¹⁴. Нельзя забывать, что тогда Украина («Малороссия») была неотъемлемой частью России, объединившей все земли Древней Руси кроме Галицкой и Угорской. Превращение украинского движения в Галичине из культурного в политическое было делом австрийской политики, недаром прозорливый Головацкий на страницах петербургского украинского журнала «Основа» в анонимной статье еще в 1862 г. отметил будущую опасность¹⁵. Попытка защитить интересы русинов Австрийской империи, а тем более поддержать их надежды, легко могла обернуться военным конфликтом. И Россия, в лице представителей передового русского общества и правительства во главе с Александром II, была вынуждена лишь издали следить за развитием событий. (Помогая иногда даже полулегально лишь отдельным жертвам). Возможная война грозила России страшными последствиями. (Головацкий едва ли мог думать, что позже в каком-то близком варианте парадоксальная ситуация может повториться).

Знаменательно, что дорога на выставку проходила через Петербург, где, пожалуй, и происходили главные события съезда. Одним из важнейших моментов был торжественный славянский обед в день памяти Кирилла и Мефодия 11 мая в большом зале Дворянского собрания Петербурга. Под белой хоругвью с изображением Солунских братьев звучали многочисленные речи. Среди других взял слово и Головацкий. Его речь была не всплеском эмоций, а скорее серьезной исторической справкой. После краткого лирического вступления он сказал: «Позвольте да приветствовать вас всех родным словом и русским сердцем от имени моих земляков, родных вам русских галичан, живущих по сю и по ту сторону Карпатов. Позвольте мне в эту нарочитую минуту вспомнить, что моя родная страна, родившая, взлелеявшая и воспитавшая меня в духе славянском есть исконная русская земля, что эта дорогая моему сердцу земля есть древнее достояние святого равноапостольного великого князя Владимира, который, окрестив ее, вместе с другими русскими землями, соединил сродных нам по племени и роду славян теснейшими узами духовного единения святой веры. Вспомним, братья, что в этой святорусской земле нашей владели в течение многих веков князья русские того же Рюрикова племени, которые обладали другими русскими землями. Мы составляли все один великий русский народ, один по роду и племени, один по вере, один по языку, один по закону и обычаю, один по законам власти; мы были родные братья, семейный кружок одной родины. Но по неисповедимому промыслу Божию досталось на долю нам испытать тяжкое горе – мы остались под властью иностранцев и чужеплеменных, исконный союз наш расторгнут насильно на долгие времена... Наконец..., засветило солнце науки..., наука пригадала нам прежнее сходство и одноплеменность славян, а мы, русские, почувствовали, что мы в родине наших одноплемен-

цев роднее всех с вами; мы припомним, что у нас издревле одна история, один язык, одна народность русская...». Свое выступление Головацкий закончил тостом: «Да крепится и возрастает дух единства и уверение в единоплеменности нашей славяно-русской, да придут все в сознание того убеждения, что мы по роду и по племени, по вере и языку, по крови и кости искони один народ и да живет великий славянский многомиллионный русский народ»¹⁶. На протяжении всего пребывания на съезде члены маленькой делегации русских галичан вели активную жизнь. Особенным уважением пользовался Головацкий, европейски известный ученый, его недаром назвали «Ломоносов Червонной Руси»¹⁷.

Вот лишь некоторые упоминания о пребывании русских галичан на съезде. 4 мая 1867 г. поезд со славянскими гостями пересек тогдашнюю русскую границу и в 12 часов ночи прибыл в Варшаву. На следующий день, 5 мая, на обеде в русском собрании прозвучали многочисленные тосты и речи, среди них и речь Ливчака, в которой он указал причину страданий славян и выразил надежду на их прекращение. Причину страданий славян, живущих на Западе, докладчик видел в том, что «с нашими древними соседями, которых мы сейчас посещаем, связывает нас связь природная, естественная, связь, созданная самим Богом, когда, напротив, с нашими политическими соотечественниками, с которыми мы живем под одной крышею в одном государстве, связывает нас связь искусственная, связь политическая, связь, созданная простым случаем...» и закончил речь надеждой, что славянский гений «сблизит все племена славянские и объединит их в великий могущественный народ славянский, и тогда мы станем уже в мирные отношения и к другим чужим народам»¹⁸. Когда гости проездом остановились в Вильно и посетили православную семинарию «Головацкий обратился к воспитанникам с душевной речью, в которой выразил желание духовного просвещения будущим духовным просветителям»¹⁹. Обед в дворянском клубе в Вильно принял характер дружеского собрания. На нем, в частности, Ливчак сказал, что «славянские начала в России всегда были сильнее, чем предполагали и предполагают другие народы». Главное обвинение в неславянстве падает на нее со стороны поляков. «Если б дело шло о поляках угнетенных, — заключил Ливчак, — я не решился бы поднять против них слово. Но поляки поносят весь славянский мир не за то, что их угнетают, а за то, что им не позволяют господствовать»²⁰. (При подготовке выставки и съезда польская пропаганда и в австрийской Галиции, и в эмиграции всячески старалась помешать этому русскому мероприятию).

В день памяти Кирилла и Мефодия 11 мая, по болезни, митрополит Исидор не мог совершить богослужение. Перед обедней пятеро из славян: 4 православных священника и 1 униатский (Головацкий) были представлены владыке Исидору. Он радушно их принял, расспрашивал о положении право-

славной церкви в Австрии. «Особенно долго беседовал он с профессором Головацким, подробно расспрашивая его об его процессе и преследованиях, которым он подвергался от графа Голуховского»²¹. В этот же день вечером состоялся знаменитый обед, на котором Головацкий произнес известную нам речь. «Впоследствии слушатели Львовского университета благодарили профессора Я.Ф. Головацкого за то, что он в своей речи так верно выразил чувствования и убеждения трехмиллионного русского населения Галиции»²². На другой день 12 мая состоялся обед для славянских гостей у министра народного просвещения Д.А. Толстого, на котором были все трое галицких посланцев²³. 13 мая Головацкий и Ливчак были представлены великому князю Константину Николаевичу²⁴. 14 мая гости были приглашены в Царское Село, где депутацию из 23 славянских гостей принял Александр II, среди них был и «русский из Галиции» Головацкий²⁵.

В Москву поезд пришел вечером 16 мая. По прибытии в древнюю столицу Головацкий продолжал, как почетный гость, участвовать во всех мероприятиях устроителей съезда. Так, 17 мая, в первый день пребывания славян в Москве, начался с посещения кремлевских святынь. Успенский собор поразил посетителей своей древностью, а Головацкий заметил: «Можно найти в разных странах памятники более древние, но едва ли еще где-нибудь так много древнего соединено вместе и так входит в современную жизнь страны»²⁶. В этот же день депутация из славянских гостей, 18 человек, была принята митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). «В духе христианства да растет общее наше единение, и в таком единении — сила, способная созидать и распространять общее и частное благо», — прозвучало в приветственной речи владыки, (ныне причисленного к лику святых). А в последующей затем беседе «он обращался с вопросами о состоянии духовных дел в Сербии к членам сербского духовенства, со словами утешения к угнетенным собратьям в Галиции, представленным в депутации каноником Головацким»²⁷.

На другой день, 18 мая, в Московском университете состоялось совместное заседание членов университета, депутатий еще от 17 ученых и художественных обществ, существующих в Москве, и славянских гостей²⁸. После выступлений русских ученых, по приглашению ректора, первое слово взял Головацкий. Он выступил с небольшой, неподготовленной заранее горячей речью: «Я благоговею перед наукою, столь развитой в этой древней столице Руси, — сказал он, — я благоговею в том храме муз, в котором трудились и работали ученые мужи слишком сто лет, который произвел столько славных и просвещенных мужей на благой России и всего человечества». При всем разнообразии специальностей выступавших здесь ученых «они сходились в одном фокусе, в одной мысли, в мысли объединения всех славян в науке...

Да будет слава всем деятелям славянской науки!»²⁹. 21 мая, на торжественном обеде в Сокольниках, в речи В.А. Черкасского также упоминались и русские галичане. Словом, Галичина на съезде «прозвучала». В июле 1868 г. Головацкий писал Нилу Попову: «Уже круглый год прошел с той поры, как Славяне попрощались с матушкой Москвой Белокаменной. Все мы радовались нашему сближению и знакомству – все желали, чтобы тот тесный союз Славянского братства скреплялся, и чтобы общение между соплеменными Славянскими народами непрерывно продолжалось, и я с такими мыслями прощался с Русскими и искренне желал поддерживать беспрестанную переписку с учеными старинной столицы Руси и центра русской жизни»³⁰.

По возвращении в Галичину Головацкий еще раз убедился, что ни как профессор университета, ни как ученый, ни даже просто как священник применения своим силам он не найдет, а прокормить большую семью на пенсию невозможно. Помощь пришла из России. Он был приглашен в Вильно (нынешний Вильнюс) на пост председателя Виленской археографической комиссии. В сентябре 1868 г. он пишет Раевскому, что переехал в Россию «с крепким намерением переселиться сюда и стать коренным русским»³¹. В конце этого же года состоялось Высочайшее повеление Александра II о назначении Головацкого. Но только что занявший свой пост новый генерал-губернатор края А.Л. Потапов проявил особую «бдительность» и сделал все, чтобы добиться вообще удаления Головацкого из края. Но когда он представил лично Александру II ходатайство Головацкого о принятии его с женой и 6 малолетними детьми в подданство России, император не только удовлетворил его, но и распорядился наградить Головацкого чином статского советника и зачесть ему в стаж на пенсию его службу во Львовском университете, т.е. с 1848 г. Церковное начальство не требовало, чтобы ученый менял свое вероисповедание, ему было разрешено «ходить в нашу церковь и исполнять все обряды при помощи наших священников». Однако он добровольно снял духовный сан и с семьей принял православие (что решил уже давно). Еще два десятилетия он работал на благо русской науки: под его началом вышло 15 томов документов³². Но для Галичины, как признанный лидер, он был потерян, и эта ноша легла на плечи Наумовича.

По возвращении со съезда Ливчак продолжал свою издательскую работу. Павлевич, очевидно, на съезде не выступал, но не раз его имя встречается в отчете о съезде³³. Кроме Головацкого и двух его спутников, среди «русских» депутатов упоминается еще четвертый – Михаил Васильевич Молчан (1832–?) – закарпатский национальный деятель, русофил, нотариус Пряшевской консистории, казначей в Обществе св. Иоанна Крестителя и один из организаторов тайного общества св. Андрея Первозванного³⁴, «приславший в дар на выставку прекрасное собрание фотографий большого формата, изображающих венгерских русских»³⁵. Упоминаний о присутствии его на съезде, ка-

жется, нет. Скорее всего, он и не участвовал в мероприятиях съезда. В РГБ хранится несколько писем Молчана Нилу Попову 1867–1872 гг., последнее – из Петербурга, куда эмигрировал Молчан, с указанием его петербургского адреса. Его имя упоминается еще в 1875 г.³⁶. Судьбу его и год смерти нам установить не удалось³⁷.

* * *

История Славянского съезда и, может быть, более всего, участия в нем галицких русинов находит какие-то аналогии и в проблемах нашего времени. Как тогда правительство Александра II всячески избегало конфликтов с Австрийской и Австро-Венгерской империей, так и ныне Россия вынуждена отстраняться от конфликтов с чужим государством, какими является сейчас Украина, наблюдать дела на Украине «с расстояния». Из основного доклада Головацкого вытекало требование объединить Карпатскую Русь с остальной Россией, но Галицкий будитель отлично понимал, что в тогдашних условиях это было невыполнимо. И недаром он еще в 1862 г. сформулировал, что такое для Галичины вынужденный австрославизм³⁸. Разница ныне состоит в том, что при вынужденной специфической украинизации Украина сильна, и мы верим, сама справиться со своими бедами.

На съезде вероисповедание его участников христиан-славян игнорировалось. Для галичан это было особенно важно: и владыка Исидор, и св. митрополит Филарет (Дроздов) принимали Головацкого и его спутников как своих, ибо для русинов тогдашней Галичины православных церквей вообще не было, уния была вынужденной. И почти такое же положение в Галичине сейчас. Нашей православной церкви еще придется сталкиваться с вопросом, как относиться к вынужденным униатам и тем, кто сейчас ходит в филаретовские храмы и храмы автокефальной церкви. А если нет других? Православных храмов осталось так мало! До них часто просто человеку не добраться, детей верных православных травят. А массовый отток из неправославных храмов в православные, думается, наступит, как только жизнь войдет в нормальное русло.

И, наконец, быть может – самое важное. Съезд проходил под лозунгом великой взаимной любви славян друг к другу и России. Элементы этой любви еще долго сохранялись и сохраняются донныне. Но то, что творится сейчас на Украине (борьба с русской культурой, восхваление националистско-карателей) вызывает резкое отторжение. Иногда у нас даже звучат озлобленные выпады против украинцев вообще. Если мы совершенно законно исторически считаем украинцев русскими (как считает и значительная часть их самих), то оскорбительные выпады против них – это ведь пощечина самим себе. Надо бесконечно любить ныне так страдающих украинских и русинских наших братьев, замороченных и обманутых. Сейчас украинский книжный рынок, СМИ захлестнула волна исторических фальсификаций. Думает-

ся, нам необходимо ответить на этот вал лжи, прежде всего, не критикой, а созданием небольших, доступных широкому читателю недорогих книг, где читатель найдет великие имена святого митрополита Петра, основателя московского Успенского собора, Дмитрия Ростовского, М.А. Максимовича, Н.В. Гоголя, О.М. Бодянского и еще многих. Где читатель найдет правду о великом святом князе Владимире и его Руси. Пусть эти книги говорят голосом исторических источников, и в них обязательно должны быть честные ссылки.

Примечания

¹ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 28.

² Там же. С. 116.

³ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 181.

⁴ Всероссийская этнографическая выставка...; *Русский славянин*. Первый Всеславянский съезд в России, его причины и значение. М., 1867.

⁵ *Аристов Ф.Ф.* Яков Федорович Головацкий // Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. М., 1916. Т. 1. С. 93.

⁶ Всероссийская этнографическая выставка... С. 117.

⁷ РГБ. Ф. 327. II / п. 7. № 33. Письмо от 9 (21) октября 1866 г.

⁸ Там же. Письмо от 12(24) октября 1866 г.

⁹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. С. 144–145

¹⁰ Всероссийская этнографическая выставка... С. 120–121; Зарубежные славяне и Россия... С. 146.

¹¹ Зарубежные славяне и Россия ... С. 543.

¹² Съезды // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. С. 203–205.

¹³ Всероссийская этнографическая выставка... С. 203–206.

¹⁴ Подробнее см.: *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. Изд. 2. М., 2007. С. 43 и др.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ *Русский славянин*. Первый Всеславянский съезд в России... С. 40–42; Всероссийская этнографическая выставка... С. 211–213.

¹⁷ *Полянина Т.В.* Я.Ф. Головацкий (1814–1888) – пропагандист славянской культуры // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 195.

¹⁸ Всероссийская этнографическая выставка... С. 165.

¹⁹ Там же. С. 170.

²⁰ Там же. С. 173–174.

²¹ Там же. С. 192.

²² Там же. С. 213.

²³ Там же. С. 222.

²⁴ Там же. С. 228.

²⁵ Там же. С. 229.

²⁶ *Русский славянин*. Первый Всеславянский съезд в России... С. 64–65.

²⁷ Там же. С. 66–67.

²⁸ Всероссийская этнографическая выставка... С. 257; *Русский славянин*. Первый Всеславянский съезд в России... С. 68–69.

²⁹ Там же. С. 284–286; *Русский славянин*. Первый Всеславянский съезд в России... С. 91–92.

³⁰ РГБ. Ф. 239. П. 7. № 35. Письмо от 15 (27) июля 1868 г.

³¹ Зарубежные славяне и Россия... С. 146.

³² *Аристов Ф. Ф.* Яков Федорович Головацкий... С. 100–103.

³³ Всероссийская этнографическая выставка...

³⁴ Зарубежные славяне и Россия... С. 540.

³⁵ Всероссийская этнографическая выставка... С. 121.

³⁶ Зарубежные славяне и Россия... С. 243.

³⁷ См. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 256.

³⁸ Подробнее см.: *Пашаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине... С. 50–51.

Г. А. Богатова (Москва)

И. И. Срезневский и идеи Славянского съезда 1867 г.

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), сын русского поэта-патриота, профессора кафедры российского красноречия и древних языков Ивана Евсевича Срезневского, родился в 1812 г. в Ярославле. Скоро семья переехала в Харьков. Измаил Иванович закончил Харьковский университет и был командирован в 1839 г. в славянские земли для изучения славянских наречий. В 34 года он стал первым в России доктором славяно-русской филологии и много сделал для осмысления положения и места славян в Европе, разбухенной Отечественной войной 1812 г. Во вступительной лекции, читанной 16 октября 1842 г., Срезневский высказал свое кредо по славянскому вопросу. Он отметил: «Еще совсем недавно о славянах или вовсе молчали или говорили, будто о племени далеком и недостойном внимания, не связанном никакими узами жизни общественной с другими сильными народами Европы, говорили о них ложь и напраслину, одни их не зная, другие не зная и знать не хотя»¹.

Далее ученый рассуждает о причинах славянского возрождения, одним из толчков к которому, по его мнению, послужила война с Наполеоном: «В жизни рода человеческого бывают години, которые решают судьбу целых племен, пророчат или довершают падение одних, готовых отжить..., довершают возвышение других,водя их на поле подвигов с новыми свежими силами. Такою годиною для славян была русская Отечественная война...». Русские

«утвердили священный мир Европы, – мир, давший направление отношениям между кабинетами и народами Европы»².

Срезневский показал современное ему положение славян, не имевших тогда государственной самостоятельности. Поэтому они «чаще всего под чужим плащом принимали участие в делах Европы», составляя главную часть народонаселения Турции, Австрийской империи и восточную часть королевства Прусского с Саксонией. «Император Иосиф мог с минуту колебаться, какому языку – немецкому или славянскому дать в своей империи перевес и, однако, все-таки мог решиться оставить его за немцами – за 1/10 долей своих подданных». Славяне «мадьяризировались», «туречились», «итальянились»³.

И вот Россия «доказала Западу, что она способна и одна... поддерживать равновесие» между Западом и Востоком Европы. Именно сознание величия России разбудило, по мнению Срезневского, в славянах чувства славянской взаимности и солидарности: «Все, что могло глубже сочувствовать родству славян западных с русскими, всё вздрогнуло и задумалось: русские такие же славяне, как и мы, и так сильны своей народностью, нашей общей народностью, а мы, их братья, только в сельской глуши можем говорить нашим языком, и нет у нас литературы, нет голоса между народами Европы»⁴.

Говоря о развитии славянского возрождения, Срезневский подчеркнул, прежде всего, его культурно-научный аспект: «Прошли годы, и вопрос о славянстве стал вопросом европейским», славянское дело началось «силами самих славян». По его мнению, чех В. Ганка и серб В. Караджич ознакомили мир с сокровищами песен, сказок, письменных свидетельств. Мораванин Й. Добровский и словенец В. Копитар, изучая славянские языки в сравнении, заняли одно из первых мест в ряду филологов Европы. Будители и просветители славянства множилось: Й. Юнгман и Я. Пресл в Чехии, А. Бернолак и И. Павлович у словаков, Д. Обрадович и Л. Мушицкий у сербов, В. Водник в Краине. П.Й. Шафарик стал классиком в науке. Деятельность словацкого поэта Я. Коллара с его любовью к славянству воодушевили многих на открытые выступления. По словам поэта, «Часто само величие предприятия придает новые силы»⁵.

Именно на волне этих выступлений, по убеждению ученого, родилось движение славянской взаимности. Возникали литературные и культурные общества, журналы («Денница» и др.), книгоиздательства (Матицы и пр.) В российских университетах в 1835 г. открылись кафедры славянской филологии и стали «изучать славянство ученым образом, как один из предметов науки», скреплять чувства мыслью. «Славяне – племя, по крайней мере, столь же древнее в Европе, как и романское, и германское», изучать славянство – это «долг, налагаемый не только славянским чувством», но и «современной образованностью». Такими словами И.И. Срезневский завершил свою вступительную лекцию о славянах в 1842 г.⁶ Для многих современников Срезневского мысли, выс-

казанные им в лекции, были откровением. Они опровергали легенды о наших «диких» предках, всей своей культурой обязанных другим народам.

Первый пражский Славянский съезд 1848 г. был выражением этой тяги славян к объединению сил народных будителей. Л. Штур и Ф. Палацкий, Ст. Враз и др. приложили много сил для его организации (их переписка разных лет со Срезневским находится в РГАЛИ и ПФА РАН)⁷, однако, в науке ученый шел дальше.

В 1847 г. он переезжает в Санкт-Петербург, чтобы быть ближе к первоисточникам изучения славян, прежде всего, русских. Программным произведением стала его актовая речь «Мысли об истории русского языка», произнесенная в феврале 1849 г. в столичном университете. Начался его подвиг описания древнерусских памятников письменности, их публикация для создания картотеки выписок для древнерусского словаря XI – XIV вв.

И.И. Срезневский много печатается в зарубежных славянских журналах с обзорами славянских литератур. В 1848 г. появляются его работы: «Древние письмена славянские» (ЖМНП. № 7) и «Разбор книги: Словарь церковно-славянского и русского языка», в 1849 г. выходит «Программа преподавания в Санкт-Петербургском университете», а затем, в 1855 г., и программа преподавания славянской филологии в Главном Педагогическом институте. Эти документы, признанные обязательными для всех высших учебных заведений, буквально спасли кафедры славяноведения от разгрома властей, напуганных разоблачением «крамольного» Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве и событиями европейской революции 1848–1849 гг.⁸

В 1850-е гг. основные публикации И.И. Срезневского связаны с обзором древнерусских памятников письменности, «образцов народного языка и словесности», жизнеописаниями русских князей, обзорами «замечательнейших из словарей». Он печатал множество библиографических, палеографических, археологических заметок, хотя достаточно много было работ и по славянской тематике. В 1860-е гг. появились циклы публикаций И.И. Срезневского о древних памятниках русского письма XI – XIV вв., о древних русских книгах, о «малоизвестных и неизвестных памятниках», а также записки и воспоминания о Я. Гримме, о А.Х. Востокове, о В. Караджиче, о В.В. Ганке, о В.М. Ундольском и др.⁹

В 1860-е гг. И.И. Срезневский был поглощен работой над древнерусским словарем, но и в научном изучении славянства к 1867 г., году проведения московского Славянского съезда, он выделил для себя лексикографические вопросы. Например, в 1866 г., в «Записках Императорской Академии наук (Т. 9. Кн. II. С. 211 – 253) он публикует «Замечания о словаре славянских наречий и о трудах доктора А. Шлейхера».

Накануне первого Славянского съезда в России (май – июнь 1867 г.) и в его ходе, не раз дебатировался вопрос об общеславянском языке, о путях развития литературного языка славян. В съезде участвовали многие сторонни-

ки общеславянского языка – А. Радлинский, М. Маяр, И. Ливчак, Я. Головацкий и др. В.И. Ламанский выдвигал в качестве такового – русский язык. Но открыто его поддержал только болгарин И. Богоров¹⁰. Срезневский по-своему откликнулся на эти веяния, выдвинув проект создания общеславянского словаря. Но об этом позже.

Об участии И.И. Срезневского в Славянском съезде 1867 г. впервые на основе данных архивов и периодики написала М.Ю. Досталь в 1974 г.¹¹ В дальнейшем О.В. Лебедева (Павленко) в статье, опубликованной 1983 г., как бы упрекала И.И. Срезневского, что он не вошел в общественный Комитет по приему славянских гостей, созданный в С.-Петербурге 3 марта, хотя деятельно участвовал в подготовке этого мероприятия, и, в частности, в приглашении славянских гостей. Не вошел, по нашему мнению, потому что придерживался официальной точки зрения относительно «славянской взаимности» и, конечно, знал об антирусской, антиславянской кампании, начавшейся в европейской прессе накануне съезда¹².

В литературе отмечены и старания И.И. Срезневского сблизить чешских делегатов с министром народного просвещения Д.А. Толстым, с великим князем Владимиром, так как чешский ученый К.Я. Эрбен, автор перевода «Повести временных лет» на чешский язык, хотел посвятить свое произведение государю императору Александру II, его участие в обсуждении так называемого «плана Ф. Ригера» о созыве раз в год или два ученых славянских съездов¹³. «Эта мысль обсуждалась уже во время пребывания в Праге Лавровского, Срезневского, Попова (в начале 1860-х гг. – Г.Б.). Но тогда говорилось о филологии и истории славянской. Теперь программа распространилась на все науки», – писал чешский историк К. Казбунда¹⁴.

Таким образом, И.И. Срезневский был одним из тех ученых, которые стояли у истоков замыслов организации в будущем Международных съездов славистов.

Несомненно, важны и сведения о встрече и сопровождении русским ученым славянских гостей в Петербурге (до и после их пребывания в Москве). Так, 11 мая, в день памяти св. Кирилла и Мефодия, он, проводя заседание Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, сделал сообщение о первом, открытом доселе, образчике текста Ветхого завета, писанном глаголицей. На заседании присутствовали именитые славянские ученые, приехавшие на съезд. В их числе Ф. Палацкий, К.Я. Эрбен, М. Маяр, Ф. Цейнова, Я.Ф. Головацкий и др. Затем И.И. Срезневский перечислил издания, доставленные в Академию по отделу славянской литературы. Среди них оказались и сочинения, присутствующих здесь чеха К.Я. Эрбена и кашуба Ф. Цейновы¹⁵.

Меня во всем этом поражает другое. Над такими фигурами славянского возрождения, как выдающийся славист И.И. Срезневский, не властно время. Им совершенно необязательно входить во все оргкомитеты. (Кстати, добрая половина членов названного комитета – В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, П.А. Лав-

ровский и др. – все это ученики ученого. Как терпимо и уважительно относился он к ученикам даже крайних взглядов известно)¹⁶.

Его имя делало погоду, когда он посылал приглашение К.Я. Эрбену: «Вы были бы приняты с почетом... Мы умеем ценить заслуги – по крайней мере, столько же, сколько их ценят другие, а чистоту душевных намерений, может быть, и более»¹⁷. И.И. Срезневский по-иному способствовал организации съезда и «славянской взаимности». Он всегда был сторонником того взгляда, часто попираемого и ныне, что Славия также, как и Романия и Германия составляют Европу, и не менее древни, чем «романцы» и «германцы», народы славянские.

Высшим выражением национальной зрелости И.И. Срезневский считал наличие хорошо составленных словарей. Если взглянуть на список трудов ученого 1878 г., то можно заметить, что каждый год он публиковал по 10–12 работ, кроме того, трудился над древнерусским словарем и исполнял нелегкие обязанности профессора столичного университета. Он всегда был очень занят, но именно научный престиж Славянского съезда заставил его написать и опубликовать в 1867 г. в Баутцене у Я. Смоляра в «Zentralblatt für slavische Literatur und Bibliographie» свою работу, никогда не издававшуюся на русском языке. Она называлась «Славянская лексикография» («Slavische Lexikographie»). Срезневский изложил здесь свои научные подходы к созданию славянских словарей разных периодов, учитывающих историю каждого из славянских народов.

«Тот, кто намерен издать такой словарь, – писал ученый, – должен иметь под рукой более полное собрание чистых старославянских слов, почерпнутых исключительно из старославянских источников». При нарушении данного условия, по мнению Срезневского, – неизбежно проникновение болгарских, сербских, русских слов. «Под старославянским наречием мы понимаем то, на котором в IX в. говорили братья Константин и Мефодий и ученики их и которое использовали в своих трудах – древнейших памятниках письменности... Несложно понять, что упомянутое наречие было понятно в то время всем славянам и рассматривалось ими в большей или меньшей степени как собственное; вместе с тем легко согласиться, что местные наречия отличались друг от друга своим звучанием, организацией и частично строением... Отдельно изданного словаря чистого старославянского языка не существует, таким образом, составитель общеславянского словаря не располагает важнейшим материалом»¹⁷. (Нынешний «Старославянский словарь» Р.М. Цейтлин, изданный в 1994 г. в значительной мере решил эту задачу).

Ученый считал, что преждевременно думать о публикации «Общеславянского словаря» до появления словаря «новоболгарского языка». «Скелет хорватского языка не определен до конца... Это нелегкая работа, так как ее можно доверить не каждому хорвату, необходимо он не был убежден в том, что сербского наречия нет вообще»¹⁹. Много работы, по его мнению, по составлению словарей чешского и словацкого наречий. Методику сравнения и из-

влечения общего он предлагает и ля других близких языков: верхне- и нижнелужицкого, «балто-славянских» языков (полабско-лонецбургских и померанского наречия), польских наречий до XIII в. «Такой материал почерпнут из древнерусских памятников письменности полностью, только он еще не издан, а без такого словаря приступить к составлению общеславянского словаря невозможно»²⁰. Кроме того, нужен указатель источников.

Эта статья собрана воедино и переведена бывшей аспиранткой Института русского языка РАН Ириной Степановой. К сожалению, названная работа осталась незамеченной исследователями жизни И.И. Срезневского, но она опубликована, а значит и научно ориентирована на год проведения Славянского съезда, являясь отголоском дискуссий о создании общеславянского литературного языка.

Подводя итоги сказанному, представляется уместным заметить, что год от года усиливалось намерение выдающегося ученого, академика И.И. Срезневского видеть славянство предметом науки славяноведения. Высказанная им научная поддержка славянских съездов в перспективе привела к утверждению в международной жизни съездов славистов, начатых в 1929 г. и регулярно проводящихся с 1958 г. раз в пять лет. К сожалению, вопросы славянской идеологии, движения славянской мысли, истории славянской идеи редко стоят в программе современных славянских съездов, которые совершенно обособлены от современного славянского движения.

Вечным заветом потомкам звучат слова И.И. Срезневского: «Мы должны любить славянство во всем его объеме, потому что мы – славяне; без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе; это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату»²¹.

Примечания

1. Вступительная лекция И.И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. Публикация И.И. Срезневского // ЖМНП. СПб., 1893. Ч. 287. № 5. Отд. II. С. 117.

2. *Срезневский И.И.* Литературное оживление западных славян // Современник. СПб., 1846. Ч. 42. № 6. С. 317. Как установила М.Ю. Досталь, эта статья является почти полным текстом вступительной лекции И.И. Срезневского и, следовательно, ее стало известно многим россиянам уже в 1840-е гг.

3. Там же. С. 316.

4. Там же. С. 319.

5. Вступительная лекция... С. 121–122.

6. Там же. С. 127, 131.

7. *Досталь М.Ю.* Материалы архива И.И. Срезневского в ЦГАЛИ России // Славянские языки, письменность и культура. Киев, 1993. С. 237–248; *Файни-*

тейн М.Ш. О фонде И.И. Срезневского в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН // Там же. С. 249–257.

8. Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

9. Подробнее см.: *Богатова Г.А.* И.И. Срезневский. М., 1985. С. 70–75 и др.

10. *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 113.

11. *Досталь М.Ю.* Чешские связи И.И. Срезневского в 60-е гг. XIX в. // Культура и общество в становлении наций (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII – XIX в.) М., 1974. С. 179–194.

12. *Лебедева О.В.* Участие И.И. Срезневского в Славянском съезде 1867 г. // Славянские языки, письменность и культура... С. 131.

13. Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Чешские связи И.И. Срезневского...

14. *Kazbunda K.* Pout' ŤeŤoŤ do Moskvy 1867 a rakouské diplomacie. Praha, 1924. S. 131.

15. *Досталь М.Ю.* Чешские связи И.И. Срезневского... С. 189–190.

16. *Досталь М.Ю.* Общественно-политические взгляды И.И. Срезневского // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 204–205.

17. *Slovanské korespondence K.J. Erbena / Vyd. V. Běchynové a I. Jirések.* Praha, 1971. S. 305.

18. *Sreznevskij I.I.* Slavische Lexikographie // Zentralblatt für slavische Literatur und Bibliographie. Bautzen, 1867. Hf. 1–4.

19. *Ibid.*

20. *Ibid.* S. 30.

21. Вступительная лекция... С. 127.

Н.Н. Юсова (Киев)

Первое академическое совещание по вопросам этногенеза (конец 1930-х гг.)

Исследования проблематики происхождения славянских народов продолжают сохранять как научную, так и острую политическую актуальность. Некоторые из российских ученых даже ведут речь и о морально-этическом значении¹. Очевидно, что в последнем случае имеется ввиду моральные обязательства этногенетиков перед своими народами основательно разобраться в их происхождении, поскольку только фундаментальные междисциплинарные обработки вопросов этногенеза могут в отличие от мифологических спекулятивных конструкций архипатриотов надежно защитить при помощи науч-

ных фактов и соответствующей наиболее вероятной их интерпретации историческое прошлое славянских народов от различного рода (как прошлых, так и новейших) попыток фальсификации. Собственно, именно такая же актуализация и встала перед советскими научными работниками во времена становления этногенетики как науки. Однако, важной и недостаточно изученной темой остается рассмотрение различных нюансов организации этногенетических исследований в СССР, которые были начаты во второй половине 1930-х – в начале 1940-х гг.²

Некоторые исследователи (Е. Аксенова и М. Васильев) делают ударение на научном факторе возобновления этногенетики – начало работы над многотомной «Историей СССР», иные (В. Шнирельман) сосредотачивают внимание на том, что показывают влияние политико-идеологических причин, связанных с процессами изменения исторической парадигмы в СССР в контексте новой сталинской политики перехода от идеологии интернационализма к идеологии великодержавия и интернационализма. В тоже время, в отличие от соавторов, В. Шнирельман в меньшей мере подчеркивает роль партийно-государственных решений на «историческом фронте» середины 1930-х гг., создавших политико-идеологические предусловия для инициирования работы над академическими многотомниками по всемирной истории и истории СССР; последние проекты дали, в свою очередь, толчок к фактическому зарождению и активизации этногенетических исследований. Если Е. Аксенова и М. Васильев не достаточно акцентируют внимание на таком важном сомножителе актуализации этногенетических исследований, как необходимость теоретически-идеологической борьбы с нацистскими расовыми доктринами, то В. Шнирельман справедливо отводит этому фактору первоочередную роль. Названные современные специалисты, верно отмечают, что в указанный период в СССР прежде всего превозносились исследования по проблемам славянского и восточнославянского этногенеза. Е. Аксенова и М. Васильев впервые в начале 1990-х гг. осветили вопрос относительно организации специальной комиссии из представителей академических учреждений для координации этногенетических исследований. Также, все, только что названные, специалисты прослеживают неоднозначную связь между теорией Н. Марра и этногенетическими исследованиями. Ряд важных уточнений и дополнений были внесены в раскрытие этой тематики автором данных строчек, опираясь на вновь обретенные архивные и историографические источники.

В настоящей статье поставлено целью выяснить роль в организации междисциплинарных исследований в отрасли этногенетики и создания специальной комиссии – первого совещания по вопросам этногенеза, состоявшегося на базе Института истории АН СССР 10 сентября 1938 г. Существенным нюансом является также уточнение времени первой постановки вопроса о необходимости исследования происхождения древнерусской народности (в до-

кументах использовано терминологическое словосочетание «русский народ»), что стало возможным при непосредственном рассмотрении архивных материалов, посвященных упомянутому совещанию. Для разрешения этих заданий впервые задействовано архивное дело из Архива Российской академии наук (фонд Института истории АН СССР), где находится протокол, стенограмма совещания и ряд приложений³. К огромному сожалению, материалы оказались обнаружены уже после того, когда второе издание авторского монографического исследования было передано в типографию, а потому важные вопросы остались без необходимых уточнений⁴.

Итак, согласно мысли Е. Аксеновой и М. Васильева, «импульсом интенсивной разработки проблем славянской этногонии» академическими институтами стали известные партийно-государственные решения середины 1930-х гг. по вопросам исторической науки и образования, а также работа над многотомной «Историей СССР», что вызвало необходимость создания целостной концепции происхождения славян и их восточной ветви⁵. Действительно, как свидетельствовали в 1940 г. советские историки-слависты и этногенетики, активизация во второй половине 1930-х гг. – вначале 1940 х гг. исследований по проблемам истории славян, в том числе по проблемам их этногенеза, состоялась в связи с работой над многотомной «Историей СССР»⁶. Однако, этногенетическая проблематика выходила на авангардное место также и при разработке истории отдельных народов СССР⁷, о чем свидетельствуют, в частности и материалы первого совещания по вопросам этногенеза.

Одной же из главных причин актуализации и ускорения этногенетических исследований было усиление идеологической борьбы с фашистской Германией, открыто готовившейся к агрессии⁸. В связи с идеологией пангерманизма, в сентябре 1936 г. сектор истории средних веков новообразованного Института истории АН СССР утвердил перспективный план научных исследований, среди которых намечалась разработка определенных проблем по истории славянских народов.⁹ В ноябре следующего года директор Института академик Б. Греков в докладе, посвященном итогам исследований по истории СССР за 20 лет (оглашен на заседании Отделения общественных наук АН СССР), среди главных вопросов, которые необходимо решать историкам, одним из значимых, называет проблему этногенеза в Восточной Европе¹⁰. Вполне очевидно, что академик имел ввиду, прежде всего, актуальность исследований в области этногенеза восточных славян.

Вообще, этногенетические студии, стали магистральным направлением советской науки¹¹. На это были задействованы лучшие силы советских специалистов, а также ассигнированы большие средства¹². В новых политических условиях, именно вопрос «этногонии», прежде всего славянской и восточнославянской, стали в авангарде «исторического фронта», что в свою очередь, провозглашался «главным идеологическим фронтом»¹³. Проблемы этно-

гене́за стали считаться одними из стержневых аспектов исторической науки¹⁴. Они заняли ключевое место в разработке вопросов древней истории народов СССР. Все это было вызвано необходимостью противоборства с пангерманизмом и нацистскими расовыми доктринами.

Создание Президиумом АН СССР специальной комиссии по проблемам этногенеза, прежде всего, было продиктовано названными выше причинами, поскольку, как указывалось в решении Президиума, этногенетические исследования имеют огромное значение в борьбе «с извращениями в области истории, особенно же с фашистскими фальсификациями»¹⁵. Также и на первом совещании по вопросам этногенеза (сентябрь 1938 г.) в выступлении председательствующего на совещании профессора А. Удальцова подчеркивалось, что данная проблематика актуальна в связи с необходимостью «противодействию фашистской человеконенавистнической, расистской теории происхождения народов и племен»¹⁶. А на сессии Отделения общественных наук (далее – ООН) АН СССР в октябре того же года О. Удальцов призывал присутствующих противопоставить («лженауки фашистской Германии») учение об этногенезе «с точки зрения марксистско-ленинской теории»¹⁷. Первоочередным же заданием советских историков стало всестороннее изучение вопросов этногенеза славян, прежде всего, – восточных. Эта тема с конца 1930-х гг. заняла прочные позиции в планах Института истории АН СССР¹⁸ и Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (далее – ИИМК)¹⁹.

Попытки объединить усилия академических учреждений для разрешения этногенетических проблем прослеживаются по архивным источникам с конца 1930-х гг., а точнее – с осени 1938 г. Вначале осени (как это можно понять из контекста выступления А. Удальцова на первом совещании по вопросам этногенеза от 10 сентября 1938 г.) ООН издало постановление (к сожалению, пока что оно не найдено!), в котором высказывалось пожелание к академическим институтам гуманитарного цикла обязательного планирования этногенетических исследований и активизации последних. Толчком к этому решению послужило предварительное рассмотрение научно-исследовательской работы Института истории АН СССР на 1939 г. В постановлении также речь шла и о том, что бы работа в этом направлении в рамках АН СССР должна носить более организованный и системный характер, а это требует, прежде всего, эффективной координации планирования и самих разработок в сфере происхождения народов. В методическом аспекте одним из пожеланий ООН было пожелание наметить некоторые основные проблемы, вокруг которых в дальнейшем надлежит проводить работы по этногенезу²⁰. Как первый шаг к реализации отмеченных поручений ООН стало проведение на базе Института истории АН СССР совещания, посвященного вопросам этногенеза (как указано в названии архивного дела – совещание «по образованию Комиссии и организации работы по вопросам этногенеза»), состоявшейся 10 сентября 1938 г.

Совещание, ставшее фактически первым реальным координационным совещанием в области этногенеза, провели между собою узкий круг лиц, среди которых были ученые, причастные к изучению проблем происхождения народов. Кроме представителей академического руководства – академика-секретаря ООН А. Деборина (философа по специальности – и Войтинского (?), в совещании приняли участие только четыре научных работника из трех академических институтов: историк А. Удальцов (Институт истории), археолог М. Артамонов (ИИМК), этнологи Е. Кагаров и М. Кюннер (Институт этнографии)²¹. Из них в дальнейшем активно проявили себя в работе комиссии и во время заседаний специальных сессий Отделения – первые двое из названных ученых. Известный историк-медиевист член-корреспондент АН СССР Александр Дмитриевич Удальцов, председательствующий на совещании, на тот момент занимал должность заведующего сектором средних веков Института истории АН СССР и декана исторического факультета Московского университета²². Он в последующем и возглавил специальную комиссию по проблемам этногенеза при Отделении истории и философии (далее – ОИФ) АН СССР и стал одним из главных теоретиков в области этногенетики первой половины 1940-х гг.²³ Археолог славяно-русист и специалист по истории хазаров Михаил Илларионович Артамонов являлся ведущим специалистом в ИИМК, а в 1939 г. Возглавил эту академическую институцию. Ученый, состоянием на осень 1938 г., был одним из главных разработчиков (вместе с П. Третьяковым) концепции восточнославянского этногенеза и одним из редакторов I-го тома многотомной «Истории СССР», где значительное место уделялось проблемам происхождения народов СССР²⁴.

В своем выступлении председательствующий проинформировал присутствующих относительно указанных выше пожеланий ООН, изложенных в постановлении, что и стали, по его словам, причиной созыва совещания. А. Удальцов выразил сожаление по поводу того, что на совещании отсутствуют антропологи и лингвисты, поскольку без их участия обстоятельной разработки проблем этногенеза не может быть²⁵. Под лингвистами ученый имел ввиду представителей Института языка и мышления им. Н. Я. Марра (далее – ИЯМ), указав на совещании, что советская историческая наука имеет в распоряжении «новое учение о языке Н. Я. Марра, что есть незаменимым оружием в борьбе с фашистским мракобесием»²⁶ (это, собственно, было подтверждено во всех выступлениях). В этом утверждении М. Артамонов соединил два аспекта: общественно-политическую актуализацию (о ней речь шла выше) и методическую основу для этногенетических исследований. Относительно марризма как методической основы этногенетики, то здесь следует указать следующие. А. Удальцов несколько позднее (октябрь 1938 г.) назвал Н. Я. Марра творцом теории единства глоттогонического процесса и единства народов²⁷, а как справедливо утверждают современные российские ис-

торики Е. Аксенова и М. Васильев, процессы глотогенеза и этногенеза в советской науке 1930-х гг. (и даже позднее) почти отождествлялись, а этнос понимался, прежде всего, как совокупность людей, разговаривающих одним языком²⁸. Кроме названного, существовали еще и внутренние идеологические причины для применения именно марризма как теории в этногенетики, связанные с доктриной формирования новой общности «советского народа», в связи с чем важным было показать и общие социальные процессы происхождения народов СССР, что собственно и отвечало одной из главных идей глоттогонической теории²⁹. Следует заметить также, что именно замысел создания междисциплинарной комиссии по вопросам этногенеза определенной мерой отвечал заложенному Н. Марром комплексному направлению гуманитаристики, получившему название яфетидологии. Этот языковед еще, начиная с середины 1920- гг. настойчиво ратовал за междисциплинарные исследования, которые должны объединить усилия лингвистов, археологов и других гуманитариев³⁰.

Надлежит указать, что представители ИЯМ всячески уклонялись от участия в этногенетических исследованиях, которые именно тогда и возрождались³¹. Об этом свидетельствует и их отсутствие на первом совещании по вопросам этногенеза. А. Удальцов в своем выступлении на совещании сообщил, что как ИЯМ, так и Кабинет им. Н. Я. Марра при ИИМК почти не ведут никакой работы в этом направлении, а имеющиеся рукописи Н. Марра по вопросам происхождения народов не изучаются и не издаются³². М. Артамонов высказался, что все это необходимо «форсировать»³³.

Продолжая свое выступление, А. Удальцов высказался относительно практической необходимости координации работы научно-исследовательских институтов в области этногенеза. Он поставил задание перед присутствующими представителями названных институтов проинформировать о состоянии работы по этим вопросам в их учреждениях, а также прояснить ситуацию с научными кадрами и условиями работы³⁴. Согласно с указанием ООН, А. Удальцов предложил присутствующим сформулировать основные, наиболее актуальные вопросы, вокруг которых можно развернуть работу по проблематике происхождения народов. По мнению самого же ученого, такими узловыми заданиями должны стать следующие: изучение славянского этногенеза (в том числе – восточнославянского)³⁵; этногенеза древненемецких племен, особенно – готов³⁶; происхождение, этнический состав аланских племен и их роль в этногенезе народов Европы³⁷. Эти задания, по мнению А. Удальцова, должны быть первостепенными, однако он очертил и иные: это – изучение этногенеза других народов СССР (кроме восточнославянских) и этногенеза японцев (актуализация: японский расизм как оправдание экспансии!)³⁸.

Поставив задание изучения этногенеза восточных славян А. Удальцов, вместе с этим, отдельно выделил вопрос об исследовании происхождения «русского» народа³⁹.

В соответствии с нашими наблюдениями, базирующимися на изучении ряда историографических фактов в исторической науке СССР второй половины 1930-х гг. происходило определенное возрождение традиционной концепции российской истории, согласно с которой, признавалось историческое бытие «русского» = «восточнославянского» народа со времен Киевской Руси, а то и раньше. Российские советские историки, зачастую по инерции традиционного мышления, понимали под существованием «русского» народа в древнерусскую эпоху начальный (или один из промежуточных) этапов развития «триединорусского народа», то есть – будущих белорусов, великороссов и украинцев⁴⁰. Хотя, уже тогда началось формироваться учение о древнерусской народности, отличавшиеся от предыдущей концепции важным нюансом: под древнерусским (или русским) народом (или народностью) понималась этническая общность – общий предок будущих восточнославянских народов, а не начальный (или один из промежуточных) этап развития «триединого русского народа». Поэтому важно выяснить – на каких позициях в данном случае стоял А. Удальцов.

В информационной заметке, опубликованной в журнале «Историк-марксист», и где речь шла, в частности о совещании по вопросам этногенеза, указывалось, что в качестве «основных тем исследований по этногенезу выдвинуты: вопрос о происхождении славян, в частности русского народа»⁴¹. То же самое было процитировано и в статье Е. Аксеновой и М. Васильева, ссылающихся на «Историк-марксист»⁴². Пропуск в этой цитате восточных славян указывает на то, что под «русским» народом имеется в виду «восточнославянский». Однако возникает вопрос: в каком смысле? В смысле традиционной концепции «единой русской народности» или в понимании «общего предка»? На это дело не дает прояснения и непосредственное ознакомление с протоколом и стенограммой совещания по вопросам этногенеза. Однако, ознакомление с протоколом программы исследований по этногенезу, составленного А. Удальцовым после совещания, дает возможность сделать более однозначный вывод по этому поводу. Первым вопросом в проекте указано: «Происхождение славян, восточных, западных и южных, в том числе: 1) Происхождение русского народа, в его этнических отношениях со скифами, сарматами, венедами (склавины и анты), финнами, хазарами и другими племенами В. Европы, в связи с вопросом о великороссах, украинцах и белорусах»⁴³. Очевидно, что при такой постановке вопроса, под «русским» народом А. Удальцов имел виду общего предка трех восточнославянских народов, иначе говоря, в этой части проекта он фактически поставил (впервые!) перед этногенетиками задание по изучению происхождения и последующую этническую судьбу древнерусской народности (если применять более поздний термин относительно обозначения «общего предка»).

Кратко изложивши основные проблемы, что стоят перед исследователями при изучении этногенеза славянских (в том числе – восточнославянских) племен, А. Удальцов, среди тех, кто занимается происхождением восточных славян, назвал Б. Рыбакова (ИИМК)⁴⁴, который действительно в то время исследовал антскую проблематику⁴⁵. Сам же историк-медиевист указывал, что он занимается этногенезом древнегерманских племен, как и А. Вайнштейн из Института истории и Е. Кагаров из Института этнографии⁴⁶. Также А. Удальцов напомнил присутствующим, что к изучению этногенеза японцев имеет отношение М. Кюннер (Институт этнографии)⁴⁷, известный ученый востоковед (этнолог, историк, географ).

В конце своего выступления А. Удальцов еще раз сделал акцент на том, что исследования, ведущиеся в разных институтах по вопросам происхождения народов, следует объединить и организовать надлежащим образом, хотя бы, так, чтобы научные работники были проинформированы о том, кто и чем занимается в других академических учреждениях. Следует заметить, что даже это элементарное пожелание А. Удальцова, несмотря на создание комиссии по вопросам этногенеза и неоднократное проведение сессий ООН по этой тематике, не всегда получало свою реализацию⁴⁸.

В аспекте потенциальной организации работы А. Удальцов допускал возможность проведения как коллективных исследований при привлечении специалистов различных сфер гуманитаристики, так и подготовки индивидуальных работ по отдельным узким и специальным темам⁴⁹. Результаты этих научных работ и исследований должны, как считает ученый, где-то концентрироваться, также есть необходимость регулярного проведения подобных совещаний, так и для обсуждения конкретных тем⁵⁰.

Вслед за А. Удальцовым с уведомлением выступили представители других институтов, проинформировавшие присутствующих о конкретных исследованиях, которые ведутся в их учреждениях по указанной проблематике. Научные работники (а также представители академического руководства) поддержали А. Удальцова в необходимости разворачивания комплексной междисциплинарной работы по вопросам этногенеза и создания, в связи с этим, специальной комиссии при ООН.

М. Артамонов в своем докладе указал, что в ИИМК занимаются происхождением славянских, финских, германских, тюркских и иных племен и народов⁵¹. Более детально он остановился на готской проблеме. Археолог акцентировал внимание на необходимости обработки этих вопросов, которые разрабатываются в ИИМК, параллельно и другими институтами, особенно ИЯМ, а также антропологами. В последнем случае М. Артамонов заметил, что антропологические исследования имеют первоочередное значение для решения вопросов происхождения народов⁵². При всем том, согласно его наблюдениям, в Ленинграде антропологические научные учреждения находят-

ся в стадии организации, а в Москве – ученые-антропологи больше изучают проблематику, касающуюся первобытных людей⁵³, иначе говоря – необходимые антропологические исследования по этногенетическим темам фактически не проводятся. М. Артамонов указал, что и археологические исследования, зачастую опираются на случайный материал и их необходимо проводить более планомерно⁵⁴. Ученый высказал предложение привлечь к комплексным работам также и Институт востоковедения⁵⁵.

М. Кюнер, выступавший вслед за М. Артамоновым, проинформировал присутствующих, что он по своей секции в Институте этнографии, выступил из сообщением, что он по своей секции в Институте этнографии, выступил с сообщением относительно происхождения японцев еще в 1936 г. Тогда же отчетливо обозначилась острая актуальность этого вопроса, поскольку «Япония использует материал из расового генезиса для оправдания своих захватов»⁵⁶. Тут этнолог подробно остановился на разъяснении того, каким образом японские ученые подкрепляют научными аргументами экспансионистскую политику своего государства. М. Кюнер уведомил, что с 1937 г. Планомерно изучает проблему этногенеза японцев и уже подготовил предварительный вариант соответствующего исследования, однако, признал, что требуется постоянная методологическая и теоретическая помощь, без чего он не может закончить свою работу. При этом М. Кюнер заметил, что хотя и есть много высказываний классиков марксизма по проблематике генезиса и по национальному вопросу, однако не видел, чтобы их кто-то из ученых практически применял в своих исследованиях по этногенезу⁵⁷. Потому он внес предложение касательно разрешения методологических и теоретических вопросов и дальнейшего ознакомления с ними научных сотрудников. Этнолог также, в связи с этим, обратился к А. Удальцову с просьбой, пересмотреть в Институте истории работу об этногенезе японцев и сделать на нее отзыв с тем, чтобы, в первую очередь, помочь ему уяснить все нюансы теоретических вопросов⁵⁸. По просьбе Войтинского М. Кюнер изложил основные тезисы своей работы, ответивши при этом на уточняющие вопросы М. Артамонова и того же Войтинского⁵⁹.

Последним из научных сотрудников выступил из сообщением Е. Кагаров. Он отметил, что подобно М. Кюнеру, получил в 1936 г. задание от дирекции Института этнографии подготовить работу по поводу этногенеза древнегерманских племен. Это была его плановая работа на 1937 г. и он ее завершил к началу 1938 г., предал рукопись в дирекцию, однако до сих пор не получил на нее официальных рецензий (организовать, которые обязана была б дирекция), что есть необходимым для исправления недостатков и внесения возможных уточнений. При этом, Е. Кагаров не официально обратился к профессору А. Вайнштейну (Институт истории), который дал положительную рецензию на эту работу, но, по словам этнолога, ее не достаточно для усо-

вершенствования работы⁶⁰. Затем Е. Кагаров остановился на раскрытии основных положений своей работы по этногенезу древнегерманских племен⁶¹. Подводя итоги, от своего имени и от имени М. Кюнера, этнолог указал, что прочих тем по проблеме происхождения народов в Институте этнографии не разрабатывается. Е. Кагаров согласился с главными темами, выдвинутыми председательствующим, в значении первоочередных заданий, для работы этногенетиков, однако, со своей стороны, предложил и некоторые другие. Это – сюжет о происхождении кельтов, тесно связанный с темами о происхождении славян и германцев, и который совсем не разрабатывался в отечественной литературе [интересно, знал ли Е. Кагаров о работе украинского исследователя-эмигранта С. Шелухина по тематике кельтского происхождения Руси в связи с этногенезом украинцев?⁶²], а также по теме происхождения народов СССР, не названных А. Удальцовым, в частности, вопрос о происхождении финно-угорских племен (об этом собственно в своем выступлении упоминал уже М. Артамонов), в связи с «фашистскими фальсификациями финляндских историков» прочие⁶³. Уделил внимание этнолог и важности изучения проблематики происхождения народов в связи из современными расистскими доктринами и фальсификациями, а также методологии исследований по этногенетике, которая должна быть построена на работах классиков марксизма и работах Н. Марра⁶⁴. Однако, Е. Кагаров сделал особое ударение на «крайней не разработанности теоретических вопросов в советской науке», а потому, по его мнению, следует вначале сосредоточиться, в частности, на «освещении теоретического вопроса относительно основных стадий и форм этногонического процесса», и, только тогда будет возможность приступить к изучению этого вопроса на конкретном материале⁶⁵.

Подводя итоги выступлениям научных работников на совещании, академик А. Деборин предложил подготовить программу по сверхсрочным вопросам, которые должны быть положены в основу плановых этногенетических исследований институтов на 1939 г.⁶⁶ Во время обмена мнений по этому поводу было решено, что составлять программу должны институты, основываясь на предыдущим проекте, который подготовил А. Удальцов⁶⁷. Академик-секретарь подчеркнул особенную важность для истории народов СССР первого вопроса, названного А. Удальцовым, – вопроса об этногенезе славян и «русского» народа⁶⁸. А. Деборин аргументировал необходимость создания условий для лучшей организации этногенетических исследований, приведя примеры участи работ этнологов М. Кюнера и Е. Кагарова, когда их важные разработки по актуальным темам остаются никому неизвестными. Следуя из размышлений относительно необходимости комплексного решения этногенетических вопросов и с целью координации усилий ученых представитель Президиума АН СССР еще раз предложил создать специальную комиссию при ООН по вопросам происхождения народов, на заседаниях ко-

торой должны обсуждаться все значимые проблемы этногенетики. Академик проинформировал присутствующих, что этот вопрос уже включен в повестку дня очередной сессии ООН, которая должна состояться 15 октября 1938 г.⁶⁹ Относительно же работ названных этнологов, то А. Деборин пообещал немедленно организовать их рецензирование, с тем, что бы потом вынести доклады по этим вопросам на заседание новообразованной комиссии. А. Дебориным и Войтинским было предложено также опубликовать статьи этнологов, а, кроме того, написать сообщения об этих исследованиях в специальной периодике⁷⁰. Также представители академического руководства и председательствующий предложили размножить работы М. Кюнера и Е. Кагарова и распространить их по гуманитарным институтам АН СССР.

По итогам совещания были приняты, в частности такие решения: «высказать пожелания относительно создания Комиссии по вопросам этногенеза в составе представителей институтов: Ин-та истории АН, Ин-та истории мат. культуры, Ин-та языка и мышления, Ин-та этнографии, Ин-та востоковедения и Ин-та антропологии МГУ»; «до 15 сентября 1938 г. поручить проф. Удальцову составить проект программы в предварительном виде для доклада на Совете ООН»; «для продвижения работ, поданных проф. Кагаров и Кюнер, размножить эти работы и разослать их: Ин-ту Истории АН, ИН-ту истории мат. культуры, Ин-ту языка и мышления, ИН-ту этнографии, Ин-ту востоковедения и ИН-та антропологии МГУ с просьбой подать рецензии на работы до 15 октября с. г. Копии работ предать в ООН. Авторам этих работ предложить составить резюме своих работ в размере до 1 п. л. для печати в журн. «Историк-марксист» и «ведомостях ООН»»⁷¹.

В основном решения, принятые на первом совещании по вопросам этногенеза, были реализованы, что стало существенным шагом по реальной координации этногенетических исследований и началом образования специальной комиссии. Однако, точной даты принятия постановления Президиума АН СССР по созданию комиссии не отложилось ни в периодике того времени, ни в архивных материалах. В поздних упоминаниях о работе комиссии точно указать, когда она была создана, не сумели даже сами члены комиссии или научные работники, задействованные в ее деятельности⁷².

Как предполагают Е. Аксенова и М. Васильев, союзная комиссия была создана осенью 1938 г. между сентябрьским совещанием по вопросам этногенеза в Институте истории на октябрьской сессией ООН⁷³. При этом, данное предположение на уровне источников никак не обосновывается. В 1939 г. академик-секретарь ОИФ А. Деборин на апрельской сессии ОИФ, специально посвященной вопросам этногенеза, сообщил присутствующим, как о чем-то новом, что при Отделении образована указанная комиссия и предложил заинтересованным специалистам взять участие в ее работе⁷⁴. Эта новость была занесена в протокол заседания сессии ОИФ⁷⁵. А. Дебориным названо

только одного действующего представителя комиссии – ее председателя А. Удальцова. Из этого можно предположить такое: реально комиссия еще не действовала, хотя формально она была учреждена где-то накануне. Н. Державин в письме к А. Деборину указывает, что данная комиссия создана постановлением Президиума АН СССР от 14–15 апреля 1939 г.⁷⁶ Однако в одном из пунктов протокола заседания ОИФ от 26 марта 1939 г. сказано, что такая комиссия организована, но требует дополнения и расширения ее состава⁷⁷. В тоже время в плане научно-исследовательской работы АН СССР на 1939 г. от 27 марта этого же года речь идет об объединении усилий Института истории, ИИМК, Института этнографии и Московского антропологического института в сфере этногенетики. Признавалось также целесообразным включить вопросы этногенеза в пятилетний план⁷⁸. Сама постановка вопроса игнорирует факт наличия комиссии по вопросам этногенеза. При этом, можно согласиться с Е. Аксеновой и М. Васильевым, что на март 1939 г. Комиссия уже существовала⁷⁹, но представляла собой достаточно аморфную структуру. В конце концов, в ее состав вошли такие авторитетные ученые, как А. Удальцов (председатель), И. Орбели, В. Струве, И. Мещанинов, Н. Державин, М. Плисецкий, С. Толстов, А. Мишулин⁸⁰. По предложению А. Деборина, заседания комиссии могли проводиться как отдельно, так и в рамках сессии ОИФ⁸¹. Действительно, как до войны (1941 г.), так и во время нее, несколько раз проводились отдельные сессии этой комиссии, хотя этногенетическая проблематика, как правило, обсуждалась также и на сессиях ОИФ. Главным заданием комиссии было координировать работу, связанную с исследованиями проблем славянского (в том числе – восточнославянского) этногенеза⁸².

Итак, в связи с общественно-политической актуальностью (вызванной как внешними, так и внутренними факторами) в контексте возрождения этногенетических исследований в СССР в конце 1930-х гг. перед академическим руководством и учеными назрела срочная проблема необходимости координации усилий академических коллективов и отдельных научных сотрудников в сфере этногенеза. Пospособствовать ее разрешению, как планировалось, имело создание специальной междисциплинарной комиссии при ОИФ (вначале – ООН) АН СССР. Первым реальным шагом по ее созданию стало проведение (а также и его резолюции) совещания по вопросам этногенеза, что состоялось на базе Института истории АН СССР 10 сентября 1938 г. На совещании в результате обмена мыслями были сформулированы первоочередные задания советской этногенетики, легшие в основание проект программы по этногенетическим исследованиям, подготовленного будущим председателем специальной комиссии А. Удальцовым. На совещании фигурировало подтверждение, что методической базой советской этногенетики является глоттогоническая теория академика Н. Марра. Все задания, перечисленные в проекте, в той или иной степени, были выполнены при подготовке пер-

вого тома академической «Истории СССР». Среди этих задач, существенное место занимал вопрос о происхождении «русского» народа как общего предка восточнославянских народов, впервые поставленный именно в таком ракурсе А. Удальцовым. Первая попытка реализации этого задания была возобновлена вначале 1940-х гг. в концепции восточнославянского этногенеза, которую выдвинули ученые ИИМК М. Артамонов и П. Третьяков⁸³. Остается перспективным в дальнейших исследованиях по этой теме отслеживать нюансы понимания учеными в тот период понятия «русский» народ.

Примечание

¹ Этногенез ранних славян. [Доклад В. В. Седова. Материалы заседания Президиума РАН, ноябрь 2002 г.] // Вестник РАН. Т. 73. 2003. № 7. С. 605.

² См.: *Аксенова Е. П., Васильев М. А.* Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. 1993. № 2. С. 86–104; *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика / Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 42–66; *Юсова Н. М.* Започаткування в СРСР досліджень із проблем східнослов'янського етногенезу (кінець 1930 – початок 1940-х рр.) // УІЖ. – 2005. № 4. С. 145–159; Ее же. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Монографія. – Вінниця: ТОВ «Консоль», 2005. С. 195–238; тощо.

³ Архив Российской Академии наук (А РАН). Ф. 1577. Оп. 5. Управленческая документация за 1934–1947 гг. Ед. хр. 143. Протокол и стенограмма совещания в Институте по образованию Комиссии и организации работы по вопросам этногенеза. 10 сентября 1938 г. На 53 лл.

⁴ См.: *Юсова Н.* „Давньоруська народність”: зародження та становлення концепції в історичній науці СРСР: 1930-ті – перша половина 1940-х рр. К.: ВД «Стилос», 2006. 620 с.+ІІІ.

⁵ *Аксенова Е. П., Васильев М. А.* Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов. С. 87.

⁶ См.: *Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист»: 1926–1941. М.: Наука, 1979. С. 242.

⁷ См., напр.: А РАН. Ф. 457. Оп. 1-1939 г. Ед. хр. 1. Протоколы заседаний Отделения истории и философии Академии наук СССР. 9 января – 26 ноября 1939 г. Л. 25, 26; Там же. Оп. 1-1940 г. Ед. хр. 49. Переписка Института истории материальной культуры. 1940 г. Л. 174; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 10. Проект постановления ЦК ВКП(б) о недостатках учебников по истории СССР. Февраль. 1940 г. – декабрь. 1941 г. Л. 116–119, 120–122, 123; Историческая наука в СССР // Историк-марксист. 1939. Кн. 3. С. 211.

⁸ *Юсова Н.* Започаткування в СРСР досліджень із проблем східнослов'янського етногенезу (кінець 1930 – початок 1940-х рр.). С. 146–147; Ее же. Генезис

концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). С. 206-214.

⁹ 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917–1967 / Под ред. акад. М. В. Нечкиной и д. и. н. Е. И. Городецкого. Сост. А. И. Алаторцева, Г. Д. Алексеева. М.: Наука, 1971. С.203.

¹⁰ Греков Б. Д. Итоги изучения истории СССР за 20 лет // Известия АН СССР. 1937. № 5. С. 1102.

¹¹ См.: Артамонов М. И. Достижения советской археологии // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 128-129.

¹² См.: Шнирельман В. А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика. С. 59.

¹³ Ср.: Аксенова Е. П., Васильев М. А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов. С. 86.

¹⁴ См., напр.: Центральний державний архів-музей літератури і мистецтва України. Ф. 12922. Оп. 1. Од. зб. 57. Юшков С. В. Тези доповідей: «Общие предпосылки возникновения народности», «К вопросу о политических формах феодального государства (до XIX века)» та ін. Автограф, маш. з авт. правкою. 1930-і–1951 рр. 7 док. 41 арк. Док. 2. Арк. 7.

¹⁵ См.: В Президиуме АН СССР // Вестник АН СССР. 1939. № 4-5. С. 175; Ср. С постановлением октябрьской сессии 1938 г.з Отделения общественных наук АН СССР: На сессии ООН АН СССР // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 261.

¹⁶ Совещание по вопросам этногенеза // Историк-марксист. 1938. Кн. 6. С. 201

¹⁷ На сессии ООН АН СССР. С. 259.

¹⁸ Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист». С. 241; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1583. Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Отчеты за 1939 год. Л. 1-2, 4; Там же. Ед. хр. 1584. Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Отчеты по выполнению плана за 1939 г. Л. 1; Там же. Ед. хр. 1618. Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Отчеты о работе сотрудников ЛО ИИ АН СССР за 1940 г. Л. 11-12.

¹⁹ Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН) Ф. 312. Оп. 1. Ед. хр. 14. Отчет о научно-исследовательской работе ИИМК за 1938 г. Л. 19, 34; Там же. Ед. хр. 47. План научно-исследовательской работы ИИМК на 1939 г. Л. 19; Там же. Ед. хр. 50. Отчет о научно-исследовательской работе ИИМК за 1939 г. Л. 27; Там же. Ед. хр. 83. Производственный план работы ИИМК на 1940 год. Л. 41-42, 47; Там же. Ед. хр. 86. Отчет о работе ИИМК за 1940 год. Л. 3.

²⁰ А РАН. Ф. 1577. Оп. 5. Ед. хр. 143. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 1.

²² Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р. -6. Ед. хр. 62. Институт истории материальной культуры АН СССР. Личное дело директора Удальцова Александра Дмитриевича. Начато с 1946 янв. мес. До 16 февраля 1959 г. Л. 13.

²³ См.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). С. 220, 303-314; Ее же. Теоретичні засади етногенетики та постановка питання про давньоруську народність у працях О. Удальцова першої половини 1940-х рр. // Український історичний збірник (Вип. 2006) / Гол. ред. Т. Чухліб. Вип. 9. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006. С. 410-420.

²⁴ См.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). С. 230-238.

²⁵ А РАН. Ф. 1577. Оп. 5. Ед. хр. 143. Л. 2.

²⁶ Совещание по вопросам этногенеза. С. 201.

²⁷ На сессии ООН АН СССР. С. 261.

²⁸ Аксенова Е. П., Васильев М. А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов. С. 91.

²⁹ См. подробнее: Юсова Н. Становлення радянської етногенетики (в світлі плотогонічної теорії М. Марра) // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. Міжвідомчий збірник наукових праць. Вип. 15. К.: Ін-т історії України НАН України, 2005. С. 169-172.

³⁰ Там же. С. 170-171.

³¹ Аксенова Е. П., Васильев М. А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов. С. 91.

³² А РАН. Ф. 1577. Оп.5. Ед. хр. 143. Л. 3.

³³ Там же. Л. 21.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 4.

³⁶ Там же. Л. 4-9.

³⁷ Там же. Л. 9-10.

³⁸ Там же. Л. 10.

³⁹ Там же. Л. 4.

⁴⁰ См., напр.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – С. 52-57, 238-240.

⁴¹ Совещание по вопросам этногенеза. С. 201.

⁴² Аксенова Е. П., Васильев М. А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930 – 1940-х годов. С. 88.

⁴³ А РАН. Ф. 1577. Оп.5. Ед. хр. 143. Л. 47.

⁴⁴ Там же. Л. 4.

⁴⁵ См.: Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 319-337.

⁴⁶ А РАН. Ф. 1577. Оп.5. Ед. хр. 143. Л. 5.

- ⁴⁷ Там же. Л. 10.
- ⁴⁸ См., напр.: *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). С. 228, 338, 348-350.
- ⁴⁹ А РАН. Ф. 1577. Оп. 5. Ед. хр. 143. Л. 10-11.
- ⁵⁰ Там же. Л. 11.
- ⁵¹ Там же. Л. 12.
- ⁵² Там же. Л. 15, 18.
- ⁵³ Там же. Л. 15-16.
- ⁵⁴ Там же. Л. 16.
- ⁵⁵ Там же. Л. 17.
- ⁵⁶ Там же. Л. 18.
- ⁵⁷ Там же. Л. 19.
- ⁵⁸ Там же. Л. 19-20.
- ⁵⁹ Там же. Л. 21-24.
- ⁶⁰ Там же. Л. 25.
- ⁶¹ Там же. Л. 25-27.
- ⁶² См., напр.: *Масненко В.* Історична думка та націотворення в Україні (кінець ХІХ – перша третина ХХ ст.). К. Черкаси: Відлуння-Плюс, 2001. С. 262-263.
- ⁶³ А РАН. Ф. 1577. Оп.5. Ед. хр. 143. Л. 29-30.
- ⁶⁴ Там же. Л. 31.
- ⁶⁵ Там же. Л. 31.
- ⁶⁶ Там же. Л. 32.
- ⁶⁷ Там же. Л. 45.
- ⁶⁸ Там же. Л. 32.
- ⁶⁹ Там же. Л. 33-34, 34-а.
- ⁷⁰ Там же. Л. 35.
- ⁷¹ Там же. Л. 1.
- ⁷² См., напр.: А РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940 г. Ед. хр. 46. Переписка с Институтом истории. (О труде «История СССР», о «Всемирной истории» и др.) 1 января – 30 декабря 1940 г. Л. 148 (152); Научно-исследовательский отдел Рукописи Российской государственной библиотеки. Ф. 444. К. 8. Ед. хр. 18. Козаченко А. И. Некоторые вопросы этнической истории. Статья и сообщения. [Начало 1950-х гг.]. Автограф. Л. 2.
- ⁷³ *Аксенова Е. П., Васильев М. А.* Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов. С. 88-89.
- ⁷⁴ А РАН. Ф. 394. Оп. 13. Ед. хр. 9. Тематический план третьей пятилетки. 26 апреля 1939 г. Л. 77.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 457. Оп. 1-1939 г. Ед. хр. 1. Л. 15.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 1-1940 г. Ед. хр. 46. Л. 77.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 1-1939 г. Ед. хр. 1. Л. 6.
- ⁷⁸ Там же. Л. 9-10.

⁷⁹ Аксенова Е. П., Васильев М. А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов. С. 89, прим. 5.

⁸⁰ В Президиуме АН СССР. С. 175.

⁸¹ А РАН. Ф. 394. Оп. 13. Ед. хр. 9. Л. 78.

⁸² Там же. Л. 79.

⁸³ Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). С. 229-238; Ее же. „Давньоруська народність”: зародження та становлення концепції в історичній науці СРСР: 1930-ті – перша половина 1940-х рр. С. 217-222.

А.Н. Птицын (Ставрополь)

Болгарский вопрос как фактор эволюции отношений между Россией и Австро-Венгрией в последней трети XIX столетия

От взаимоотношений двух великих империй – Российской и Габсбургской – во многом зависели международная обстановка, характер и эволюция системы международных отношений в Европе. В последней трети XIX столетия главным «нервом» российско-австрийских отношений являлся балканский вопрос. Россия и Австро-Венгрия выступали основными соперниками на Балканском полуострове. Их противоборство прослеживается практически во всех международных кризисах, связанных с этим регионом, а также во внутривнутриполитической борьбе в балканских странах, где соперничали сторонники «прорусской» и «проавстрийской» ориентаций. Именно конкуренция двух стран за влияние на Балканах в рассматриваемый период стала доминирующим фактором двусторонних отношений, оттеснив на второй план все другие. Российско-австрийское соперничество можно считать одним из главнейших дестабилизирующих факторов системы международных отношений в Европе и мире, который, по выражению современного чешско-американского историка Ф. Дворника, изрядно отравлял всю европейскую политическую атмосферу¹.

Обе державы на Балканах преследовали в чем-то сходные цели. Они одновременно стремились к расширению своих сфер влияния в регионе и к превращению балканских стран в своих сателлитов. При этом Австро-Венгрия в большей степени основывалась на «геополитических» приоритетах, стремясь расширить свои владения на Балканах, обеспечить здесь свои «естественные границы», установить полный контроль над побережьем Адриатики и бассейном Дуная. Руководство Габсбургской монархии стремилось обезопасить существование своего государства путем борьбы с теми национально-освободительными движениями на Балканах, которые могли перекинуться на его территорию. Оно всеми силами стремилось не допустить образования круп-

ного славянского государства на Балканах, которое могло бы стать центром притяжения для входящих в ее состав южнославянских народов².

Важной целью политики дуалистической монархии являлось также стремление укрепить свои экономические позиции в балканских странах, которые рассматривались в качестве объектов экспорта австрийского капитала, рынков сбыта для австрийской промышленности и источников импорта дешевого продовольствия. Экономическое проникновение австро-венгерского капитала в болгарские земли развернулось еще до начала Восточного кризиса. Накануне русско-турецкой войны австрийские промышленные товары составляли около 75% от общего объема экспорта болгарских земель. Австрийские и венгерские компании контролировали железнодорожное строительство в болгарских землях и болгарские порты³.

Формируя свою балканскую политику в последней трети XIX века, российское руководство также преследовало определенные геополитические цели, главной из которых было обеспечение контроля над черноморскими проливами. При этом создание независимых государств на Балканском полуострове, дружественных России, рассматривалось в качестве важного фактора, способствующего достижению данной цели. В этой связи, особенно значительную роль в силу своего географического положения приобретала как раз Болгария. Российское руководство рассматривало славянские народы Балканского полуострова и их освободительную борьбу как «союзную силу», способствующую реализации его целей в Восточном вопросе. В отличие от правящих кругов Австро-Венгрии, российская политическая элита, к ее чести, не стремилась к прямым территориальным захватам на Балканах. От этого она отказалась еще со времен Николая I⁴.

Помимо геополитических интересов, российское руководство преследовало и другую цель – покровительство «единоверным» и «единокровным» народам в деле их национального освобождения. Эта, в целом благородная цель, однако, иногда шла вразрез с национальными интересами нашей страны. «Братья-славяне» очень часто беззастенчиво эксплуатировали Россию, рассматривали ее как заступницу в деле достижения всех своих национальных вожделений, и даже считали ее своего рода «дойной коровой».

Российское покровительство балканским славянам отравляло отношения нашей страны с Дунайской монархией. Правящие круги и общественное мнение Австро-Венгрии видели в российском покровительстве зарубежным славянам угрозу для своего государства, поскольку половину подданных Франца-Иосифа составляли именно славяне. Отсюда вытекало стремление жестко противодействовать российской политике, сформировавшееся у австрийской властной элиты еще со времен Крымской войны.

Несмотря на то, что Россия и Австро-Венгрия преследовали различные цели на Балканском полуострове, они долгое время вели достаточно гибкую

политику, не допускавшую прямого противостояния. Во второй половине XIX столетия в российско-австрийских отношениях можно выделить определенные циклы, поскольку периоды сотрудничества двух стран сменялись периодами конфронтации. В периоды сближения Россия и Австро-Венгрия наряду с Германией входили в Союз трех императоров (этот союз заключался дважды, вначале в 1873-1877 гг., а затем в 1881-1887 гг.). В то же время, в двусторонних отношениях доминировала тенденция к их постепенному ухудшению. Как справедливо отмечал Т.М. Исламов, для Австро-Венгрии «на почве все более обострявшейся борьбы за гегемонию на Балканах ухудшение отношений с Россией приобрело хронический характер, который не могли изменить периоды вынужденного сотрудничества на почве тех же балканских конфликтов»⁵.

В то же время, современная историография не считает, что противоречия Вены и Петербурга были фатально запрограммированы на войну. При наличии доброй воли правителей они вполне могли быть разрешены и путем компромисса⁶.

В «балканском» сегменте российско-австрийских отношений можно выделить несколько основных «вопросов»: турецкий, сербский, черногорский, румынский, болгарский, греческий, боснийско-герцеговинский, албанский, македонский. При этом практически по каждому из перечисленных выше «вопросов» между позициями России и Австро-Венгрии наблюдались значительные расхождения. В то же время, наиболее острая борьба между двумя империями шла по тем проблемам, которые затрагивали интересы славянских народов Балканского полуострова.

Существование своеобразного «славянского комплекса» в сознании российской политической и интеллектуальной элиты в рассматриваемый период не подлежит сомнению. Положение тех же греков, румын, албанцев, никогда не вызывало в России такого сочувствия, как проблемы болгар, сербов и черногорцев. В сознании же австро-венгерской политической элиты доминировал, наоборот, страх перед панславизмом, ведущий к стремлению ограничить роль и значение славянских стран и народов. Именно борьбой двух взаимоисключающих политических установок объясняется высокий накал российско-австрийского противостояния применительно к делам балканских славян.

Для России главным аспектом балканской проблемы в 1870-80-е годы был болгарский вопрос. Это объяснялось стратегическим положением Болгарии на подступах к черноморским проливам, а также установившимся австрийским преобладанием в Сербии и на западе Балкан⁷.

Болгарский вопрос занимал центральное место и в российско-австрийских отношениях в последней трети XIX столетия. Он впервые стал играть существенную роль в международной политике в 1876 г., после знаменитого Апрельского восстания. Жестокое подавление болгарского восстания турками вызвало в России горячее сочувствие к болгарам и стремление выступить в их защиту.

В то же время, реакция на болгарские события в Австро-Венгрии отличалась двойственностью. Официальные лица империи сожалели по поводу бедствий, вызванных восстанием, а чешская, сербская, хорватская и румынская общественность выражали свое горячее сочувствие болгарам. Выражения симпатии болгарам в Праге вылились даже в антиавстрийские демонстрации⁸.

В данном случае можно говорить о существенных различиях позиций двух империй по отношению к национально-освободительному движению балканских славян. Россия это движение горячо и последовательно поддерживала. Австро-Венгрия же относилась к освободительному движению южных славян с известной долей подозрения, поскольку боялось, как бы оно не охватило заодно и славян, проживающих на ее территории. Однако и здесь бывали исключения – боснийско-герцеговинскому восстанию, вспыхнувшему в 1875 г., Австро-Венгрия помогала весьма активно, ибо стремилась оторвать эти провинции от Турции и укрепить там свои позиции. Русские дипломаты и сербские официальные лица даже прямо называли боснийско-герцеговинское восстание «делом рук» австрийского правительства⁹. Однако по отношению к болгарскому восстанию Австро-Венгрия заняла свою традиционную позицию, не оказав ему, в отличие от России, практически никакой поддержки. Можно упомянуть разве что о сборе средств для болгар в славянских провинциях Австро-Венгрии и о нахождении там болгарских беженцев¹⁰.

На начальных этапах Восточного кризиса Россия и Австро-Венгрия старались проводить согласованную политику. Они стремились, прежде всего, к «умиротворению» восставших турецких провинций и настаивали на необходимости реформ, улучшающих их положение. Однако основными объектами совместных действий двух правительств в это время являлись Босния и Герцеговина. На Рейхштадтском свидании Франца Иосифа и Александра II 26 июня (8 июля) 1876 г. болгарский вопрос был затронут лишь вскользь. Согласно принятому двумя императорами проекту желательных преобразований на Балканах в случае краха Османской империи, «Болгария и Румелия могли бы образовать независимые княжества в их естественных границах»¹¹. Однако никаких конкретных решений по этому поводу в Рейхштадте принято не было.

Болгарский вопрос в декабре 1876 г. обсуждался на Константинопольской конференции представителей великих держав. Русская дипломатия стала в это время уделять этому вопросу основное внимание, поскольку, согласившись с австрийской оккупацией Боснии и Герцеговины, стала рассматривать Болгарию как основной оплот своего политического влияния на Балканах, тем более что в Сербии в это время усилилась проавстрийская ориентация.

На Константинопольской конференции российский посол Н.П. Игнатьев предложил два варианта болгарского переустройства: «программу-максимум», предполагающую широкую автономию Болгарии вплоть до создания собственных вооруженных сил, и программу-минимум, предусматриваю-

шую раздел Болгарии на две автономные провинции – западную и восточную¹². Австрийские и английские делегаты категорически выступили против первого варианта, но согласились на программу-минимум. Однако, турецкое правительство, не желая выполнять решения конференции, 23 декабря 1876 г. объявило о введении конституции, предоставляющей христианам равные права с мусульманами. Этот «ход конем» свел результаты работы Константинопольской конференции к нулю.

Поэтому от международного урегулирования балканских дел Россия вновь обратилась к двусторонним переговорам с Австро-Венгрией рассчитывая, что это будет эффективней. Результатом переговоров стала Будапештская конвенция, подписанная 3 (15) января 1877 г. Главным в ней являлось обязательство Австро-Венгрии соблюдать «дружественный нейтралитет» в случае начала русско-турецкой войны в обмен на возможность оккупировать Боснию и Герцеговину. Был достигнут компромисс и по болгарскому вопросу – обе страны брали на себя обязательства добиваться для Болгарии «широкой автономии, обставленной серьезными гарантиями». В случае начала русско-турецкой войны Россия получила от Австро-Венгрии согласие на занятие своими войсками болгарской территории. И, наконец, обе державы допускали, что в будущем Болгария и Румелия могли бы получить полную независимость. Однако в специальной статье конвенции, принятой по австрийскому настоянию, говорилось, что «образование большого сплоченного славянского или иного государства» на Балканах исключается¹³. И хотя эта статья, по смыслу, относилась к Сербии, она в дальнейшем была использована австрийскими дипломатами в качестве обоснования своих возражений против образования «большой» Болгарии (кстати, этот термин впервые ввел именно министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши).

Таким образом, Австро-Венгрия, «соблазненная» возможностью присоединить Боснию и Герцеговину, согласилась с российским предложением о предоставлении Болгарии автономии, а в перспективе – и независимости. Однако она категорически возражала против создания болгарского государства, территория которого совпадала бы с этнографическими границами расселения болгар и включала бы, таким образом, значительную часть Балканского полуострова. Такая позиция австрийского правительства объяснялась тем, что оно, во-первых, опасалось образования крупного славянского государства на Балканах, и, во-вторых, стремилось ограничить российское влияние в регионе, проводником которого могла стать Болгария.

Опираясь на союз с Австро-Венгрией и Германией, а также на сочувственное отношение общественности западных стран к освободительному движению на Балканах, Россия смогла добиться того, что все великие державы 19 (31) марта приняли так называемый Лондонский протокол, в котором содержалось настоятельное требование к Турции о проведении реформ в ее

христианских провинциях¹⁴. Отказ оттоманского правительства присоединиться к Лондонскому протоколу дал России повод объявить Турции войну 12 (24) апреля 1877 г. При этом Россия выступала как бы от лица всех великих держав, что обеспечивало их нейтралитет.

Австрийское руководство внимательно следило за ходом русско-турецкой войны, опасаясь «чрезмерного усиления» России в случае ее быстрой победы. Поэтому по мере военных успехов России позиция австро-венгерского правительства по поводу российских планов послевоенного переустройства на Балканах становилась всё более жесткой. 28 ноября 1877 г., накануне падения Плевны, Александр II направил германскому и австрийскому императорам письма с изложением этих планов. Ответ Франца Иосифа, полученный в конце декабря, содержал категорические возражения против российских предложений о возможности создания «большой» Болгарии и долговременной оккупации Болгарии русскими войсками¹⁵.

После Плевны, когда русская армия неудержимо двигалась к Константинополю, в общественном мнении Двуетидной монархии произошел резкий перелом от поддержки России к требованиям защитить Турцию. По мнению австрийцев и венгров, русские войска оказались «слишком победоносными»¹⁶. В Будапеште даже состоялись демонстрации солидарности с османами. Парламентская оппозиция настойчиво требовала от Д. Андраши вмешательства в восточный кризис на стороне Турции¹⁷. Австро-венгерское руководство на это не пошло, но серьезно скорректировало свой курс, стараясь не допустить значительного усиления России. Ссылаясь на русско-австрийские соглашения предвоенного времени, Д. Андраши стал настаивать на том, чтобы российское правительство согласовало с ним условия мирного договора с Турцией. В свою очередь, турки стремились затянуть мирные переговоры, уповав на «дружественное» вмешательство Австро-Венгрии и Англии¹⁸.

Чтобы достичь компромисса по болгарскому вопросу, российское правительство инициировало проведение в феврале 1878 г. в Вене трехсторонних переговоров представителей России, Австро-Венгрии и Германии. На этих переговорах русский посол в Вене Е.П. Новиков предпринял попытку доказать Д. Андраши необходимость создания большой и сильной Болгарии, рассматривая ее как противовес сербскому влиянию на Балканах, которое могло представлять угрозу для Двуетидной монархии. Однако Д. Андраши свою позицию не изменил, выдвинув в качестве дополнительного аргумента против создания «большой» Болгарии необходимость защиты интересов греков и албанцев. Более того, он настаивал и на необходимости раздела Болгарии на две части по Балканскому хребту. Ввиду такой позиции австро-венгерского министра венские переговоры успехом не увенчались¹⁹.

Условия Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, заключенного 19 февраля (3 марта) 1878 г., соответствовали российскому плану обра-

зования «единой автономной Болгарии», и вызвали, поэтому, резкие протесты австро-венгерского руководства, которое нашло его «неслыханным по своей чрезмерности». Оно полагало, что создаваемая по этому договору Болгария являлась «слишком большой». Согласно донесению Е.П. Новикова, «монархия Габсбургов считает себя задетой созданной нами Болгарией с двух сторон – политической и торговой»²⁰. Австро-венгерское правительство протестовало против включения в состав Болгарии Македонии, в которой оно имело свои политические и экономические интересы. Кроме того, оно настаивало на поведении южной границы Болгарии на более удаленном от Адрианополя расстоянии и на сокращении срока российской оккупации до шести месяцев²¹.

Именно позиция Австро-Венгрии сыграла главную роль в том, что Россия была вынуждена согласиться на пересмотр условий этого договора на Берлинском конгрессе. Особенно велика была в этом роль Д. Андраши²². Российское правительство согласилось пересмотреть условия Сан-Стефанского договора на международном конгрессе, поскольку всерьёз опасалось, что Австро-Венгрия может заключить союз с Англией и Турцией с целью ведения войны против России. В апреле 1878 г. российский генштаб даже подготовил план возможной военной кампании против этих держав и осуществил дополнительную переброску войск на австрийскую границу²³. Министр иностранных дел А.М. Горчаков вполне обоснованно отмечал, что «именно в Вене находится камень преткновения для мирного решения теперешнего кризиса»²⁴.

Чтобы расколоть наметившийся альянс Дунайской монархии и Великобритании, российская дипломатия накануне Берлинского конгресса предприняла попытки сепаратных переговоров с этими державами. Несмотря на то, что Австро-Венгрия считалась российским союзником, компромисса с ней достичь не удалось. Предпринятая Н.П. Игнатьевым поездка в Вену закончилась безрезультатно, в отличие от переговоров П.А. Шувалова в Лондоне. Русской дипломатии оказалось проще договориться с «исконным врагом» – Англией. 18 мая 1878 г. было заключено русско-английское соглашение об основаниях нового устройства на Балканах. Этот факт говорит о том, что противоречия между Россией и Австро-Венгрией на Балканах становились все более острыми и неразрешимыми.

Болгарский вопрос являлся одним из центральных на Берлинском конгрессе. И если Россия предлагала создать единую Болгарию, территория которой включала бы значительную часть Балканского полуострова, то представители Австро-Венгрии и Англии на конгрессе активно выступили против этого плана. Именно Д. Андраши настоял на том, чтобы территория «Сан-Стефанской» Болгарии была существенно урезана с юго-востока (со стороны Константинополя) и с запада (со стороны Сербии и Македонии). В целом, болгарская территория сокращалась втрое; при этом страна потеряла выход к Эгейскому морю. В «отрезанных» округах насчитывалось более миллиона жителей²⁵.

Плодом совместного англо-австрийского «творчества» стал также раздел Болгарии на две части – Болгарское княжество и Восточную Румелию. Английские и австро-венгерские дипломаты настояли на том, чтобы для Южной Болгарии было принято искусственное название «Восточная Румелия», несмотря на возражения русских представителей. В то же время, русским дипломатам удалось вопреки австрийскому сопротивлению отстоять политическую автономию северного Болгарского княжества и обеспечить передачу ему Софийского санджака²⁶. Срок пребывания российских войск в Болгарии по Берлинскому договору сокращался до девяти месяцев. Австро-Венгрия настояла на признании в качестве обязательных для Болгарии всех торговых договоров и железнодорожных концессий, подписанных султанским правительством²⁷.

В то же время, на Берлинском конгрессе оказались похороненными надежды Австро-Венгрии на сохранение статуса-кво в Юго-Восточной Европе. Империи пришлось признать независимость Сербии, Черногории и Румынии и автономный статус Болгарии. Благодаря созданным условиям, объединение Болгарии и обретение ею независимости представлялись делом недалекого будущего. Д.А. Милютин, русский военный министр, отмечал вскоре после Берлинского конгресса, что «какие бы ни были теперь поставлены европейской дипломатией ограничения самостоятельности Южной Болгарии, какие бы тесные границы ни были ей назначены, можно иметь уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения болгарского народа в одно самостоятельное государство»²⁸.

Решения Берлинского конгресса по болгарскому вопросу являлись плодом компромисса заинтересованных сторон, поэтому ими были недовольны все – и Россия, и Австро-Венгрия, и сама Болгария, и ее соседи. По этому поводу весьма точно выразился французский историк А. Дебидур: «В Берлинском трактате прежде всего поражает то, что он словно создан не для обеспечения всеобщего мира, а с целью перессорить все великие и даже многие мелкие европейские державы. Нет сомнения, что ни одна из заинтересованных сторон не вернулась с конгресса без некоторого недовольства, без чувства беспокойства, без нового зародыша ненависти и конфликта»²⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что австрийская политика в период Восточного кризиса 1870-х гг. была, в сущности, антиболгарской, и на этой почве произошло заметное охлаждение российско-австрийских отношений. В 1879 г. Австро-Венгрия заключила тайный договор с Германией, направленный против России.

В первые годы после Берлинского конгресса Австро-Венгрия видела в болгарском государстве естественного союзника России и олицетворение «славянской опасности». Поэтому ее политика была направлена на то, чтобы затормозить развитие болгарской государственности. Представители империи

Габсбургов в международных балканских комиссиях являлись самыми последовательными сторонниками практического выполнения ограничительных статей Берлинского договора. Это проявлялось в вопросах делимитации границ, создания вооруженных сил княжества, в железнодорожном и дунайском вопросах. Русские дипломаты, входившие в эти комиссии, столкнулись со значительным противодействием со стороны австро-венгерских представителей, занимавших протурецкие и даже прорумынские позиции. Это вызвало в Петербурге новые упреки в адрес Австрии³⁰.

Но, несмотря на это, в начале 1880-х гг. происходит новое сближение России и Австро-Венгрии, обусловленное традициями двухстороннего сотрудничества, а также российским стремлением найти союзников в условиях резкого ухудшения отношений с Англией. Это сближение выразилось в подписании 6 (18) июня 1881 г. союзного договора, третьим участником которого стала Германия. В результате был образован второй «Союз трех императоров». Примечательно, что одна из статей соглашения предусматривала согласование политики трех держав на Балканах³¹.

К данному соглашению был приложен дополнительный протокол, в который внесены основные пункты достигнутых тремя державами договоренностей относительно балканских дел. Наиболее важный пункт касался Болгарии. Российской дипломатии удалось добиться согласия Австро-Венгрии и Германии на возможное объединение Болгарского княжества и Восточной Румелии «в пределах территориальных границ, указанных им Берлинским трактатом, в случае, если бы этот вопрос был выдвинут силой вещей»³². Кроме того, в протоколе содержалось взаимное обязательство трех правительств ограждать Восточную Румелию от возможной турецкой оккупации. Однако уже австро-венгерским дипломатам удалось настоять на включение в данный протокол пункта, согласно которому державы «согласились отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям, именно, Македонии»³³. Таким образом, Россия шла здесь на уступки ввиду австрийских опасений создания большого славянского государства на Балканах. Серьезное значение имела и «практическая» статья протокола, согласно которой дипломатические агенты трех держав на Балканах обязывались действовать согласовано. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, на деле каждое из трёх императорских правительств преследовало на Балканах свои интересы, и достигнутое согласие было лишь временным.

В 1884 г. союзный договор трех империй был продлен на три года, однако никаких дополнительных «балканских» протоколов на сей раз принято не было, что объясняется, в первую очередь, ростом противоречий между Россией и Австро-Венгрией по балканскому вопросу.

Союз трех императоров не привел к согласованию позиций России и Дунайской монархии по болгарскому вопросу, а лишь обеспечил временное

сглаживание противоречий. По мере ослабления русского влияния в Болгарии Австро-Венгрия перестала воспринимать ее как русского сателлита. Она стала стремиться укрепить своё влияние в Болгарии, рассчитывая вытеснить оттуда Россию. Для этого использовались и политические, и экономические методы. Австро-Венгрия стремилась занять утраченное Россией в середине 1880-х годов место покровителя Болгарии. Причём свою политику Дунайская монархия проводила достаточно осторожно, чтобы не вызвать резких враждебных действий со стороны России.

Австрийские дипломаты играли на самолюбии болгарских правителей, обещая им поддержку для ликвидации зависимости Болгарии от России. Они умело использовали разногласия между болгарскими политическими деятелями и русскими представителями в княжестве³⁴. Р. Кевенгюллер, первый габсбургский дипломатический представитель в Болгарском княжестве, прямо советовал князю Александру Баттенбергу «одним ударом освободиться от этой чумы» (имея в виду русских), в противном же случае его ждет превращение «в марионетку, веревочки от которой будут находиться в чужих руках»³⁵. Эти советы упали на подготовленную почву, поскольку бесцеремонность и диктаторские замашки русских представителей быстро настроили болгар против них.

Кроме того, усилению австрийского влияния в Болгарии способствовал и экономический фактор. В отличие от России, чьи экономические позиции на Балканах были чрезвычайно слабы, Габсбургская монархия стала основным торговым партнером и экспортером капитала для балканских стран, в том числе и для Болгарии. В начале 1880-х годов все железные дороги на болгарской территории (как действующие, так и строящиеся) перешли в руки австрийского акционерного общества. Монопольное положение занимали австрийские и венгерские компании и в болгарском судоходстве³⁶.

В Петербурге отдавали себе отчет в том, что деятельность австрийских представителей в Болгарии была враждебна России. На одном из дипломатических донесений из Болгарии, сообщающем об этом, сохранилась характерная помета Александра III: «Традиционно подлая политика австрийцев»³⁷.

Общественное мнение и периодическая печать дуалистической монархии выступали с осуждением политики российских представителей в Болгарии, полагая, что она была направлена на превращении княжества в «русскую губернию».

Рост противоречий между Россией и Австро-Венгрией вызывал серьезные опасения у третьего участника «Союза трех императоров» – Германии, которая неоднократно пыталась примирить интересы своих партнеров на Балканах. Германский канцлер О. фон Бисмарк в своем непередаваемом солдафонском стиле так отзывался о сложившейся ситуации: он «стоит между Россией и Австрией, как между двумя кусающимися собаками, которые тотчас же набросятся друг на друга, если он ослабит ошейник»³⁸. Чтобы сгладить противоречия между Россией и Австро-Венгрией, Бисмарк неоднократно

предлагал им заключить договор о разделе сфер влияния на Балканах. По плану Бисмарка, Австро-Венгрия должна была признать Болгарию сферой русских интересов, а взамен этого Россия должна была заявить о признании сферой австрийских интересов Сербию. Однако ни та, ни другая страна на подобный раздел не согласились, поскольку надеялись приобрести преобладающее влияние на всем полуострове.

Серьезным испытанием для Союза трех императоров, и особенно для российско-австрийских отношений, стал болгарский кризис, разразившийся в сентябре 1885 года и продолжавшийся около двух с половиной лет. Главным содержанием этого кризиса являлись, на первом этапе – проблема объединения Болгарии и Восточной Румелии и, на втором этапе – династический вопрос в Болгарии. Болгарский кризис сломал хрупкий статус-кво на Балканах, установившийся после Берлинского конгресса 1878 года, и привел к усилению соперничества великих держав в этом регионе. Главными антагонистами России при этом стали Австро-Венгрия и Великобритания.

Болгарский кризис начался с восстания в Восточной Румелии, которое проходило под лозунгом ее объединения с Болгарским княжеством. Интересно, что русская дипломатия, зная о начале объединительного движения болгар, предупреждала их о «несвоевременности» соединения, но предупреждения эти цели не достигли. 18 (30) сентября 1885 г. болгарский князь Александр Баттенберг заявил о присоединении Восточной Румелии к Болгарскому княжеству, что являлось нарушением условий Берлинского договора 1878 г.

Отношение союзных империй к данному событию было различным. Российская дипломатия признавала безусловную правомерность объединения Болгарии, однако к самому факту ее осуществления «явочным порядком» отнеслась достаточно настороженно. Особенное недовольство российского правительства вызывало то обстоятельство, что объединение Болгарии существенно укрепляло позиции Александра Баттенберга, от которого оно хотело избавиться из-за его стремления вести самостоятельную политику, а также из-за проавстрийских симпатий князя. Дело осложнялось и острой личной антипатией, которую испытывал к болгарскому князю Александр III, который возлагал на него основную вину за ослабление русского влияния в княжестве. Кроме того, русская дипломатия опасалась, что болгарское соединение укрепит и позиции правительства либералов во главе с П. Каравеловым, которое было настроено против России³⁹.

В итоге российская политика по болгарскому вопросу совершила немислимый пируэт. Страна-освободительница выступила с осуждением болгарского объединения и стала призывать другие великие державы и Турцию восстановить статус-кво. Это, в свою очередь, стало одной из причин потери Россией своего влияния в Болгарии. Можно согласиться с резкими словами Т.М. Исламова, что «в ходе болгарского кризиса 1885 г. российское правительство,

официально осудив воссоединение Восточной Румелии с Болгарией, повело себя, мягко говоря, недостойным образом, выступив против находившейся под русским покровительством славянской, православной болгарской нации»⁴⁰.

Австро-Венгрия также не хотела допустить прецедента нарушения Берлинского трактата. В начальный период болгарского кризиса Вена и Петербург «по традиции» продолжали поиски согласия в болгарском вопросе. В сентябре 1885 г. Россия и Австро-Венгрия единым фронтом выступили против намерений Турции оккупировать Восточную Румелию, отстояв, таким образом, болгарские интересы⁴¹.

Габсбургское правительство поддержало российскую идею созыва в Константинополе конференции послов великих держав для решения болгарского вопроса. На этой конференции, начавшей работу 5 (17) ноября 1885 г., представители Австро-Венгрии и Германии поддержали российское требование о восстановлении прежнего порядка в Болгарии, которое и было принято всеми участниками конференции, за исключением Англии. Однако практического воплощения это решение не имело, так как болгарское правительство его не приняло, а настаивать на своем великие державы без применения силы не могли.

Позиция, занятая Австро-Венгрией на Константинопольской конференции объяснялась, с одной стороны, стремлением сохранить союзные отношения с Россией. С другой стороны, на политику Габсбургской монархии повлияла начавшаяся 2 ноября 1885 г. сербо-болгарская война. Австро-Венгрия поддержала сербского короля Милана, который заявил о стремлении добиться от Болгарии территориальной компенсации за ее расширение. Эта позиция Дунайской монархии объяснялась, кроме стремления поддержать проавстрийское правительство Сербии, также желанием посеять рознь между сербами и болгарами, чтобы предотвратить возможность создания в будущем на Балканах славянской федерации⁴².

В сербо-болгарской войне быструю победу одержали болгары. Австро-Венгрия, чтобы поддержать Сербию, потребовала остановить болгарское наступление, угрожая своим вступлением в войну. Этот демарш, в свою очередь, вызвал протест со стороны России. В начале декабря 1885 г. русский министр иностранных дел Н.К. Гирс заявил о том, что австрийское вмешательство, по условиям союзного договора 1881 г., возможно только при согласовании с Россией, поэтому запланированные Веней действия приведут Союз трех императоров к разрыву. После этого Австро-Венгрия была вынуждена отказаться от планов вмешательства в сербо-болгарский конфликт. Противостояние Австро-Венгрии и России в период сербо-болгарской войны стало их первым конфликтом со времени образования Союза трех императоров в 1881 г.⁴³.

В декабре 1885 г. Россия вновь изменила свою позицию по вопросу болгарского объединения, вернувшись к признанию его необходимости. Не добившись смещения болгарского князя, она поддержала английский вариант

урегулирования кризиса, предусматривающий назначение болгарского князя генерал-губернатором Восточной Румелии. Этот вариант был также принят Австро-Венгрией и другими великими державами, а затем и Турцией. Он получил юридическое оформление в болгаро-турецком договоре от 1 (13) февраля 1886 г. и Топханейском акте, подписанным шестью великими державами 5 (17) апреля 1886 г. Примечательно, что текст этого акта был составлен совместно российским и австрийским послами в Турции, что говорит о достижении между двумя империями консенсуса по проблеме болгарского объединения. Топханейский акт означал международное признание соединения Болгарии. Изменение российской позиции означало, что ее руководство осознало падение своего влияния в Болгарии и решило строить свою политику в рамках «европейского концерта».

Однако вскоре случилось новое обострение болгарского вопроса. 9 (21) августа 1886 г. в Болгарии произошел государственный переворот, в результате которого офицеры-заговорщики свергли Александра Баттенберга. Однако Россия, вопреки ожиданиям, от этого не выиграла, поскольку пришедшее к власти правительство регентов во главе с С.Стамболовым придерживалось проавстрийской ориентации. Осторожный Н.К. Гирс предлагал признать регентство, но царь отказался это сделать. Он пытался добиться от Австро-Венгрии и Германии поддержки своего плана свержения регентов, но этой цели не достиг. Максимум, на что соглашались австрийские представители в этой связи – формальное осуждение некоторых практических мер регентства. Неоднократные попытки вооруженного свержения регентства, предпринятые пророссийски настроенными болгарскими офицерами, провалились, и вызвали резкое осуждение в Австро-Венгрии. Направленному в Болгарию в качестве личного представителя царя военному агенту в Вене генералу Н.В. Каульбарсу не удалось добиться от регентов принятия русских требований. Примечательно, что Каульбарс четко придерживался данной ему царем инструкции: «нам следует им приказывать, но никак не входить в переговоры». Твердая позиция регентов, поддержанная Англией и (негласно) Австро-Венгрией привела к провалу «миссии Каульбарса». В ноябре 1886 г. российское правительство разорвало отношения с «неблагодарной Болгарией»⁴⁴.

В период русско-болгарского разрыва Австро-Венгрия стала главным политическим и экономическим партнером Болгарии. В отличие от России, Дунайская монархия признала в качестве законной власти правительство регентов, а также итоги состоявшихся выборов в болгарское III Великое народное собрание. Глава регентства, а фактически диктатор Болгарии С. Стамболов поддерживал тесные контакты с австрийским консулом в Софии С. Бурианом. Австро-Венгрия, в отличие от Германии, высказалась против русского кандидата на болгарский престол князя Мингрельского. Принимая в декабре 1886 г. в Вене болгарскую делегацию, Г. Кальноки, поддержал стрем-

ление властей Болгарии отказаться от русского кандидата, заявив, что «никто не может его навязать»⁴⁵.

Осенью 1886 г. произошло новое охлаждение российско-австрийских отношений. Поскольку Германия в это время занимала пророссийскую позицию, Австро-Венгрия начинала сближение с Англией. 9 ноября 1886 г. премьер-министр Англии Р. Солсбери выступил в парламенте с резким осуждением российского вмешательства в болгарские дела и заявил о поддержке Австро-Венгрии как силы, могущей противостоять России на Балканах. В унисон с британским премьером выступил австро-венгерский министр иностранных дел Г. Кальноки, произнесший 13 ноября перед делегатами венгерского парламента речь, получившую большой международный резонанс. Г. Кальноки резко осудил деятельность Н.В. Каульбарса и заявил о готовности противостоять русским планам оккупации Болгарии (такие планы, действительно, российским руководством обсуждались, но приняты не были). Австро-венгерский министр заверил, что «силового варианта» разрешения болгарского кризиса в русском исполнении его страна не потерпит и готова, в этом случае, прибегнуть к «решительным мерам» (прозрачный намек на возможность войны). Кроме того, он заявил о полной поддержке австрийской позиции по болгарскому вопросу со стороны правительства Англии⁴⁶.

Выступление Г. Кальноки, представляющего формально союзную державу, вызвало всплеск негодования в Петербурге. Н.К. Гирс при встрече с германским послом так обрисовал настроения русского общества: «Вся ненависть направлена сейчас против Австрии. Забыты Солсбери, Англия и сама Болгария»⁴⁷. Напуганный такой реакцией, Г. Кальноки направил в Петербург письмо с оправданиями и разъяснениями, однако российское руководство им не поверило. 19 ноября Н.К. Гирс телеграфировал послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому, что Г. Кальноки «разрушил доверие в эффективность и в само существование тройственного соглашения... Тройственный союз не существует больше, даже если он еще не заменен другой комбинацией»⁴⁸. Таким образом, глава российского МИДа прямо связывал австрийскую позицию по болгарскому вопросу с кризисом двусторонних отношений и распадом Союзом трех императоров. В ноябре 1886 г. российско-австрийские отношения ухудшились настолько, что печать обеих стран стала открыто обсуждать вероятность возникновения войны между ними.

Несмотря на воинственные заявления, ни Австро-Венгрия, ни Англия, не собирались всерьез воевать с Россией, а надеялись лишь поставить заслон ее активным действиям в Болгарии. Российское правительство также не стремилось к войне. 23 ноября 1886 г. МИД выступил с заявлением, в котором говорилось о том, что Россия не отказывается от достижения своих задач в Болгарии, но будет добиваться этого мирным путем, не нарушая существующих международных договоров⁴⁹.

С ноября 1886 г. русская дипломатия перестает согласовывать свои действия с Веной. Если ранее Н.К. Гирс и другие руководители МИД часто делились и обсуждали текущие дела с австрийским послом Волькенштейном, то теперь контакты с ним почти прекратились. За весь 1887 г. австрийский посол был принят в МИД считанное число раз. Весьма примечателен состоявшийся в конце 1886 г. диалог между Гирсом и Волькенштейном. На высказанные послом опасения, как бы ухудшение двухсторонних отношений не привело к войне, Гирс ответил: «Я не думаю, чтобы дошло до войны, но мы сильно рискуем тем, что мир у нас будет неприятный»⁵⁰.

Об отношении к Австро-Венгрии российского руководства в этот период красноречиво свидетельствовала помета Александра III на телеграмме посла в Вене А.Б. Лобанова-Ростовского от 2 января 1887 г., сообщающей о том, что в дуалистической монархии царит тревожное настроение ввиду угрозы войны с Россией. Царская помета по данному поводу была весьма эмоциональной: «Низкие трусы; теперь испугались, а кто кричал и пугал всех больше. Подлая нация»⁵¹. Военный министр П.С. Ванновский, весьма чуткий к душевным движениям своего государя, предложил и вправду напасть на Австрию, «которую мы бы славно раскатали». Однако царь, с некоторым, впрочем, сожалением, был вынужден отказаться от этого плана, опасаясь выступления Германии в защиту Австро-Венгрии, о чем свидетельствовал его ответ военному министру: «Да, но немцы нас в Вену не пустят»⁵².

О широком распространении антиавстрийских настроений в российском обществе говорит содержание газет того периода. Примечательно, что в критических оценках австрийской политики по болгарскому вопросу наблюдалось трогательное единство между охранительно-монархической, либеральной и революционно-демократической прессой. Особенно усердствовали органы печати, принадлежавшие М.Н. Кагкову. Причем последний, стремясь не допустить возобновления Союза трех императоров, не остановился и перед публикацией секретных дипломатических документов, что вызвало серьезный скандал⁵³.

Одним из ярких проявлений антиавстрийских настроения стала речь, произнесенная 3 декабря 1885 г. на заседании Петербургского славянского комитета его председателем генералом П.П. Дурново. Эта речь дышала такой неприкрытой ненавистью к монархии Габсбургов, в связи с ее враждебной позицией в болгарском вопросе, что П.П. Дурново получил форменный выговор от царя⁵⁴.

Всплеск антироссийских настроений наблюдался и в Австро-Венгрии, причем, как ни удивительно, Г. Кальноки подвергался в австрийской и, особенно, в венгерской прессе ожесточенной критике за «уступчивость по отношению к русским» в Болгарии и на Балканах в целом. Парламентскую оппозицию курсу Г. Кальноки возглавлял лидер венгерской либеральной партии, бывший министр иностранных дел Д. Андраши. Г. Кальноки, что Примеча-

тельно, пытался противостоять «детскому шовинизму» венгров и продолжал оставаться сторонником сохранения Союза трех императоров⁵⁵.

В условиях обострения противоречий с Россией активизировалась и австрийская дипломатия. 20 февраля 1887 г. Австро-Венгрия подписала договор о продлении Тройственного союза с Германией и Италией. 24 марта того же года Дунайская монархия подписала соглашения с Англией и Италией («средиземноморская Антанта»), направленные на защиту ее интересов на Балканах и в Средиземноморье. Эти договоры рассматривались австро-венгерским руководством как важнейшие гарантии безопасности страны перед лицом «русской угрозы»⁵⁶.

После ухудшения отношений с Австро-Венгрией российское руководство попыталось заменить Союз трех императоров двусторонним союзом с Германией. Русско-германский союзный договор, получивший в историографии название «договора перестраховки», был заключен в июне 1887 г. Следует процитировать один из пунктов этого договора: «Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове, и особенно законность ее преобладающего и решающего влияния в Болгарии и в Восточной Румелии»⁵⁷. То есть Германия согласилась принять те условия в отношении Болгарии, которые Россия выдвигала Австро-Венгрии, и это позволило ей сохранить союзные отношения с нашей страной.

Однако российско-германское соглашение оказалось недолговечным, поскольку Германия одновременно была связана с Австро-Венгрией союзными договорами 1879 г. и 1882 г. Германское правительство, поставленное перед необходимостью выбирать между двумя прежними союзниками, предпочло в итоге Австро-Венгрию. Заявляя на словах о стремлении поддерживать Россию в балканских делах, германское правительство на практике ничего не предприняло, чтобы отстоять российские интересы в Болгарии. Примечательно, что австрийские дипломаты не питали иллюзий относительно германской позиции. К примеру, австрийский посол в Константинополе Г. Каличе прямо называл действия Бисмарка в болгарском вопросе «русско-германским кокетством»⁵⁸.

Разрыв союза между Россией и Австро-Венгрией развязал руки сторонникам проавстрийской ориентации в Болгарии. 7 (19) июля 1887 г. Великое народное собрание избрало болгарским князем принца Фердинанда Кобургского, бывшего офицера австрийской армии, близкого к правящим кругам Дунайской монархии. Причем это было сделано без согласования с великими державами и Турцией, но, при негласной поддержке австро-венгерского правительства. Так, император, Франц Иосиф в личном письме Фердинанду после его избрания выражал свое сожаление о невозможности «поддержать князя на его трудном пути» из-за опасности международных осложнений, и посылал ему свои «добрые пожелания в управлении Болгарией»⁵⁹. И хотя Г. Каль-

ноки заверял русского посла А.Б. Лобанова-Ростовского в том, что Фердинанд не является кандидатурой венского кабинета, на деле австро-венгерская дипломатия отстаивала интересы Кобурга и его правительства, как в европейских странах, так и на Балканах, а также и в Турции⁶⁰.

Проблема признания Кобурга болгарским князем стала той осью, вокруг которой развернулась борьба на заключительном этапе болгарского кризиса. Несмотря на возражения России, Фердинанд был де-факто признан Австро-Венгрией, Англией и Италией в качестве болгарского князя. 8 ноября 1887 г. в своей традиционной парламентской речи Г. Кальноки заявил о том, что принц Кобургский признается в Вене «законно избранным» князем Болгарии. Кроме того, министр подчеркнул стремление Австро-Венгрии всеми силами противостоять возможной русской интервенции в Болгарии и выразил надежду, что Россия вскоре будет вынуждена признать Кобурга.

Русский министр иностранных дел Н.К. Гирс в беседе с германским послом Швейницем оценил данное парламентское выступление Г. Кальноки как форменный «вызов России». Он приходил к выводу о «непримиримости» интересов России и Австро-Венгрии на Балканах. О настроении всегда сдержанного министра говорили его неожиданно резкие слова в адрес Габсбургской монархии: «Австрия позволяет себе все, чтобы унижить Россию, натравить против нее славянское население и вытеснить из славянского мира... Россия сильнее Австрии, терпящей поражения в каждой войне, которую она вела... Австрийцы полагают, что они доставят нам удовольствие, объявив, что не хотят на нас нападать! Пусть приходят, мы не желаем ничего лучшего»⁶¹.

Попытки заменить Кобурга российским кандидатом, предпринятые российскими дипломатами, встретили активное противодействие Австро-Венгрии. Германия же, на словах поддерживающая российскую позицию, на деле ничего не сделала для ее реализации. В отличие от Германии, Франция безоговорочно поддержала российскую дипломатию в годы болгарского кризиса, что стало одним из краеугольных камней будущего «сердечного согласия» двух стран⁶².

Утверждение у власти Фердинанда Кобургского, сохранение во главе правительства С. Стамболова вкупе с разрывом российско-болгарских отношений означали установление безраздельного влияния Австро-Венгрии в Болгарии. Болгарский исследователь Р. Мишев весьма метко определил результаты австрийской политики в Болгарии в конце 80-х годов как «балканский триумф» Г. Кальноки⁶³.

В последние месяцы 1887 г. болгарский кризис достиг своей высшей точки. Германия окончательно определилась со своей внешнеполитической ориентацией и безоговорочно выступила в поддержку Австро-Венгрии. Генштабы двух стран в это время разрабатывали конкретный план войны против России. Русский генштаб, впрочем, был занят тем же самым. Чтобы заставить Австро-Венгрию отказаться от поддержки Кобурга, Россия усилила свою

воинскую группировку в Польше, что вызвало настоящий «военный психоз» в Дунайской монархии и в Германии. Военный министр России П.С. Ванновский заявлял о том, что военные мероприятия Австро-Венгрии и Германии в этот период выражали «напряженную готовность вступить с нами в борьбу, чтобы не допустить нас до фактического вмешательства в болгарское дело, принятое Австрией и Германией под свое покровительство»⁶⁴.

Однако в тот момент государственная мудрость правителей трех стран позволила не допустить войны. Им удалось разрядить атмосферу напряженности, накаляемую военными. Примечательно, что первый шаг к примирению сделала Россия. 18 (30) декабря 1887 г. русский посол в Вене А.Б. Лобанов-Ростовский посетил Г. Кальноки. От имени императорского кабинета и лично Александра III он сделал заявление, что Россия не имеет намерения вести войну, а передвижения войск на границе не являются подготовкой к нападению. Посол подчеркнул, что в России не собираются проливать кровь из-за Болгарии, и что болгарский вопрос должен найти мирное разрешение. Г. Кальноки заявил в ответ, что венский кабинет также настроен весьма миролюбиво⁶⁵. В результате в начале 1888 г. российско-австрийские отношения нормализовались.

Последствия болгарского кризиса оказались весьма серьезными, даже судьбоносными. Болгарский кризис означал фактическое окончание существования Союза трёх императоров. Союзнические отношения с Германией и Австро-Венгрией не обеспечили международной поддержки русской политики в болгарском вопросе. Более того, Габсбургская империя, наряду с Англией, стала самым активным противником России в Болгарии. Позиция, занятая Австро-Венгрией в период кризиса, вызвала весьма негативное отношение к ней как российского правительства, так и общественного мнения нашей страны. Эта позиция рассматривалась в России как очередное «предательство» империей Габсбургов своего российского союзника, и ставилось на одну доску с ее поведением в годы Крымской и русско-турецкой войн. Причем в глазах российского общества именно Австро-Венгрия стала главным виновником всех русских неудач в болгарском вопросе, своеобразным «козлом отпущения». И так уже испорченному «имиджу» Габсбургской империи в России политические коллизии 1880-х нанесли смертельный удар.

Разрыв с Россией в середине 1880-х годов привел Болгарию к союзу с Австро-Венгрией. Дунайская монархия заняла то место покровителя болгар, которое утеряла Россия. К концу этого десятилетия, по мнению выдающегося русского дипломата Н.П. Игнатьева, «Австро-Венгрия, поддержанная Болгарией, вытеснила нас с Балканского полуострова»⁶⁶. Болгария находилась в союзе с Австро-Венгрией и Германией вплоть до окончания первой мировой войны.

Переход Болгарии, освобожденной ценой крови русских солдат, под влияние Австро-Венгрии, не сделавшей для ее освобождения ровным счетом ничего, был, с одной стороны, свидетельством высокого дипломатического ис-

кусства венских политиков и столь же вопиющей беспомощности политиков российских. После болгарского кризиса 1885-1888 гг. престиж и влияние России на Балканах были серьезно подорваны. Не случайно в последующие десятилетия русское правительство отказалась от честолюбивых планов на Балканах, и главным объектом российской внешнеполитической активности стал Дальний Восток. Не случайно современная отечественная историография характеризует сложившуюся к концу XIX века на Балканском полуострове ситуацию как «оборонительную» для России и «наступательную» для Австро-Венгрии⁶⁷.

Вплоть до середины 1890-х годов российское руководство продолжало неуклонно проводить политику непризнания болгарского князя и его правительства. Причем, с болгарским вопросом по-прежнему связывалось состояние российско-австрийских отношений. Характерным примером подобного подхода является письмо российского министра иностранных дел Н.К. Гирса послу в Вене А.Б. Лобанову-Ростовскому от 9 февраля 1889 г., в котором говорилось, что «взгляды нашего государя на положение вещей могут быть провозглашены во всеуслышание, и если бы Австро-Венгрия убедилась, наконец, в том, насколько полезно было бы для нее возвратиться к нормальному порядку вещей и к поддержанию добрых и дружественных отношений с нами, она поняла бы и необходимость удаления из Болгарии князя Кобургского»⁶⁸. Россия признала избрание Кобурга только в 1894 г., после смерти Александра III, а полностью нормализовались русско-болгарские отношения еще через два года. В 1897 г. было заключено и российско-австрийское соглашение о взаимном признании интересов двух держав и сохранении статуса-кво на Балканах⁶⁹.

Следует обратить внимание на то немаловажное обстоятельство, что в российской политике в последней трети XIX столетия (впрочем, не только тогда) было налицо очевидное смещение внешнеполитических приоритетов, когда частный вопрос (в нашем случае болгарский) полностью доминировал над важнейшими государственными интересами. Взаимоотношения с великой европейской державой, с которой Россия никогда в истории не воевала и поддерживала добрососедские отношения, начиная еще с XV века, легко приносились в жертву интересам поддержания русского влияния в балканских странах. Подобная же история – но уже с куда более печальным финалом – повторится и летом 1914 г., когда Россия предпочтет пойти на военный конфликт с Австро-Венгрией и Германией, чтобы поддержать другую балканскую страну – Сербию, чьи спецслужбы действительно оказались замешаны в акте государственного терроризма.

Таким образом, противостояние России и Австро-Венгрии по болгарскому вопросу в конце 1870-х – 1880-е годы привело к эволюции их отношений – от союзнических к враждебным. Переход двух империй к взаимной конфронтации привёл к изменению всей системы международных отношений в Европе. Россия в связи с ухудшением своих отношений с Австро-Венгрией,

а затем и Германией начинает резкую внешнеполитическую переориентацию, приведшую в итоге к заключению в 1894 г. союзного договора с Францией. Таким образом, формирование военно-политических блоков в Европе было связано, помимо других факторов, и с противоречиями великих держав по болгарскому вопросу.

После болгарского кризиса Россия и Австро-Венгрия окончательно стали врагами. Сохранение многовековых добрососедских отношений политическими элитами двух стран было признано менее ценным, чем стремление к господству на Балканах. И хотя для прямой конфронтации в то время дело не дошло, истоки военного конфликта 1914 г. можно найти в событиях последней трети XIX века.

Примечания

¹ Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С.660.

² Dioszegi J. Die Außenpolitik der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1871-1877. Budapest, 1985. S.11-12.

³ Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875-1878 гг. М., 1984. С.62-65.

⁴ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997. С.175, 195.

⁵ Исламов Т.М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII – XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С.258-259.

⁶ Величко О.И. Средняя Европа в исследованиях Т.М. Исламова // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып.3. М.-Ставрополь, 2007. С.25.

⁷ Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888). М., 1993. С.86-87.

⁸ Международные отношения на Балканах. 1856-1878. М., 1986. С.275.

⁹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т.1. М., 1961. С.31, С.55-56, С.176.

¹⁰ Освобождение Болгарии... Т.2. М., 1964. С.230, 385.

¹¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952. С.146.

¹² Освобождение Болгарии... Т.2. С.496-502.

¹³ Там же. С.150, 152, 155.

¹⁴ Сборник договоров России с другими государствами. С.157-158.

¹⁵ Освобождение Болгарии... Т.2. С.343.

¹⁶ Любопытно, что такую точку зрения разделяет и современная венгерская историография (См.: *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С.372).

¹⁷ Краткая история Венгрии. М., 1991. С.231.

- ¹⁸ *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. 1848-1818. М., 1958. С.344.
- ¹⁹ Освобождение Болгарии... Т.2. С.477, 513, 537.
- ²⁰ Освобождение Болгарии... Т.3. М., 1967. С.37.
- ²¹ *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Кн.2. М., 1996. С.443.
- ²² *Контлер Л.* Указ. соч. С.372.
- ²³ Освобождение Болгарии... Т.3. С.31.
- ²⁴ Освобождение Болгарии...Т.2. С.498.
- ²⁵ Там же. Т.2. С.550.
- ²⁶ Международные отношения на Балканах. С.377-379.
- ²⁷ Сборник договоров России с другими государствами. С.182-184.
- ²⁸ *Милютин Д.А.* Дневник. Т.3. М., 1950. С.69-70.
- ²⁹ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814-1878. Т.2. Ростов-на-Дону, 1995. С.302.
- ³⁰ *Татищев С.С.* Указ. соч. С.500-501.
- ³¹ Сборник договоров России с другими государствами. С.229.
- ³² Там же. С. 232.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С.297.
- ³⁵ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С.235.
- ³⁶ *Йоцов Я.* Некоторые моменты экономической экспансии германского империализма в Болгарии // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 135-136.
- ³⁷ *Золотухин М.Ю.* Указ. соч. С.88.
- ³⁸ Там же. С.202.
- ³⁹ См.: *Косик В.И.* Русская политика в Болгарии. 1879-1886. М., 1991.
- ⁴⁰ *Исламов Т.М.* Указ. соч. С.261.
- ⁴¹ *Золотухин М.Ю.* Указ. соч. С.96.
- ⁴² *Божинов Я.* «Дранг нах Остен» и Болгария // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С.132.
- ⁴³ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С.247.
- ⁴⁴ См.: *Косик В.И.* Указ. соч.
- ⁴⁵ *Золотухин М.Ю.* Указ. соч. С:185.
- ⁴⁶ Там же. С.200.
- ⁴⁷ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С.253.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Правительственный вестник. 1886. 10 декабря.
- ⁵⁰ *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. Минск, 2003. С.274.
- ⁵¹ Там же. С.36.
- ⁵² Там же. С.51.

- ⁵³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т.2. Минск, 2003. С.247.
- ⁵⁴ Золотухин М.Ю. Указ. соч. С.214.
- ⁵⁵ Раушер В. Внешняя политика и национальный вопрос в эру Кальноки // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С.136.
- ⁵⁶ История дипломатии. Т.2. М., 1961. С.46.
- ⁵⁷ Сборник договоров России с другими государствами. С.268.
- ⁵⁸ Золотухин М.Ю. Указ. соч. С.250.
- ⁵⁹ Там же. С.244-245.
- ⁶⁰ Мишев Р. Австро-Унгария и Бългaрия 1879 -1894: политически отношения. София, 1988. С.196-198.
- ⁶¹ Золотухин М.Ю. Указ. соч. С.264.
- ⁶² История внешней политики России. С.273.
- ⁶³ Мишев Р. Указ. соч. С.202.
- ⁶⁴ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С.279.
- ⁶⁵ Золотухин М.Ю. Указ. соч. С.267.
- ⁶⁶ Письмо Н.П. Игнатъева К.П. Победоносцеву 11 мая 1888 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т.2. Минск, 2003. С.418.
- ⁶⁷ См.: Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903. М., 1996.
- ⁶⁸ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С.142-143.
- ⁶⁹ Сборник договоров России с другими государствами. С.303-308.

Н.И. Кикешев (Москва)

Современное славянское движение

Современный этап движения за славянское единство начался в период перестройки, развернувшейся в СССР в 1985 г. Когда славяне очнулись от очаровавших их речей М.С. Горбачева и других реформаторов, то увидели вокруг себя политические и экономические развалины. Прекратили свою деятельность Организация Варшавского Договора и Совет Экономической Взаимопомощи, которые были оплотом славянского единства. В 1989 г. состоялся учредительный съезд славянских общественных объединений СССР, на котором был создан Всеславянский собор. Возглавил его неутомимый организатор полковник Владимир Попов. Один за другим последовали славянские съезды в Ленинграде, Краснодаре, Вологде, Иркутске, Твери, Москве. Он способствовал пробуждению славянского и русского национального самосознания. «Русский центр» под руководством Юрия Липатникова провел в Екатеринбургe пять съездов, собиравших цвет местной интеллигенции.

Неоценимый вклад в возрождение славянского движения внесла Русская Православная Церковь. В пасхальную ночь 1991 г. в Богоявленском соборе

Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II зажег свечу Славянского хода. По инициативе Международного фонда славянской письменности и культуры 24 мая было объявлено Днем славянской письменности и культуры, а площадь Ногина в центре Москвы переименована в Славянскую. Над ней возвышается памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, созданный президентом Международного фонда славянской письменности и культуры скульптором В.М. Клыковым.

21 января 1991 г. в Ленинграде состоялся учредительный съезд Международного общественного объединения «Славянский Собор», в котором приняли участие представители пятидесяти общественных партий и движений России, Белоруссии, Украины и Польши. В мае прошел второй съезд Славянского Собора, на котором был принят Устав объединения, резолюции по различным вопросам. В число пятидесяти членов Думы вошли представители славянских патриотических движений, известные писатели Ю.В. Бондарев, Е.А. Исаев, П.Л. Проскурин и другие общественные деятели. Сопредседателями Думы избраны С.А. Карпов, Б. Тейковский и А.И. Байгушев. Третий внеочередной съезд Славянского Собора состоялся в Москве в январе 1992 г. В его работе приняли участие 897 делегатов от 134 организаций России, Украины, Беларуси, Прибалтики, Казахстана, Молдавии, Польши, Словакии, Сербии, Болгарии, Канады, США, Франции, Черногории. На пленарных заседаниях и в 8 секциях рассматривались вопросы социально-политической обстановки, внешней безопасности, положения крестьянства, демографии и экологии, науки образования и культуры, координации действий общественных объединений. В рамках Московского совещания по сотрудничеству и безопасности в Европе представители Славянского Собора организовали международную конференцию «Геноцид русского и других славянских народов в СССР». На съезде было принято решение создать Русский Национальный Собор, учредительный съезд которого состоялся 15–17 февраля 1992 г. Сопредседателями избраны генерал-майор А.Н. Стерлигов и писатель В.Г. Распутин. 26 сентября 1992 г. в Кракове состоялась Конференция по безопасности и развитию славянского движения. Но дальше работа Собора не заладилась.

Сегодня в Российской Федерации существует несколько общественных течений славянской направленности. Национал-радикальное выдвигает на первый план проблемы русских и России. Сюда примыкают Всемирный Русский Народный Собор, Русское Национальное Единство, Русский Национальный Собор, Российское Общенародное Движение, Российский Общенародный Союз и многие другие организации, исповедующие национально-патриотическую идею.

Движение за объединение восточных славян в границах бывшего Советского Союза возглавляет Собор славянских народов Беларуси, России и Украины. Он опирается на традиции советского интернационализма, еще живую

щего в сознании миллионов людей. Активную работу в этом плане проводит «Союз реалистов» (во главе с Н.Б. Жуковой), под эгидой которого действует Комитет содействия Союзу России и Беларуси.

Третье течение исповедует славянофильскую концепцию-триаду «Православие – самодержавие – народность». Возглавляет его Международный фонд славянской письменности и культуры. Деятельность Фонда обширна и многогранна. Выделим лишь возрождение по его инициативе Праздника славянской письменности и культуры. Впервые в России он состоялся в Мурманске в 1986 г. Затем каждый год избирается новый город. В 1992 г. Фонд провел праздник в Москве. Он был приурочен к открытию памятника Святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, созданного ныне покойным председателем Фонда скульптором В.М. Клыковым. В постаменте памятника установлена Неугасимая лампада, которую зажгли от Священного огня у Гроба Господня в Иерусалиме, а затем пронесли по всем славянским странам. Открывая памятник, Патриарх Алексей II назвал это событие переломным в истории славянства. Фонд претворяет в жизнь несколько международных программ, в том числе, программу «Поля ратной славы: Куликово – Косово – Бородино – Прохоровское», проводит земские соборы, выпускает журнал «Держава». Вокруг него группируются силы, отстаивающие приоритет православия над другими религиями.

Флагманом движения за культурную интеграцию кинематографистов славянских стран является Международный кинофестиваль славянских и православных народов «Золотой витязь», президент Н.П. Бурляев. Он возглавляет и Международное объединение кинематографистов славянских и православных народов. В этом движении все весомее звучит слово Государственной Академии славянской культуры, ученики которой побывали с миссией «Юность славянского мира» в Чехии, Польше, Болгарии и других славянских странах. Набирает силу и Международный фестиваль искусств «Славянский базар», ежегодно расцветающий новыми талантами в Витебске.

За сближение славян с другими народами России и евразийскую солидарность выступает Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры (МСА). Она наводит мосты взаимопонимания с народами, которые самоидентифицируют себя россиянами и не видят возможности иных союзов.

Ряд общественных объединений выступает за улучшение экономических отношений со славянскими странами, создание совместных предприятий. Есть еще группы и отдельные лица, которые используют славянское имя в названиях своих фондов, предприятий, банков, других учреждений, в наименованиях товаров. При умело поставленной организаторской работе эти ручки можно слить в мощный поток экономического сотрудничества славянских стран.

За возрождение славянского единства на основе экономического, политического и культурного сотрудничества славянских народов, межконфессио-

нальное согласие и гражданское примирение выступает Международный союз общественных объединений «Всеславянский Собор», созданный 7 октября 1995 г. на IV Международном кинофестивале славянских народов «Золотой витязь». Зарегистрирован Министерством юстиции РФ 22 января 1996 г., № 3125. Учредители: Международная Славянская Академия, Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов, Партия славянского единства Украины. Основной государственный регистрационный номер 1037739447965 от 6. 02. 2003 г.

Уставная цель Всеславянского Собора – координация действий общественных организаций, выступающих за укрепление дружбы и сотрудничества между славянскими народами и их диаспорами. Всеславянский Собор провел более 70 конференций общеславянского масштаба.

Значительным событием в истории славянского движения стал VII Всеславянский съезд 1998 г., идею проведения которого выдвинул Всеславянский Собор. 28 ноября 1997 г. в Праге состоялась встреча членов Чешского организационного комитета, который возглавил профессор Бржетислав Хвала, председателя Международного организационного комитета, председателя Всеславянского Собора Николая Ивановича Кикешева и председателя Польского отделения Всеславянского Собора Барбары Кригер. В принятом соглашении ее участники выразили общее желание провести Всеславянский съезд в Праге, обсудить актуальные проблемы развития современного мира, жизни славянских народов, укрепления экономических, культурных и общественных связей между ними. Для участия в съезде приглашались представители славянских народов, независимо от их политической ориентации, – ученые, работники культуры и искусства, священники, писатели и педагоги, журналисты, историки, слависты, этнографы, предприниматели, философы, юристы и другие. Было принято решение провести в Праге еще одно совещание представителей организационных комитетов.

21–22 февраля 1998 г. в столице Чехии Праге проходило заседание Международного оргкомитета, посвященное подготовке к VII Всеславянскому съезду. В его работе приняли участие руководители и члены национальных оргкомитетов: депутаты Национального Собрания Республики Беларусь Сергей Иванович Костян, Валерий Владимирович Драко и журналист Нина Тимофеевна Чайка; болгарский оргкомитет представлял инженер Пенчо Савов; македонский – академик профессор Блаже Ристовски, польский – предводитель польского отделения Международного союза общественных объединений «Всеславянский Собор» Богдан Партицкий, председатель партии «Польска всполнота народов» Болеслав Тейковский и его заместитель Барбара Кригер; российскую делегацию представлял предводитель Международного союза общественных объединений «Всеславянский Собор» писатель, военный журналист Николай Иванович Кикешев; сербский – писатель Вла-

димир Янкович; словацкий – Йозеф Налепка, бывший посол в Югославии; украинский – главный редактор журнала «Славянское вече» писатель Иван Иванович Кирпель; от Черногории на встречу приехал академик Драгутин Лекович. Многочисленную делегацию чешских сторонников славянского единства возглавлял профессор Бржетислав Хвала, предок которого принимал участие в первом славянском съезде.

Участники совещания обсудили программу Всеславянского съезда, который наметили на 2–5 июня 1998 г. в Праге, проекты основных документов. В их числе – Программа и новый Устав Международного союза общественных объединений «Всеславянский Собор». Участники встречи направили письмо Президенту Чешской Республики Вацлаву Гавелу с предложением открыть всеславянский форум, приуроченный к 150-летию первого Пражского славянского съезда, пригласить на юбилейные торжества видных деятелей славянских государств, но не были им поддержаны. По итогам встречи принято Обращение к руководителям славянских стран, парламентов и правительств, конфессий, общественных движений и партий.

Славянский ход в Прагу российская делегация начала утром 30 мая со Славянской площади Москвы. Там состоялись молебен и митинг у памятника учителям словенским святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию, крестный ход и возложение цветов к часовне Героям Плевны, а затем на двух автобусах делегаты выехали по маршруту: Смоленск – Минск – Брестская крепость – Грюнвальд – Варшава – Краков – Прага, чтобы поклониться предкам, отстоявшим в жестоких битвах с захватчиками наши наследственные земли.

Ранним утром 2 июня делегация прибыла в Прагу, преодолев 2500 километров, а в 14.00 уже участвовала в посадке славянской липы перед гостиницей «Пирамида», где и работал славянский форум. В 17.00 началось торжественное заседание, посвященное 150-летию I Пражского славянского съезда. С докладом выступил председатель Чешского оргкомитета профессор Б. Хвала. Были зачитаны многочисленные приветствия в адрес съезда от государственных и общественных деятелей.

В торжествах приняло участие около 500 человек из 11 славянских стран, а также делегации лужицких сербов и русинов. Самой многочисленной была чешская делегация. Из России прибыло более 100 человек. Участниками съезда были депутаты Государственной Думы РФ И.М. Братищев, А.Г. Мартынов, Н.В. Коломейцев, ректор Международного славянского университета им. Г.Р. Державина профессор К.А. Смирнов, президент Международного фонда славянской письменности и культуры, скульптор В.М. Клыков, президент Международного кинофестиваля «Золотой витязь» Н.П. Бурляев, президент Международной славянской академии Б.И. Исаков и другие видные деятели славянского движения.

Председатель отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл от имени Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II направил в адрес съезда послание, в котором подчеркнул, что Русская Православная Церковь приветствует любую инициативу, направленную на укрепление многообразных связей братских славянских народов. Съезд благословил Папа Римский Иоанн Павел II, тоже приветствовал инициативу славянской общественности и прислал свое апостольское благословение участникам съезда. Необходимо подчеркнуть, что поддержка Папы Римского сторонников славянского единства не случайна: 19–20 августа 1996 г. в Кастель Гандольфо под его руководством проходил симпозиум «Современные славяне по отношению к собственным традициям и мифам», на котором выступили крупные ученые со всего мира.

3 июня первое пленарное заседание Всеславянского съезда началось докладом «Славянское движение: история и современность». В его обсуждении приняли участие руководители всех национальных оргкомитетов.

Делегация участников съезда была принята в Чешском парламенте, а также Чрезвычайным и полномочным послом РФ в Чехии Н.Т. Рябовым.

4 июня заседали шесть секций:

№1. Экономическое сотрудничество славянских народов.

№2. Социальные проблемы трудящихся.

№3. Пути развития славянской взаимности.

№4. Перспективы справедливого и демократического общества в XXI веке.

№5. Проблемы молодого поколения.

№6. Информационное сотрудничество.

5 июня состоялось заключительное пленарное заседание съезда, на котором были приняты:

- Манифест Всеславянского съезда 1998 года;
- Обращение к народам славянских стран, их лидерам, парламентам и правительствам, руководителям общественных движений и партий;
- Обращение к руководителям парламентов о создании Славянского Межпарламентского Союза;
- Резолюция в поддержку неделимости и неприкосновенности Сербии.

Съезд рекомендовал всем его участникам ознакомить с этими решениями органы власти и общественность славянских стран, национальным организациям провести мероприятия, укрепляющие всестороннее сотрудничество славян.

VII Всеславянский съезд завершился манифестацией на Вацлавской площади Праги, в которой приняли участие многочисленные жители и гости столицы.

Особую тревогу в сердцах славян вызвало расширение НАТО, которое увеличивает военную напряженность на континенте, вызывает недобрые предчувствия. Открывая съезд, его председатель профессор Б. Хвала подчеркнул: «Расширение НАТО на восток чрезвычайно опасно. Очередной раздел Ев-

ропы вопреки итогам второй мировой войны можно расценить как подготовку новой войны, еще более жестокой. Натовцы стремятся посеять рознь между славянами, ослабить славянскую сопринадлежность, наши традиции и корни, наше историческое родство. А поэтому славянские народы должны сосредоточить все силы на том, чтобы проводить просветительскую работу, привлекать на свою сторону тех, кто только начинает знакомиться с нашей историей и делом, которому мы с вами служим».

В принятом на съезде Манифесте подчеркивалось стремление делегатов съезда к подлинному единению народов Европы: «Мы отвергаем существование каких-либо блоков, неравноправных экономических связей, несправедливых санкций и угрозы применения силы. Мы полностью разделяем положения документов Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в которых признается нерушимость европейских границ и обеспечение безопасности европейских государств. Поэтому нельзя согласиться с планами расширения блока НАТО, направленными, в том числе, и на разделение славянских народов. Европа сможет спокойно вздохнуть лишь тогда, когда силовую политику заменит система подлинной общеввропейской безопасности и сотрудничества».

Несомненной заслугой VII Всеславянского съезда является то, что его делегаты поддержали предложение чехов и создали Международный Славянский Комитет, который должен был собираться два раза в год, вырабатывать совместную программу действий национальных славянских организаций, руководить подготовкой к очередному Всеславянскому съезду, проведение которого планировалось в Минске 2–5 июля 2000 г.

В 1999 г. Всеславянский Собор решительно осудил варварские бомбардировки натовскими войсками Союзной Республики Югославии. На третий день после нападения на эту суверенную страну в Праге состоялось чрезвычайное заседание Международного Славянского Комитета и митинг на Вацлавской площади. МСК принял решение провести акции протеста во всех столицах славянских государств.

21–24 мая 1999 г. в Москве состоялся чрезвычайный съезд Всеславянского Собора, который осудил агрессора и учредил Международный трибунал по преступлениям НАТО в Югославии, который проводит свои заседания в разных странах мира.

Всеславянский Собор выступил организатором VIII Всеславянского съезда, который состоялся в Москве 2–4 апреля 2001 г. в дни празднования 5-летия единения Беларуси и России. Целью съезда являлось содействие процессам интеграции в Союзном Государстве, единению многоликого славянства, сохранению и развитию его самобытных традиций, развитию дружбы и взаимопонимания между народами, учреждение организаций, способствующих политическому, экономическому и культурному сотрудничеству 12 славянских стран, упроче-

ние мира в Европе на принципах равноправия, свободы и суверенитета. В работе съезда приняло участие 1250 делегатов, действовала 21 секция.

Формирование делегаций славянских стран осуществляли национальные оргкомитеты на основе самофинансирования. В них входили представители исполнительной и законодательной власти, лидеры национальных славянских комитетов и других общественных объединений, деятели науки и культуры, духовенство.

На съезде принят новый Устав Всеславянского Собора, Доктрина Международного славянского движения, избран новый состав Международного славянского комитета и Исполнительный комитет, намечена обширная программа действий по интеграции действий славянских организаций.

8–9 мая 2002 г. в Ужгороде прошел IX Всеславянский Собор, который призвал правительство Украины признать культурную автономию русинов.

Всеславянский Собор активно участвовал в подготовке IX Всеславянского съезда, который проходил 1–3 июля 2005 г. в столице Республики Беларусь городе-герое Минске. Он был посвящен 60-летию Победы славянских народов и их союзников над фашистской Германией и ее сателлитами. В работе съезда приняли участие делегации славянских стран, лужицких сербов Германии, русинов, а также славянских диаспор из Абхазии, Канады, Казахстана, Латвии, Молдовы, Эстонии и др. Среди делегатов съезда – ветераны Второй мировой войны, депутаты парламентов, представители органов власти, дипломаты, руководители политических партий, общественные деятели, священнослужители, ученые, писатели, журналисты, предприниматели, молодежные лидеры.

Первое пленарное заседание съезда открыл председатель Белорусского славянского комитета депутат С.И. Костян. В состав президиума были избраны руководители национальных славянских комитетов, дважды герой Советского Союза космонавт В.В. Аксенов, Ответственный секретарь Парламентского собрания Союза Беларуси и России В.А. Аксенов, лидер КПрФ Г.А. Зюганов, председатель Всеславянского Собора Н.И. Кикешев, другие официальные лица и общественные деятели.

Поздравление участникам съезда Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко зачитал премьер-министр В.Н. Дражин. Приветствовали съезд патриарший экзарх всея Беларуси Филарет, кардинал Казимир Свентак, представитель Македонской православной церкви владыка Петер, руководители политических партий, общественных, религиозных и других объединений.

С отчетным докладом съезду «О работе Международного Славянского Комитета по выполнению решений VIII Всеславянского съезда» выступил новый председатель МСК Ян Минарж. В прениях по докладу выступили В.А. Аксенов, В.В. Аксенов, Н.М. Витренко, О.В. Грачев, Г.А. Зюганов, Н.И. Кикешев, Н.Ф. Лавриненко, Никола Попов, В.Д. Попов, О.В. Пролесковский, Болеслав-Тейковский, Вацлав Экснер, Владимир Янкович и другие.

1 июля делегаты съезда приняли участие в торжественном собрании, посвященном Дню независимости – 61-ой годовщине освобождения Беларуси от германского фашизма.

2 июля в первой половине дня работали секции:

Секция № 1. Парламентарии славянских стран за сотрудничество.

Секция № 2. Сотрудничество в государственном и частном секторах экономики.

Секция № 3. Славянский мир в условиях глобализации.

Секция № 4. Славянская цивилизация: сотрудничество в области науки, образования, культуры, здравоохранения.

Секция № 5. Сотрудничество славянских государств в области СМИ.

Секция № 6. Молодежь — будущее славян.

После обеда состоялось второе пленарное заседание съезда, на котором были заслушаны сообщения руководителей секций. По их предложениям съезд принял следующие документы:

1. Приветствие Президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.
2. Славянский манифест-2005.
3. Меморандум о славянском единстве.
4. Резолюция «60 лет Великой Победы».
5. Заявление «О ситуации вокруг Беларуси».
6. Программа основных мероприятий МСК на 2006–2010 гг.
7. Резолюция «О единении южных славян».
8. Заявление «О положении лужицких сербов».
9. Заявление «О проекте Конституции Европейского Союза».
10. Заявление «В поддержку Вердикта Стамбульского трибунала по преступлениям США и Великобритании в Ираке» и другие.

Почетным председателем Международного Славянского Комитета делегаты съезда единодушно избрали Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко.

В Президиум Международного Славянского Комитета избраны:

Председатель – Минарж Ян Карлович, председатель Чешского славянского комитета.

Секретарь – Налепка Йозеф, член Славянского комитета Чешской Республики.

Беларусь:

1. Костян Сергей Иванович, председатель Белорусского славянского комитета.
2. Шатько Александр Викторович, член Белорусского славянского комитета.

Болгария:

1. Попов Никола, председатель Славянско дружество в България.
2. Колонкин Марин, заместитель.

Босния и Герцеговина:

1. Костиц Зоран, председатель отделения Всеславянского Собора Республики Сербской.

Лужицкие сербы:

1. Козел Гойко, председатель Лужицкого отделения Всеславянского Собора.
2. Косац Анна, секретарь.

Македония:

1. Божков Димитр, председатель Славянского комитета Македонии.
2. Цветановский Чаде, профессор, преподаватель русского языка.

Польша:

1. Тейковский Болеслав, председатель Польского славянского комитета.
2. Кригер Барбара, председатель Польского отделения Всеславянского Собора.

Россия:

1. Кикешев Николай Иванович, председатель Международного союза общественных объединений «Всеславянский Собор».
2. Жукова Нина Борисовна, председатель Московского отделения партии «Родина».

Русины:

1. Сидор Димитрий, председатель отделения Всеславянского Собора Ужгородской области, Украина.

Сербия:

1. Янкович Владимир, председатель Серболужицкого общества.
2. Мулич Роман, общественный деятель.

Словакия:

1. Мацек Ярослав, сопредседатель Общества славянской взаимности Словакии.
2. Сидор Милан, член Общества славянской взаимности.

Словения:

1. Рихтер Андреа, президент Международного фонда «Форум славянских культур».

Украина:

1. Лавриненко Николай Федорович, председатель Славянского комитета Украины.

Черногория:

1. Радусинович Павле, председатель Всеславянского собора Черногории.
2. Станишич Йоле, общественный деятель.

Председателем Славянского парламентского союза избран С.И. Костян, заместитель председателя Постоянной комиссии по международным делам и связям с СНГ Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь.

Делегаты съезда совершили Славянский ход по Беларуси, возложили венок у Кургана славы, провели молебен по невинно убиенным и митинг в Мемориальном комплексе «Хатынь», посетили СПК «Ждановичи» и Птицефабрику № 1, ознакомились с условиями труда и быта жителей республики.

3 июля делегаты и гости съезда приняли участие в шествии ветеранов Великой Отечественной войны и возложили венок к монументу «Победа». Со-

стоялась встреча руководителей национальных славянских делегаций с Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

Международный Славянский комитет ежегодно собирается на свои заседания в одной из славянских стран. Штаб-квартира МСК расположена в Праге. Очередное заседание МСК состоялось 16 июня 2007 г. в столице Сербии городе Белграде. В нем приняли участие представители славянских комитетов Болгарии, Македонии, Польши, России, Республики Сербской, Сербии, Словакии, Украины, Черногории, Чехии, русинов, а также делегаты Международного славянского научного форума, который проходил под председательством академика Божидача Лазича. В заседании МСК приняли участие Бранко Китанович – генеральный секретарь Новой Коммунистической партии Югославии, Драган Тодорович – депутат Сербского парламента и член Славянского парламентского союза, профессор Никола Раякович, председатель Энергетического союза Сербии, а также другие лица.

Международный Славянский Комитет одобрил деятельность Международной ассоциации южных славян, направленную на сохранение мира и развитие всестороннего сотрудничества на Балканах, решения проходившего 14–15 июня 2007 г. в Белграде Международного научного форума по проблемам Сербии, обсудил ситуацию в современном мире, вызванную стремлением администрации США сделать Косово и Метохию независимым государством, а также разместить в Польше и Чехии элементы так называемой противоракетной системы.

Международный Славянский Комитет принял следующие документы:

1. Резолюцию «О поддержке сербского народа в борьбе за государственную целостность и суверенитет».
2. Заявление Международного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии: «Остановить расчленение Сербии и геноцид сербов в Косово и Метохии».
3. Резолюцию «О недопущении размещения противоракетной системы США на территориях Польши, Чехии и в других государствах славянского мира».
4. Постановление «О создании Международного общественного движения «Славянское сопротивление американскому гегемонизму».
5. Письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину.
6. Постановление «О русском языке как языке общения между славянскими народами».
7. Постановление «О бессрочной акции благодарения спасителей славянских народов от фашистского порабощения».
8. Меморандум о единородстве славянских народов.
9. Резолюцию «О Всеславянских этнографических торжествах «Славянская Прага – 2008».
10. Постановление «Об очередной сессии Славянского парламентского союза в Минске 1–3 июля 2007 г.».

11. Резолюцию «О создании Международной ассоциации славянской солидарности в г. Ужгороде» по инициативе Закарпатского народного объединения.

12. Резолюцию «О II Всеславянском соборе студенческой молодежи в городе Воронеже (РФ) в октябре 2007 г.».

13. Постановление «О Координационном совете по изданию печатного и электронного общеславянского информационного бюллетеня».

14. Об Уставе Международного союза общественных объединений «Всеславянский собор».

Международный Славянский Комитет поддержал:

1. Инициативу научного форума Международной ассоциации южных славян о создании Всеславянского совета по безопасности и сотрудничеству при МСК.

2. Резолюции об освобождении профессора Воислава Шешеля, арестованного без юридических оснований, принятые Славянским парламентским союзом 30 октября 2006 г. и Советом Славянского парламентского союза 28 мая 2007 г.

3. Инициативу Центра «Православное единение» о проведении единного поместного собора православных церквей России в 2008 г.

Международный Славянский Комитет избрал:

Налепку Йозефа – первым секретарем МСК.

Секретарями МСК от национальных славянских комитетов избраны:

Бурак Николай Ильич (русинское отделение) Украина.

Горчев Йордан – Македония.

Григорович Алексей Александрович – Россия.

Джого Йован – Республика Сербска.

Колонкин Марин Нанков – Болгария.

Кригер Барбара – Польша.

Лазич Божидар – Сербия.

Опатршил Зденек – Чехия.

Ромащенко Виль Николаевич – Украина.

Сидор Милан – Словакия.

Станишич Йоле – Черногория.

Шатько Александр Викторович – Беларусь.

Международный Славянский Комитет учредил:

Редакционную комиссию по подготовке общественного проекта документации по образованию Конфедерации славянских народов; поручил секретарю МСК Ромащенко Вилю Николаевичу провести заседание Редакционной комиссии в октябре 2007 г.

Всеславянский Собор инициирует создание общественных организаций, которые работают на конкретных направлениях. Так, на VII Всеславянском съезде был создан Оргкомитет Славянского Парламентского Союза, который провел в июне 1999 г. в Киеве Межпарламентскую конференцию Белоруссии, России и Украины. 2–3 июля в Минске прошла уже VI сессия СПС, в

которой приняли участие делегации парламентариев, в том числе Боснии и Герцеговины, Сербии, Словакии, Чехии.

Отличается своими организационными делами Международный союз славянских журналистов. В 2000 г. была учреждена Международная Кирилло-Мефодиевская академия славянского просвещения. 27 октября 2007 г. в Воронеже на II Всеславянском соборе студенческой молодежи избран Исполком и приняты Устав и Декларация этой организации. В настоящее время активно ведется подготовка Всеславянских этнографических торжеств «Славянская Прага – 2008», которой будет посвящено очередное заседание МСК в феврале 2008 г.

Проведение очередного Славянского съезда намечено в июне 2010 г. в Киеве. Славянское движение в настоящее время развивается, находя приверженцев в узких кругах патриотической интеллигенции, разной политической ориентации. Следует констатировать, что в отличие от периода Великой Отечественной войны, когда славянская идеология составляла мощный арсенал антифашистской борьбы, это чрезвычайно разрозненное движение не пользуется поддержкой государственных властей, его игнорируют «прозападнические» СМИ и пр. Только в случае преодоления этих узких мест развития, особенно в критические моменты истории, оно могло бы привлечь широкие круги населения славянских стран, подспудно симпатизирующего идеям славянского единения и сотрудничества.

Б.И. Искаков (Москва)

Демогиноцид славянских народов

В 1990-е – начале 2000-х годов на славянский мир обрушились большие испытания, которые выдвинули на повестку дня проблему его вырождаемости. Прежде всего, это связано с геноцидом славянских народов. Если геноцид – помимо прочих форм своего проявления – связан с демографической политикой государства, направленной на рост смертности, на превышение смертности над рождаемостью, на свертывание численности населения, его можно назвать демогиноцидом. Таким образом, демогиноцид – наихудшая из форм гражданской войны государства против своего народа, обрекающая его на вымирание и, в конечном счете, на исчезновение.

Демогиноцид в славянских и постсоветских странах был организован мировой политико-финансовой олигархией, использующей коррумпированных местных политиков с прозападной ориентацией, и связан с поражением мировой социалистической системы и советского строя в конце 1980-х – 1990-е гг. Многие современные политики, чиновники и журналисты маскируют факт геноцида и демографической катастрофы в России т. н. «политкорректностью», отмечая лишь «некоторые отдельные кризисные явления» в ее демографии. Подлинная наука должна быть объективной и называть вещи своими именами.

Проведенные нами статистические исследования показывают, что по глубине депопуляции в мире явно лидирует группа постсоветских и постсоциалистических стран, разгромленных в результате т. н. Третьей мировой (информационно-идеологической «холодной») войны. Среди них лидируют Украина, Россия, Болгария, Латвия, Венгрия, Эстония, Беларусь, Литва и Молдова. Малая депопуляция наблюдается также в Германии и Италии, разгромленных во Второй мировой войне, и в странах, бывших под фашистской оккупацией – в Хорватии, Чехии, Словении, Румынии, Австрии. Разрыв в уровнях депопуляции между постсоциалистическими и капиталистическими странами непомерно велик и вызван характерными причинами.

В современном списке мировых лидеров по депопуляции не случайно находится много славянских стран, что во многом связано с коренной трансформацией общественной системы и политическим хаосом на постсоветском пространстве. На Украине и в России главными причинами сверхсмертности и сверхдепопуляции являются криминальная приватизация, рост наркотизации, начиная с алкоголизации (в т. ч. пивной), резко снижающей склонность и способность к деторождению, а также ограбление и обнищание большинства населения, массовая безработица, всплеск преступности, падение и растрясение нравов, разрушительная система распределения и перераспределения ВВП, порождающая социальное сверхнеравенство с резким разделением нации на бедных и нищих (9/10 населения) и сверхбогатых олигархов и их прислужников (несколько процентов численности населения), антистимулирующая система мотивации труда и обороны, грубейшее нарушение экологии и т. д.

Главной ценностью России является населяющий его народ, численность и качество народонаселения, включая его национальное здоровье и генофонд, его духовность, трудолюбие, интеллект, знание-вооруженность и информационные достижения в науке, образовании, искусстве, культуре, технике, технологии, его этно-пассионарность, менталитет и традиции, патриотизм, моральный дух и этические нравы, склонность к коллективизму и соборности, творческий потенциал, художественный вкус, производственно-культурные и художественно-эстетические навыки, его сокровища национальной истории, его уважение, сострадание и благожелательность к другим народам, что подчеркивал еще Ф.М. Достоевский.

По нашим данным, в истории России после Первой всеобщей переписи населения в стране в 1897 г. наблюдалось четыре демографических кризиса:

1) Первая мировая и Гражданская войны, продолжавшиеся 7 лет, а также голод и эпидемии в 1921–1922 гг. дают общий период демографического спада: 1914–1922 гг.

2) Политические репрессии против кулаков, зажиточного и середняцкого крестьянства, начиная с 1929 г. – «года великого перелома», включая принудительную коллективизацию и принесение всего крестьянства в жертву ускорен-

ной индустриализации и первоначального накопления капитала для форсированной технической реконструкции и развития промышленности, для форсирования строительства десятков тысяч новых заводов и фабрик, развития экономики в «режиме общенационального бега» всей страны, а также неурожайные, засушливые годы с массовым голодом в первой половине 1930-х годов (что скрывалось официальной гос. статистикой и переписью 1937 г.). Оценки по спаду численности населения из-за политических репрессий во второй половине 1930-х годов нуждаются в объективном научном доисследовании.

3) Великая Отечественная война и война с Японией 1941–1945 гг., неурожайный, засушливый 1946 г. с массовым голодом составляют особый период демографического спада в РСФСР.

4) Наконец, постсоветский демогеноцид начался и продолжается в 1990 – начале 2000 гг.

Если первые периоды депопуляции и спада численности населения России вызваны, главным образом, войнами, то последний, самый продолжительный и самый трагический по брутто-потерям численности населения в мирное время искусственно порожден неумелой и преступной политикой президента Б.Н. Ельцина, исполнителя воли мировой олигархии. В одном лишь 1993 г. от сверхстрессовой ситуации Россия лишилась около 531 тыс. своих граждан.

Псевдореформаторы России за 20-летний период «катастрофки» и «реформ» 1987–2006 гг. сильно уменьшили совокупное национальное богатство страны, включая ДНБ (демографическое нац. богатство), ПНБ (природное нац. богатство) и ЭНБ (экономическое нац. богатство). За один лишь 2006 г., даже в резко заниженном нетто-исчислении (без учета сверхсмертности и нерожденных детей в результате сверхпадения рождаемости), наша страна понесла демографические убытки в ДНБ на 0,6 млн. человек, т.е. на 0,42% даже без учета дополнительного снижения качества народонаселения, дополнительного подрыва национального генофонда и здоровья. В более реальном брутто-исчислении эти потери гораздо больше. К началу 2007 г. ДНБ России составляет 142,2 млн. человек. По народонаселению она занимает 8 место в мире.

Небезграничность людских ресурсов, лимитность потенциала народонаселения, здоровья и генофонда нации, необходимость его сбережения и приумножения всегда недооценивали, недопонимали и игнорировали в своем большинстве политические лидеры и чиновники нашей страны. Этим грешили склонные к *диктатуре государства* русские цари (Иван Грозный, Петр Великий, Николай I и др.) Грешили этим также советские лидеры (В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов), президенты (М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин), наши командующие войсками – русофобы (Л.Д. Троцкий, М.Н. Тухачевский), так и русские патриоты (Г.К. Жуков и др.), но всех их превзошли в этом наши «либералы-демократы» и псевдореформаторы Б.Н. Ельцин, Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс и др.

Редконаселенность нашей гигантской территории, богатейшей стратегическими сырьевыми ресурсами в суровых условиях северного климата – одна из основных геополитических проблем России, на что прозорливо указывали еще М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев и др. В современных условиях демографическая проблема означает спасение главного национального богатства страны – преодоление вымирания населения, его сбережение и приумножение, укрепление его генофонда и общественного здоровья, развитие его экономики путем, науки, образования, искусства, культуры, техники, технологии и технологических навыков. Следовательно, она является важнейшей стратегической проблемой номер один для выживаемости России как самостоятельного государства. Общая историческая оценка деятельности любых президентов и правительств России любых министерств и губернаторов страны в итоге будет определяться, прежде всего, глубиной их геополитического понимания демографической проблемы, политической волей к ее решению и способностью эффективно ее решать.

Проблема номер один, к сожалению, получила адекватное отражение лишь в первом и седьмом Посланиях Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию России, но не нашла должного развития в остальных, в частности, в последнем восьмом Послании.

Прежние постсоветские руководители и правительства, министры и губернаторы, многие члены Госдумы и Совета Федерации РФ ельцинского периода не понимали этого с должной ответственностью и в итоге за 1991–1999 гг., своими руками превратили демографический кризис в демографическую катастрофу, ставшую главным негативным результатом принудительного раздела Советского Союза в декабре 1991 г. и горьким плодом народившегося дико-криминально-коррупцированного олигархо-чиновнического капитализма.

По инициативе В.В. Путина приняты четыре национальные программы – по доступному жилью, АПК, здравоохранению и образованию. Президент подчеркнул, что все они должны в результате работать на улучшение демографической ситуации.

В 2006–2007 гг. опубликованы новые демографические данные ФСГС (Федеральной службы гос. статистики) по России за 2004–2006 гг. Важные сведения можно почерпнуть и из оперативных публикаций ФСГС – статистического ежемесячника «Социально-экономическое положение России» и др. Они свидетельствуют, что в 1990-е годы наблюдалось сверхпадение рождаемости почти вдвое – с 14,6 до 8,7%, рост смертности возрос в полтора раза – с 10,7 до 15,3%. Естественный прирост (ЕП) снизился с +3,9 до –6,7%, т. е. до уровня глубочайшей депопуляции. Россия в мирное время оказалась в числе мировых лидеров по сверхсмертности и сверхдепопуляции, «уступая» лишь Украине, где демографическая катастрофа проходит еще трагичнее (в 2000-х годах ЕП: с –7,0 до –7,6%). Срок жизни россиян сократился в среднем с 70 до

65 лет, в т. ч. мужчин – с 64 до 59 лет. Большинство мужчин России и Украины не доживает до пенсии.

При президентстве В.В. Путина (2000–2006 гг.) достигнуты определенные положительные сдвиги в демографической политике, в укреплении социально-экономической стабильности в стране, в возрождении обороноспособности, в международных отношениях, в постепенном возрождении уважения к России, в укреплении позиций страны в мире. К 2006 г. по сравнению с 2000 г. на 1,7% поднялась рождаемость (с 8,7 до 10,4%), топталась на месте общая смертность, сократилась депопуляция (с 6,6 до 4,9%), снизилась детская смертность в возрасте до одного года (с 15,3 до 10,3%). Но в 2005–2006 гг. продолжает сокращаться срок жизни россиян, снизился срок жизни мужчин (с 59 до 58 лет), в том числе проживающих в селах (с 58 до 57 лет). За путинский период также несколько улучшился условный долгосрочный прогноз динамики численности населения России к концу XXI – началу XXII в. Ельцинские псевдореформы низводили прогнозируемую к 2105 г. численность россиян до 22 млн. человек. Улучшающие поправки путинского периода приподнимают указанный прогноз до 34 млн. человек. Но, понятно, что и это не спасает Россию от принудительного вымирания, насильственного раздела и полной гибели этноса.

Достижения Путина вызывают уважение к его трудной деятельности на посту Президента РФ в сложнейших условиях современности, когда приходится преодолевать множество препятствий, возрастающих при защите интересов России. Но, к сожалению, существенных стратегических и демографических результатов до сих пор достичь не удалось. О трагедии демографической катастрофы России безошибочно и остро сигнализируют сверхсмертность, сверхпадение рождаемости, снижение срока жизни. Поэтому остается в силе основной вывод известного прогноза Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА) об опасности вымирания России в XXI веке, об опасности потенциально вероятного насильственного политического раздела и исчезновения единого российского государства и всех его политических, общественных и социально-экономических атрибутов примерно в первой половине XXI в., если не принять самых энергичных аварийно-спасательных мер¹.

Если и далее забалтывать проблему, а на деле бездействовать в ликвидации самой демографической катастрофы, то к середине XXI в. население России сократится вдвое, и 100-летие Победы над фашизмом будет отмечать лишь выжившая половина народа-победителя, а ее 150-летие отмечать, по сути, будет почти никому. Наиболее стремительно вымирает основная государство-образующая нация, основной этнический оплот и хребет России, что представляет особую геополитическую опасность для нашей страны и государства.

Главным геополитическим богатством России были и всегда остаются в XXI в. не нефть и газ, не сырье и энергоносители, не территория и недра, не

золото и золотовалютные ресурсы, не профицит госбюджета и стабилизационный фонд, не ракеты и самолеты, не армия и флот, а народонаселение, т.е. российские граждане как человеческий капитал, а в их числе, прежде всего, – нормальные здоровые, российские, русские дети. Именно дети станут главным стратегическим дефицитом России.

Еще одна важная проблема. За три года (2004–2006 гг.) наблюдается высокий и чистый миграционный отток населения, а, по сути, миграционное бегство из Сибири (соответственно на 1135 и 70 тыс. человек) и с Дальнего Востока (на 403 и 67 тыс. человек). Общее миграционное бегство населения из этих краев за эти три года превысило 1,5 млн. человек. К началу 2007 г. на Чукотке и в Корякском автономном округе плотность населения упала до 0,07 чел/км². В 2007 г. депопуляция несколько смягчилась, но в целом ситуация остается трагической.

Гигантские социально-экономические и геополитические просчеты ельцинской команды, недалёковидной хозяйственной и миграционной политики коррумпированного чиновничества ведут к резкому и необратимому ослаблению геополитических российских позиций в Сибири и на Дальнем Востоке. Массовое бегство населения из этих важных регионов ведет к нарастающей этнической подмене коренного русского населения пришлым из Китая, Средней Азии, Кавказа и т.д. Нередко – это люди с ухудшенным моральным менталитетом, не отличаются нравственным потенциалом, законопослушностью и патриотизмом в отношении к России, уважением к традиционным ценностям русского народа, что также не усиливает российских позиций. Со временем это может породить в России проблемы типа сербского Косово, но гораздо в больших масштабах, с гигантскими потоками крови и потерями миллионов и десятков миллионов жителей. Более высокая рождаемость в приезжих, неславянских семьях, в основном мусульманских, на фоне низкой рождаемости в славянских, постепенно ведет к снижению доли славян и вообще православного и проправославного (тяготеющего к православию) населения в общей численности жителей и росту доли лиц иных конфессий. Так, по двум последним переписям населения в 1989 и 2002 гг. видно, что в случае сохранения наметившихся тенденций в динамике национально-этнических пропорций в Москве и С.-Петербурге доля славянского населения в двух российских столицах может быстро снижаться: 2006–2008 гг. – 9/10; 2015–2020 гг. – 4/5; 2030–2035 гг. – 3/4; в середине XXI в. – 2/3; во второй половине или к концу XXI в. – 1/2.

Приведенные прогнозные оценки МСА перекликаются с данными депутата Госдумы Ш. Султанова по динамике конфессиональных демографических пропорций. Доля мусульман в мире в 1970 г. составляла 15%, в 2000 г. – 20%, к 2030 г. ожидается рост до 30%. В настоящее время доля православно-го и проправославного населения в России по некоторым оценкам состав-

ляет около 60%, мусульман – 17%, атеистов и лиц иных конфессий – 20%. По всем известным оценкам различных экспертов, доля основного государствообразующего православного населения России убывает и к концу XXI в. может оказаться ниже половины, а доля мусульман – выше доли православных верующих. Это означает, что не исключена вероятность того, что в итоге к концу столетия славянской страной или ее остатками могут править две неславянские столицы – два новых иноязычных Вавилона, править на условиях близких к этнической и конфессиональной оккупации. Христиане и мусульмане по своему менталитету во многом существенно различаются, что может вызвать серьезные этно-кадровые изменения в общественно-политической, финансово-банковской и торгово-экономической сферах и в составе их элитного руководства. Нет уверенности, что исламская конфессия после охвата ею свыше 30–50% населения России не будет использована криминальными международными террористами ваххабитского толка. Представляется целесообразным поручить ФСГС наладить более основательную разработку конфессиональной структуры населения России, ее динамики и статистических прогнозов на ближайшие десятилетия.

Ожесточенным массовым «демографическим бомбежкам» подвергнуты все мегагорода, города, деревни и села. Смертоносный меч гибели навис над всем российским, русским народом. Брутто-потери населения России в 1991–2006 гг. составляют примерно 33 млн. человек.

Брутто-потери СЕС (Славянско-Евразийского союза как геополитической общности, не оформленной в единое общее государство на постсоветском пространстве) в указанный период составили примерно 70 млн. человек.

Для сравнения людские брутто-потери РСФСР в период Великой Отечественной войны, включая прямые военные потери, косвенные потери гражданского населения и нерожденных детей представляют собой примерно 29 млн. человек, а СССР в целом – 50 млн. человек².

В общей сложности можно оценить геополитические брутто-потери людского потенциала СССР, потом РФ и стран СНГ, во времена М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина включая долговременные демографические последствия, автоматически распространившиеся на путинский период примерно в 215 млн. человек. Следовательно, демографические брутто-потери России в 1986–2006 гг. превышают брутто-потери РСФСР в Великой Отечественной войне и эквивалентны примерно 207 атомным бомбардировкам Хиросимы или нескольким тысячам «демо-Бухенвальдам», «демо-Освенцимам» и даже «демо-Чернобылям».

Возникает вопрос, можно ли вытащить Россию из штопора демографической катастрофы и депопуляции? Объективный анализ проблемы показывает, что можно. Нужен решительный переход к патриотической, умной и активной демографической и социально-экономической политике.

Россия показывает в период президентства Путина достаточно высокие темпы экономического возрождения, в 2006 г. обогнала Бразилию по объему годового ВВП ППС и поднялась в мировой таблице на 1 строку выше, перешла с 10 места на 9-е. Начиная с 2007 г. Россия по абсолютному объему годового ВВП ППС входит не только в 1-ю десятку, но и в 1-ю девятку. В значительной мере это обусловлено ростом мировых цен на энергоносители, на нефть и газ, экспортируемые Россией на внешние рынки, а также ростом цен реализации энергоносителей в странах СНГ. В любом случае это – существенное достижение России в 2006 г. Дальнейшее наведение порядка и подъем цен реализации российских энергоносителей Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Молдове, Армении, Украине и иным странам до реальных мировых цен еще более укрепят финансово-экономическое положение России, а также ее престиж в мире, ускорит дальнейший экономический подъем РФ в мировой таблице по абсолютному объему годового ВВП ППС на 2-е, а в перспективе даже на 1-е место в Европе. При сохранении стабильности сложившегося соотношения темпов прироста экономического развития 1-й четверки ведущих стран можно ожидать, что до 2010 г. Индия по абсолютным объемам ВВП ППС может обогнать Японию и выйти на устойчивое 3-е место в мире, а в 2010–2015 гг. Китай может обогнать США и стать экономическим лидером мира по абсолютным объемам ВВП ППС, если не случится никаких экстраординарных событий и форс-мажорных обстоятельств.

Если сложившееся соотношение темпов прироста ВВП ППС в ведущих 10 странах сохранит стабильность на ближайшие несколько лет, то можно ожидать, что Россия в 2007–2008 гг. по объему ВВП ППС сможет обогнать Италию, подняться в мировой таблице на более почетное 8-е место в мире и на 4-е в Европе, а к 2010 г. обогнать Францию и Великобританию, переместившись на 6-е место в мире и 2-е в Европе. В перспективе Россия может претендовать даже на устойчивое 5-е место в мире после Китая, США, Индии и Японии, а также почетное первое место в Европе, стать ведущей экономической державой на европейском континенте.

Для этого необходимо:

1) переход руководства России к активной и оптимальной социально-экономической политике, аналогичной талантливой политике президента США Ф. Рузвельта и его команды в 1920–1930-е годы в условиях, отчасти аналогичным современным условиям в России, преодоление депопуляции и сверхсмертности населения, решительное преодоление социального и этнического эгоизма олигархов и победа над ними, оптимальная форма пересмотра криминальной приватизации, решительное преодоление наркотизации и алкоголизации страны, коррупции и преступности, укрепление нравов и системы духовно-моральных ценностей, активная административно-законодательная, финансово-экономическая и социально-общественная поддержка

институтов материнства, детства, семьи и брака, всестороннее стимулирование деторождений в молодых семьях, создание государственно-общественного культа 3–4-летних семей и пр.

2) быстрое прекращение крайне неэффективного и расточительного формирования, размещения и использования стабилизационного фонда страны, который сегодня крайне уязвим и скорее приспособлен к новому крупномасштабному разворовыванию и обогащению узкой группировки лиц, чем служению экономическому развитию России;

3) ускоренный переход к более четкой социально-экономической направленности профицита бюджета страны в ближайшие годы, замена бездумной и проигрышной погони за формальным сверхпрофицитом бюджета на более активное и экономически более выгодное инвестирование в наиболее важные и наиболее выигрышные отрасли: ускоренное строительство жилья, дорог, систем связи, развитие информатизации и компьютеризации, наукоемких отраслей экономики, более глубокой переработки добываемого первичного сырья вместо бездумного и крайне разорительного его экспорта в первичном виде, в ускоренную газификацию российской глубинки и т.д.

4) максимальное форсирование научного и технологического прогресса (НТП), прорывных и высоких, а также трудосберегающих технологий, нанотехнологий, ускоренное развитие науки, образования, здравоохранения, искусства и культуры;

5) ускоренное укрепление и развитие ВПК и оборонной безопасности страны, возрождение и развитие космической, авиационной и судостроительной программ, ускоренное строительство морского флота – военного и торгового, нового поколения;

6) разработка специальной государственной программы по преодолению депопуляции во всех субъектах, регионах и крупных поселениях РФ;

7) сплочение всех патриотических сил России во имя возрождения страны. Россию можно и нужно спасти от депопуляции.

Примечания

¹ Подробнее см.: Углов Ф.С., Исаков Б.И. и др. Отрезвление России. М.: МСА, 2004; Демогеноцид – война олигархии против России. Моделирование и прогнозирование динамики населения и производительности труда. Авторы: Б.И. Исаков, М. Дучмель, А.Б. Исаков, Е.И. Кузнецов. М.: МСА, 2004. 352 с.

² Население СССР – 1973. М.: Статистика, 1975, а также: НР100, РСЕ2006, ДЕР2006, СЭПР2006, 2007 и др.

ИЗ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т.В. Полянина (Львов)

Я.Ф. Головацкий: некоторые штрихи эпистолярного наследия

«Славен наш Львов
просвещенными людьми»
(Я.Ф. Головацкий)

Наследие Якова Головацкого (1814–1888) – ученого, общественного деятеля Галицкой Руси – представляет собой широкое поле исследования, хотя о нем немало написано украинскими и русскими критиками. Однако еще имеет место «исследовательское мифологизирование»¹, роль ученого в развитии славянских культур часто освещается тенденциозно, в оценке его деятельности зачастую доминируют политические акценты. Значительной вехой на путях изучения роли галицкого ученого в истории славянской культуры является книга Н.М. Пашаевой «Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.»². На пути изучения жизни и творчества «червонорусского Ломоносова» встает немало препятствий, его сочинения разбросаны в разных городах; архивы Львова, Киева, Москвы еще не освоены полностью, хотя и привлекают внимание историков общественной мысли. Интерес к его личности усиливается, и обнаруживается созвучность многих его трудов и идей современности.

Головацкий пережил трагедию русского движения Прикарпатской Руси. Пафос его творчества заключается в идее приобщения своей родины к большому русскому миру.

Наследие ученого включает в себя произведения научного, публицистического характера, он был также поэтом и переводчиком. Историческая концепция Якова Головацкого формировалась под воздействием просветительских идей века. Ему была близка теория И. Гердера, которая утверждала самобытность славянских народов, подчеркивала мысль о том, что национальное бытие – источник духовной культуры, призванной обогатить Европу. Не случаен, поэтому, и интерес ученого к историческим разысканиям Н.В. Гоголя. В юности он испытал на себе воздействие идеи славянской литературной взаимности, был знаком с Яном Колларом, перевел его труд «О литературной взаимности славян». Позднее он вспоминает о «сфере славянской деятельности», в которой он прожил «молодые лета»³. И на склоне лет он с гордостью говорил о себе – «тружусь в пользу славянской идеи и славянской взаимности».

Эпистолярное наследие Я.Ф. Головацкого необозримо. К примеру, только в архиве галицкого историка А.С. Петрушевича хранится 54 его письма. Часть писем была опубликована (М.П. Погодин, К. Студинский). Но этот материал еще не освоен полностью и содержит в себе богатые сведения об авторе писем и его эпохе.

Личные контакты – встречи, письма – в среде деятелей славянского возрождения, начиная с 1830-х годов, были важной составляющей межнационального общения. Вдохновленные идеями Просвещения ученые утверждали развитие национального самосознания народов Австрийской империи, Польши. В их программу входили укрепление научных и литературных связей с такой великой славянской державой, как Россия. Не прошли даром для юного Головацкого его встречи, беседы, знакомство в 1835 г. в Пеште со словаком М.М. Годжою, хорватом Ф. Курелациом, сербами Ф. Павловичем и Г. Петровичем. Он писал: «Я очутился совсем в своем элементе, читал сербские, словацкие, чешские книги и упражнялся в славянских наречиях»⁴. Все это способствовало расширению кругозора, выходу из узкого провинциализма. Позднее, в 1879 г. он одобряет своих земляков: «У Галичины почувствовалась потребность расширить свое стесненный кругозор на большее пространство земли»⁵.

На протяжении всей жизни и деятельности Я.Ф. Головацкого сопровождает огромное количество знакомств с учеными литераторами, общественными деятелями, и часто возникают не только официальные, но и личные контакты. Я.Ф. Головацкий вспоминает, что еще в 1835–1836 гг. он вел переписку со своим «другом из Пешта Георгием Петровичем, сербским патриотом и литератором». Приезд в 1835 г. во Львов М.П. Погодина, знакомство с И.И. Срезневским положили начало многолетней переписке молодого галицкого ученого с представителями славянской науки. С некоторыми адресатами образуются душевные контакты, основанные на сходстве взглядов.

Трудно перечислить всех многочисленных русских адресатов Я.Ф. Головацкого. Это общественные деятели, ученые, писатели – М.П. Погодин, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, В.И. Даль, Ф.И. Тютчев, Н.Н. Страхов и многие другие. Но близким по интересам, общественным взглядам и просто по симпатии являлся русский ученый-славист Н.А. Попов – «покровитель славян», как его называли. Он, автор книги о Сербии⁶, превосходно ориентировался в истории и современности Галичины, Закарпатья, Буковины. Н.А. Попов собирал материал для книги о Галичине за 100 лет и был автором ряда исследований о Карпатской Руси⁷.

Сотрудничество Я.Ф. Головацкого и Н.А. Попова начинается в середине 1860-х годов, в период подготовки огромного события в жизни славянских народов – Славянского съезда 1867 г., участником которого был и Головацкий, и Этнографической выставки. За это галицкий ученый поплатился должностью ректора и декана Львовского университета и остался без средств к

существованию. Я.Ф. Головацкий – один из самых энергичных организаторов подготовки к выставке.

Он воодушевлен желанием как можно полнее представить свою родину, свой народ во всем их богатстве и разнообразии. Письма этого периода насыщены фактами, воссоздают быт, психологию народа, обстоятельства времени. Головацкий организовал фотографии костюмов, типов галичан, убранства, предметов быта. В процессе этой работы организаторы сталкивались с неожиданными препятствиями, которые оказались связанными с условиями времени и психологии крестьян. Они неохотно соглашались фотографироваться, и объяснялось это слухами: «Люди казали, що ляхи записують до полякив и которий хлоп дасться змалювати, того визьмутъ до свого войська» (Сохраняю орфографию оригинала. – Т.П.).

Письма Головацкого изобилуют подробностями нелегкой организаторской работы, описанием трудностей в поисках фотографов, сложностей и хлопот по пересылке экспонатов выставки. Я.Ф. Головацкий – полон воодушевления, придает большое значение этому событию: «для науки, для сознания однородства славян и для скрепления взаимности между разрозненными племенами того многочисленного колена». Так он пишет в Комитет по устройству Этнографической выставки.

В письме к Н.А. Попову периода организации выставки Головацкий высказывает надежду и на личную встречу: «В непродолжительное время, надеюсь, я лично познакомится с Вами и потолковать обо всем» – письмо от 23 апреля /3 мая 1867 г.

Знакомство состоялось, перешло в длительную дружбу и научное сотрудничество. «Все мы радовались нашему сближению и знакомству, все мы желали, чтобы тот тесный союз Славянского братства скреплялся, и чтобы общение между соплеменными славянами продолжалось». И далее: «Я искренне желал поддерживать беспрестанную переписку с учеными старинной столицы Руси в центре русской жизни» – письмо 15/28 июня 1868 г. Так оно и было.

Переписка стала важнейшей формой научных и дружеских контактов ученых. В письмах Головацкого отразились важнейшие стороны его деятельности, его интересы, взгляды, размышления, впечатления. Жанр письма давал широкие возможности высказывать свои пожелания, настроения, сообщать о тех или иных событиях, решать те или иные задачи.

Письма к Н.А. Попову свидетельствуют о весьма доверительных отношениях ученых. Я.Ф. Головацкий делится с адресатом своими заботами и невзгодами. Он подвергается травле со стороны польского наместника А. Голуховского, и жестоко поплатился за свою деятельность, за связи с русской наукой. Агенор Голуховский систематически преследовал все, что, по его мнению, мешало полонизации края. Организация Этнографической выставки в Австро-Венгрии воспринималось как признак претензий России на сла-

вянские земли и вызывало опасения, что австрийские славяне готовы принять российское подданство.

Когда усиливается травля со стороны Голуховского, Головацкий пишет о пережитом, сообщает о преследованиях: «Меня отрешили от чина и звания». «Я словно потерпевший кораблекрушение» (через три месяца после переезда в Вильну). И все это – за «обобщение мыслей с русскими славянами». В письме из Львова от 2/14 марта 1867 г. Головацкий сообщает о «запрете на корреспонденцию по части стипендиатов и гимназических учителей». Но все это не сломило дух ученого: «Корреспонденцию в литературных и научных делах никто не может мне запретить» (Там же).

Отношения с Н.А. Поповым с ходом времени приобретают все более дружеский характер, выходят за пределы научного сотрудничества. В письме от 20 октября 1879 г. Головацкий просит Попова оказать покровительство его детям – сыну и дочери, учившимся в Москве: «Введите его (сына) в круг молодых людей, которые занимаются литературой, пускай и он набирается вкуса и влечения к научным трудам». Просит и за дочь: «Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы позволили ей когда-нибудь придти с братом к Вам, познакомиться с Вашей супругой и бывать в Вашем доме. Молодой девице, живущей в чужом городе, приятно будет развлечься в доброжелательном обществе и воспользоваться добрыми советами...».

Когда в 1886 г. дочь Головацкого Софью арестовали по подозрению в связях с народовольцами, он пишет взволнованное письмо: «Убитый горем обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбой» и просит «походатайствовать о ее скорейшем выпущении на поруки ко мне в Вильну» (25 ноября 1886 г.). В этих письмах предстает и нравственный облик галицкого ученого – любящего и заботливого отца.

В письмах отразилось общность научных интересов Я. Головацкого и Н. Попова, взаимный интерес в общем деле служения истине, их взаимопомощь. Когда Н. Попов задумал писать историю Галичины за 100 лет, Я. Головацкий живо откликнулся, сообщая Н. Попову сведения о начальном периоде Возрождения в Галичине, о деятелях этого времени: Я. Компаниевиче, («человек ученый, занимавшийся чтением и исследованием истории»), о И. Вагилевиче, М. Шашкевиче и напоминает о галичанах, «перешедших на русскую землю» П. Лодие, И. Орлае. Он сообщает о значении первых контактов русских ученых с галичанами и пишет об огромном их значении: «Вот источник живой воды, которым напоялась жаждущая Галицкая Русь» (1871). Он готов помочь другу советом в замысле написать историю Галичины и рекомендует ему непременно съездить во Львов, поговорить с учеными и историками Н.С. Петрушевичем, И.Г. Шараневичем, М.И. Малиновским, В.М. Площанским: «У них все найдете, и совет, и привет» (Письмо от 10 декабря 1875 г.).

Я. Головацкий высоко ценит труды Н. Попова: «Ваши сочинения отрывают меня от обыденных дрязг и переносят меня в ту сферу деятельности, в

которой я прожил мои молодые лета». Когда Н. Попов прислал Я. Головацкому свою книгу «Россия и Сербия» (1869), он оценил значение этого труда таким образом: «Это единственное сочинение в своем роде представляющее отношение Сербии к России и ясно изображающее, кому сербы одолжены своими успехами в приобретении того политического поставления, которым наслаждаются» (письмо 6 октября 1869 г.). Он надеется, что сербы воспримут труд Н. Попова «с надлежащей признательностью» и соотносит это с политикой Запада, который стремился поколебать «приверженность нового поколения к России» (Там же).

Одним из значительных трудов Я. Головацкого был его «Географический словарь западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран» (Вильно, 1884). По признанию самого автора, на создание словаря его вдохновила книга Н. Попова о Сербии: «С особенною приятностью заметил я в вашем сочинении, что Вы употребляете все местные названия городов и рек на славянском языке, как они должны писаться во всех русских книгах и журналах (письмо от 6 октября 1869 г.). Задачей «Географического словаря...» Я.Ф. Головацкий считал восстановление топонимики «до порабощения этих земель иностранцами» (Там же). Труд Н.А. Попова, писал он, «...наводит меня на мысль составить приручный словарь географических названий в славянских землях, посредством которого можно восстановить в русской литературе славянские термины» (Там же).

В свою очередь, и Н.А. Попов пользовался материалами своего адресата: «На основании моих заметок Нил Александрович поделал свои весьма верные биографические и библиографические примечания», – пишет Я.Ф. Головацкий, имея в виду статью Н.А. Попова «По поводу славянских географических названий»⁸.

Письма Я.Ф. Головацкого разнообразны по тематике, содержанию и назначению и нередко выходят за рамки жанра и являют собой развернутые концепции, программу действий, практические рекомендации.

14 января 1869 г. он пишет письмо Н. Попову, которое сам обозначает, как «Краткую записку об средних и низших школах в Галичине, Буковине и Угорской Руси». Это «письмо» – обстоятельный анализ состояния народного образования в условиях австрийского, польского, германского и мадьярского режимов. Это по форме частное письмо было адресовано и Славянскому комитету. Я. Головацкий придает большое значение революции 1848 г., которая дала толчок развитию национального самосознания славянских народов, и заслугой австрийского правительства он считает «признание русского языка». Вопрос о народном образовании рассматривается автором в общественно-исторической перспективе и содержит программу действий, практические советы по решению поставленной проблемы.

Обстоятельно перечислив низшие и средние учебные заведения в Галицкой Руси, Я.Ф. Головацкий сообщает, что все они содержатся за счет русских фондов или русских общин. Но при этом они подчинены иностранному влиянию: в Галичине – польскому, в Угорщине – мадьярскому. Нет учебных пособий, нет книг на родном языке: «Русскому языку отведено самое ничтожное место»... «Дело растреления довели до того, что теперь трудно в университете найти студента, который был бы в состоянии переписать что-нибудь русское». Низок уровень преподавания – «полонизм глубоко внедрился в галицкие учебные заведения», «все предметы преподаются на польском языке».

Но времена меняются, после 1848 г. положение изменилось – «колесо истории и развития славянства движется с неимоверной быстротой», «ныне всякий образованный чех, мораванин, словак, хорват читают свободно по-русски... В университетах Пештском, Пражском, Львовском есть кафедры русского языка». Я.Ф. Головацкий утверждает значение русского литературного языка как языка европейского. В этом плане интересен эпизод, описанный в следующем письме к Н.А. Попову. Он рассказывает адресату об участии в празднике Кирилла и Мефодия. В этот «славный день» он отправил телеграмму во Львов: «Я предложил русскую телеграмму», в чем ему было отказано и предложено послать телеграмму на «европейских языках». «Разве у вас русский считается не европейским?» – спросил Головацкий. Пришлось дать телеграмму латинскими буквами, что, как он пишет, напомнило ему «азбучную войну» в Галичине в 1859 г. и борьбу за кириллицу: «Я с земляками бодро защищал достояние святых учителей наших, Кирилла» (Письмо от 14 января 1869 г.).

Он выдвигал ряд предложений по улучшению преподавания русского языка – перевести школы на самоуправление русское, обращается к адресату и Славянскому комитету с просьбой помочь денежными средствами и книгами. В 1848 г., как он пишет, «австрийское правительство признало русский язык и русское письмо равноправным другим европейским» (Там же). Он предлагает ряд конкретных мер для утверждения международной роли русского языка – «правительственные места обязаны принимать прошения на русском языке и отдавать решения по-русски», дипломатические документы также должны оформляться на русском языке. В аргументацию входит и мысль о практическом, социальном значении статуса русского языка: «...ныне чех, серб, русин, словак получит место чиновника. Вот вам практическое применение славянства». В этом письме Я.Ф. Головацкий обращается к научной общественности с помощью Н.А. Попова: «Примите в рассуждение эти мои мысли и сообщите друзьям-славянам и русской публике. Влиятельные люди может, примутся за осуществление их» (Там же).

В круг научных интересов ученых входила и археология. В 1869 г. Я. Головацкий выступает в Москве на съезде археологов с докладом об археологических исследованиях в Галичине и Буковине. Об этом Я.Ф. Головацкий со-

общает Н.А. Попову в письме от 29 апреля 1869 г. Ему важно мнение адресата, которого Головацкий ценит за «полноту содержания, объективность взгляда и верность представленных событий» (Письмо от 19 августа 1875 г.).

Одной из многих тем переписки были события 1875 г. в Боснии и Герцеговине. Славянский комитет сочувственно отнесся к пострадавшим и собирал средства. Я. Головацкий пишет Н. Попову: «Русская публика отнеслась сочувственно на призыв братьев славян. Удалось не только собрать у начальников разных ведомств значительные суммы. Но был устроен концерт, а затем театральное представление в пользу славян» (Письмо от 10 декабря 1875 г.). И делится впечатлениями, наблюдая иные настроения. Поляки, пишет Я. Головацкий, не участвуют в складчине, а один из них (помещик Лопатинский) заявил публично: «Я скорей собирал бы пособия туркам, мне их более жалко: босняка убьют – останется вдова одна, а по убитому турку – три или четыре» (Там же).

В письмах Я. Головацкого отразилась его постоянная забота о галичанах и желание им помочь, забота о пополнении библиотек Львова книгами, хлопоты о денежной помощи. С этими просьбами он обращался ко всем влиятельным лицам. Так, к примеру, в письме В.И. Григоровичу⁹: «Помните... о нуждающейся братии вашей и пошлите во Львов, по крайней мере, книг по-русски в народную библиотеку (Письмо от 13 июня 1868 г.). В России со времени преобразования классических гимназий ощущался недостаток учителей греческого и латинского языков. Министр, граф Д.Н. Толстой призвал учебные силы из соплеменных России австрийских славян. Хотя молодые галичане испытывали трудности в овладении русским языком, но те, кто учился у Я.Ф. Головацкого, 20 лет бывшего ректором и деканом Львовского университета, легко свыкались с русским произношением. Н.А. Попов тоже интересуется этим процессом, пишет статью «Вопрос о переселениях в Россию»¹⁰.

В письмах читаем постоянные просьбы за того или иного земляка, дают их характеристики: «Они все порядочные люди, отличаются талантом, хорошим поведением», – пишет он о двух желающих уехать в Россию (Письмо от 28 сентября 1866 г.). О другом кандидате писалось: «Он человек даровитый, порядочный» (Письмо от 19 октября 1861 г.); «Он честный, трудолюбивый и солидный человек» (Письмо от 21 октября 1866 г.). Я.Ф. Головацкий поясняет и желания своих подопечных уехать: «...Его, как русского чиновника, ставили ниже других чиновников» (Письмо от 21 октября 1861 г.). Все характеристики позволяют определить нравственный идеал человека и гражданина («труженика по русскому делу в пользу русского отечества») (Письмо от 21 июня 1884 г.). Таким был и сам Я.Ф. Головацкий.

В 1868 г. он эмигрирует в Вильнюс – Вильно, становится председателем Комиссии по разбору Древних Актов и заведующим Виленской библиотекой. Этот период деятельности еще ждет своего исследования. Протоколы ОИДР – Общества Истории и древностей российских, основанного в 1804 г.,

свидетельствуют о плодотворной деятельности галицкого ученого. Комиссия при Головацком издала 12 томов Актов Литовского трибунала и множество других документов. В 1884 г. Я. Головацкого избирают почетным членом общества.

Благодаря Я.Ф. Головацкому ОИДР постоянно уделяет внимание Институту Народного дома во Львове. В письме к А.Е. Викторову он пишет: «Я часто посылаю книги для поддержки русского духа и бодрости»¹¹.

Переписка с Н.А. Поповым продолжается, процесс публикации «Народных песен Галицкой и Угорской Руси», монументального труда ученого и собирателя, также была темой писем к Н.А. Попову. Сохраняются доверие, взаимопонимание. В 1877 г. по просьбе Н.А. Попова Я.Ф. Головацкий посылает ему «дуплеты Виленской библиотеки»; в письме от 16 мая 1887 г. он сообщает о высылке 10 томов Археологического сборника и сожалеет, что не может удовлетворить просьбу адресата о Волынской летописи, изданной А.С. Петрушевичем. В ответ на просьбу Н.А. Попова Я.Ф. Головацкий сообщает сведения о галицких писателях. Так на протяжении более чем двух десятилетий сохраняются научные и дружеские контакты двух крупнейших деятелей. И трудно переоценить тот большой информационный материал, который содержится в их письмах.

Я.Ф. Головацкий поэтизировал свою родину, называл Карпаты «древнейшим центром славянской территории». «Карпаты по справедливости могут считаться горами славянскими, Родиной и колыбелью нашего племени».

Н.А. Попов, несомненно, испытывал на себе обаяние личности галицкого ученого, цельности его характера, бескомпромиссность. Колларову идею славянской литературной взаимности Я.Ф. Головацкий воплотил в реальную деятельность, в поиски конкретных доказательств, а не романтических свойств «славянской души», в общности этнического происхождения, черт исторической жизни, и, как бы сказали сегодня, – в типологических схождениях. Эта концепция была основой всех трудов Головацкого, полностью разделялась и Н.А. Поповым. Она отразилась и в частных письмах, наполненных большим содержанием. Они разнообразны по содержанию, стилю. Письма деловые, дружеские, поздравительные, информационные отличаются содержательностью и глубиной восприятия событий.

Письма Я.Ф. Головацкого имеют значение для изучения жизни и деятельности ученого, отражают черты его личности, события общественной жизни и науки.

Настоящая работа не ставит цели охватить обширный материал переписки двух ученых. Скромная задача автора – на материалах некоторых, представляющихся наиболее важными, писем осветить поставленные проблемы и своеобразие личности Якова Федоровича Головацкого.

Примечания

¹ Украинская Русь подъяремная. Русская Галиция и мазепинство. М., 2005. С. 10.

² Очерки по истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. М., 2007.

³ Пережитое и перестраданное // Письменники Західно Украпини. Кипв, 1965. С. 255.

⁴ Там же.

⁵ ОР ГБЛ. Фонд Н.А. Попова. Ссылки даются по этому источнику.

⁶ Попов Н.А. Россия и Сербия. М., 1869.

⁷ Избиение русских в конституционной Венгрии и постановления Мункачевского съезда. 1865–1866. Кн. 6, 7; Общество св. Василия Великого и Иоанна Предтечи в Ужгороде и Пряшеве // Московские Ведомости». 1866. Кн. 22; Русский Ставропигиальный институт во Львове // Современная летопись. 1866. № 29; Русское население по восточному склону Карпат (Гуцулы. Лемки. Бойки). М., 1867; Церковное движение в Угорской Руси // Православное обозрение. 1876. Кн. 1; Материалы для истории церковной унии в Юго-западной Руси // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1879. Это далеко не полный перечень работ Н.А. Попова о Карпатской Руси.

⁸ Известия Петербургского Славянского Благотворительного общества. 1876. № 1.

⁹ ОР ГБЛ. Фонд В.И. Григоровича.

¹⁰ Современная летопись. 1865. № 46, 48.

¹¹ ОР ГБЛ. Фонд А.Е. Викторова. 20 декабря 1882 г.

Л.П. Лантева (Москва)

Отклик С.-Петербургского отдела Славянского Благотворительного Комитета* на 500-летие со дня рождения Яна Гуса в 1869 г.

Как известно, гуситское движение изучалось в России в XIX веке весьма интенсивно. В богатой русской литературе на эту тему существует несколько направлений¹. Наиболее интенсивно историю гусизма вообще, и деятельность Яна Гуса в частности, исследовали ученые, разделявшие славянофильский взгляд на славянство. Одним из крупнейших славистов этого направления был в России в XIX веке Александр Федорович Гильфердинг, который первым, на основе философской теории московских славянофилов, выработал историческую концепцию развития зарубежных славян².

В 1868 г. был создан «Санкт-Петербургский Отдел Славянского Благотворительного Комитета», впоследствии преобразованный в «Санкт-Петербур-

---

* Являясь формально отделом Московского Славянского Благотворительного Комитета это подразделение чаще всего именуется в литературе «СПб. Славянский Благотворительный Комитет» (далее СПб. СБК)

гское Славянское Благотворительное Общество» (СПб. СБК). 21 сентября 1869 г. председателем Спб. СБК был избран на три года А.Ф. Гильфердинг (1831–1872)³. Это был не только известный ученый-славист, но и дипломат, публицист, государственный деятель. Гильфердинг хорошо разбирался в официальной политике, российско-славянском вопросе и, в известной мере, сам делал эту политику. Как слависту ему принадлежат работы по истории балтийских славян, которые по содержащемуся в них фактическому материалу превосходили соответствующие сочинения немецких ученых⁴. Ценнейшим вкладом в славяноведение являются его исследования по истории южных славян. «Письма об истории сербов и болгар»⁵ представляют собой новое явление в литературе эпохи и стали началом изучения истории этих народов. Сочинение Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии»⁶ принадлежит к числу источников, из которых впоследствии черпали сведения историки славянских народов. Ученый разрабатывал и славянские древности в целом⁷, он составил два обширных собрания древних славянских рукописей и издал некоторые из них в переводе на русский язык. Писал Гильфердинг также работы по истории Чехии⁹. Избранный председателем СПб. Славянского Благотворительного Комитета он сформулировал его задачи так: «Во-первых, помощь по мере наших средств духовным нуждам славянских народов за границей, их церквам, училищам, литературным предприятиям и тем из молодых людей, которых они посылают к нам учиться и; во-вторых, содействовать взаимному сближению и ознакомлению между русским обществом и славянами. Все, что касается собственно нужд в нашем отечестве, но находится вне круга деятельности нашего Комитета, на то есть особые благотворительные и другие общества»¹⁰. Гильфердинг также подчеркивал, что Комитет не будет вмешиваться в политику: – «нас собрало и нас ведет одно начало – братская любовь к единоплеменным братьям нашим, а любовь политики не знает и знать не должна»¹¹. Сформированные таким образом задачи Комитет выполнял добросовестно: по истории славян публиковались как научные, так и популярные сочинения. Для ознакомления русских читателей с положением, статистикой, историей и литературой славян было решено издать ряд книг. Первым таким «сочинением» стал перевод текста «Чехия» из научного словаря Ф. Ригера, опубликованный со значительными сокращениями (впоследствии Комитет издал на эту тему книгу А.С. Будиловича и А. Надановича «Чехия и Моравия». Она вышла в свет в 1871 г.). А в 1868 г. Гильфердинг переиздал свой «Очерк истории Чехии».

В 1869 г. Комитет решил принять участие в праздновании памяти Яна Гуса. Как говорится в «Отчете» Комитета об этом мероприятии, в торжественном собрании 14 февраля А.Ф. Гильфердинг «обратил внимание на то в высшей степени важное значение, которое имеет Ян Гус в истории славянского просвещения, предложил внести в протокол, что Петербургские члены СБК в

день памяти Св. Кирилла не могут не помянуть великих заслуг Иоанна Гуса и что поэтому члены постановляют: в первое очередное собрание избрать особую комиссию для рассмотрения вопроса о том, какое участие может принять Петербургский Отдел Комитета в предстоящем праздновании памяти И. Гуса»¹². А в заседании 9 марта [1869 г.] член Комитета И.А. Посохов заявил, что он «жертвует 300 рублей серебром на издание грамоты Константинопольского патриарха о Гусе вместе с краткой биографией И. Гуса. При этом М.О. Микешин предложил украсить это издание портретом Гуса, снимком со старинной медали в честь памятника, картинного изображающего сожжение Гуса, и планом памятника в честь Гуса, который г. Микешин намерен представить 6 июля 1869 г. на съезде в Констанце»¹³.

А в заседании 23 марта, – говорится далее в отчете, – «решено в ознаменование участия Комитета в праздновании, 6 июля 1869 года 500-летнего юбилея Иоанна Гуса назначить единовременно премию в 500 рублей серебром для лучшего, по усмотрению чешского историографа Ф. Палацкого, сочинения о Гусе на чешском или другом славянском языке». Члены Комитета И.А. Посохов и Н.А. Киреев пожертвовали по 100 рублей на издание по-русски популярной брошюры о Гусе.

В Комитете также обсуждался вопрос о том, следовало ли праздновать день юбилея Гуса каким-либо церковным торжеством в православном храме. «Однако присутствующие, по выслушании доводов, изложенных членом Комитета, ректором духовной академии И.Л. Янышевым, пришли к убеждению, что необходимо предоставить почин в этом деле самим чехам. Пока не явятся между чехами такие, которые, присоединившись к православной церкви, будут просить о признании православной церковью их великого учителя И. Гуса, и пока исторический характер его не будет вполне уяснен, церковное торжество в его память было бы преждевременным»¹⁴. Далее в отчете говорится, что по предложению В.И. Ламанского было решено послать «через Ф. Палацкого приветственную телеграмму Комитету, распоряжающемуся празднеством Гуса и просить его выбрать по соглашению с Ф. Палацким, бедного мальчика из уроженцев Гусинца для воспитания в том заведении, какое будет им избрано, на счет сумм СПб. отдела СБК, для чего и ассигновать ежегодно 300 гульденов; отделу же принять меры, чтобы эта стипендия, которую назвать Гусовою, была увековечена»¹⁵.

Что касается сочинения о Гусе, то А.Ф. Гильфердинг обратился к Ф. Палацкому с просьбой объявить соответствующий конкурс и выслал ему 769 гульденов «австрийской монетой» для выплаты премии. От имени Комитета его председатель 20 июня 1869 г. писал Палацкому: «Санкт-Петербургский отдел Славянского Благотворительного Комитета в виду предстоящего в сем году 500-летия рождения великого поборника христианской истины, народного святого мученика Иоанна Гуса, положил назначить из своих средств 500 рублей для

выдачи в виде премии автору лучшего по усмотрению Вашему сочинения, какое написано будет по поводу сей годовщины на чешском или каком-либо другом славянском языке»¹⁶. Далее в письме содержалась просьба, чтобы Палацкий сделал распоряжение об объявлении конкурса на получение премии на условиях, какие чешский ученый найдет нужными, а затем присудить эту премию лицу, которое Палацкий сочтет заслуживающим ее. В конце письма сообщалось, что 500 рублей высылаются через банк.

Ответ Ф. Палацкого на это письмо также был доведен до сведения членов СПб. отдела СБК на одном из его заседаний (вероятно 21 сентября 1870 г.). В отчете, опубликованном в 1870 г. об этом сказано: «читано было сообщенное историографом чешского королевства Ф. Палацким, объявление о конкурсе на премию Славянского Комитета на лучшее сочинение о Гусе. Приводим перевод этого объявления, подписанного знаменитым славянским историком». Далее текст письма Палацкого публикуется на русском языке. «Председатель Славянского Благотворительного Комитета в Петербурге, А.Ф. Гильфердинг, уведомил меня, что, по случаю празднования в нынешнем году пятисотлетней годовщины великого бойца за христианскую истину и славянскую народность, магистра Иоанна Гуса, упомянутый Комитет назначил из своих средств премию в 500 рублей, за лучшее сочинение, написанное о Гусе на чешском или на каком-либо другом славянском языке, и просил меня сделать надлежащее распоряжение для объявления конкурса на эту премию на тех условиях, какие я признаю нужными, предоставив мне также присудить эту премию тому сочинению, которое, по моему усмотрению, будет ее наиболее заслуживать, и сообщить Комитету о том, что будет мною в этом отношении сделано. Выше приведенная сумма, составившая 769 гульденов 23 крейцера австрийской монеты, мною уже получена». Далее Палацкий пишет: «Вначале я колебался, по преклонности моих лет и при недугах моих, принять на себя такую обязанность; однако я не решился от нее отказаться. Я счел своим долгом оправдать лестное доверие, мне оказанное, и не желал уклониться от дела, которое, содействуя славянской взаимности, вместе с тем должно способствовать успехам чешской исторической науки и может сделаться упражнением нашей литературы. Вследствие этого, объявляю, на основании упомянутого сообщения Петербургского Комитета, конкурс на сочинение о жизни и деятельности магистра Иоанна Гуса и принимаю к этому конкурсу всех, чувствующих в себе охоту и способность к такому труду».

О направленности предполагаемого сочинения Палацкий высказывается следующим образом: «Требуется не панегирик Гусу и не брань против него, но основательное и объективно верное изображение его деятельности и судьбы. Книга должна быть написана для образованных читателей вообще, а не одних специалистов историков или богословов. Она должна избегать, насколько возможно, полемики и декламации в каком бы-то ни было направлении.

Достоиную предмета речью следует изобразить Гуса не только как человека и патриота, как ученого и священника, как проповедника и писателя, но как реформатора своего века. Естественным основанием всему исследованию должно служить надлежащее знакомство с церковью, как в ее идее, так и в том искаженном виде, в каком она представлялась в начале XV столетия. Так как деятельность Гуса и все, что было с нею в связи, является лишь одним членом в истории мирового развития и человеческого просвещения, то пусть сочинитель обращает также внимание на его предшественников и последователей на реформационном пути и укажет его особенное личное значение в их ряду. Было бы так же желательно определить отношение стремлений Гуса к возможному в былое время образованию народных церквей на Западе и Востоке Европы. Следует стараться, чтобы книга, по объему заключала в себе от 20-ти до 30 печатных листов или около того. С этим нужно соразмерить подробность изложения; исторические ссылки должны быть приводимы как можно короче...

Упомянутая выше премия за лучшее сочинение в этом роде, которое мне будет прислано, составит с процентами 800 австрийских гульденов; сумма эта будет присуждена тому, кто представит сочинение во всех отношениях удовлетворительное. Но, так как не только возможно, но и вероятно, что будет доставлено несколько трудов, по внутренним достоинствам не очень различающихся между собою, то я предоставляю себе право, в случае нужды, разделить эту сумму так, чтобы 200 или 300 гульденов могли быть назначены в виде второй премии. Для большего рачительства за беспристрастие и всесторонность при обсуждении представленных к соисканию сочинений, я приглашу к себе в помощь нескольких знатоков дела, которых имена со временем будут объявлены. Рукописи, четко писанные, должны быть мне присланы на адрес Чешского Музея в Праге не позднее конца 1871 года. Каждое сочинение должно быть отмечено девизом и этот же девиз помещен на запечатанном конверте, заключающим в себе обозначение имени, звания и места жительства сочинителя. Только пакеты с такими девизами, которым присуждена, будет главная или вторая премия, будут при объявлении присуждения около Пасхи (31 марта) 1872 года; прочие по востребованию будут возвращены вместе с рукописями. Сочинения, удостоенные главной или второй премии, останутся собственностью сочинителей, но они обязаны постараться об издании их в возможно скором времени»¹⁷.

Таким образом, чешский ученый в ответе на просьбу СБК не только сформулировал свое отношение к работе историка, но и еще раз продемонстрировал свою заботу о развитии чешской науки. Однако конкурс, связанный с подачей сочинения о Гусе на премию, не состоялся, хотя Палацкий, вероятно, приложил немало усилий для его осуществления. В письме к А.Ф. Гильфердингу от 15 февраля 1872 г. чешский историк сообщал, что разослал объявления о конкурсе не только во все периодические издания славянских наро-

дов Австрии, но также и в издания Польши и Подкарпатской Руси. Кроме того, отмечает Палацкий, он лично передал приглашение на конкурс большому числу знакомых ему славянских писателей с просьбой о дальнейшем его распространении. Однако, заключает чешский ученый, «...уже минул конец 1871 года, но ни одно сочинение о Гусе на премию, объявленную Славянским Комитетом, не поступило»¹⁸. Говоря далее о полученных от Комитета 500 рублях, которые возросли в банке до 800 золотых, Палацкий заявляет о готовности выслать их обратно в Петербург, однако, выражает желание, чтобы Комитет пожертвовал эту сумму для другой благотворительной цели на пользу Чехии, а именно передал деньги обществу «Сватобор» в Праге, целью которого является поддержка чешских заслуженных литераторов и их семей, а также чествование памяти скончавшихся деятелей культуры. Таким образом, практичный вождь чешского народа материально помог союзу «Сватобор» президентом которого и был, ибо А.Ф. Гильфердинг и возглавляемый им Комитет не могли, конечно, отказать в просьбе великому чешскому историку. Что же касается сочинений о Гусе, то два таковых были написаны в России: в это время вышла в свет брошюра В.А. Бильбасова «Чех Ян Гус из Гусинца» (СПб., 1869), в приложении к тексту которой автор опубликовал несколько писем Гуса в русском переводе; а затем, в 1871 г., вышла и книга А.Ф. Гильфердинга «Гус. Его отношение к православной церкви»¹⁹. В обоих этих сочинениях проводилась мысль о православии Гуса и непрерывности «православной традиции» у чехов, начиная от Кирилла и Мефодия, что коренным образом расходится с оценкой деятельности Гуса в трудах Палацкого и других чешских историков. Насколько известно, Ф. Палацкий на эти работы внимания не обратил.

По поводу второго предложения Комитета, сделанного Ф. Палацкому так же от чешского ученого был получен ответ, содержание которого было доведено до сведения членов СПб. СБК.

В цитированном отчете говорится: «...читано письмо, полученное ... от г. Палацкого, по случаю желанья Комитета, чтобы в память юбилея Гуса им избран был бедный мальчик из уроженцев Гусинца для воспитания на счет СПб. Отдела, историограф чешский сообщил, что болезнь воспрепятствовала ему заняться этим делом, и что он, уезжая для поправления здоровья в Ниццу, передал выбор этого стипендиата доктору Сладковскому». Далее в отчете говорится, что «в этом письме г. Палацкий сообщает, между прочим, известие, которое должно интересовать всех занимающихся славянской историей, именно, что он окончил в рукописи второе, исправленное и дополненное, издание тома истории Чехии, обнимающего гуситскую эпоху с 1403 по 1420 год, и что уже приступлено к печатанию этого тома»²⁰. Что же касается выбора стипендиата, то о реализации этого предложения СПб. СБК у нас сведений нет²¹.

Заключая изложение материала об откликах СПб. СБК на 500-летний юбилей Гуса, можно сделать вывод, что тогдашняя чешская научная общественность равнодушно отнеслась к предложению СПб. СБК, в виду его славянофильской направленности. Славянофильская концепция чешской истории в целом и оценка роли Гуса, в частности, шли вразрез с построениями историков школы Ф. Паллацкого. Но, с другой стороны, сам факт отклика СПб. СБК на юбилей Гуса свидетельствует об интересе русских славистов к чешской истории.

Примечания

¹ Подробно русская литература XIX - начала XX вв. о гуситском движении рассмотрена в соч.: *Лантева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978.

² Сущность славянофильского взгляда на историю зарубежных славян наиболее четко сформулирована в работах А.Ф. Гильфердинга. См. об этом: *Лантева Л.П.* А.Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян. // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. [Самара], 1997. Вып. II. С. 183–201. *Она же.* Славянофильство как основа мировоззрения и научных концепций А.Ф. Гильфердинга. // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 96–105; *Она же.* Гильфердинг Александр Федорович. // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 245–251.

³ См. Краткий отчет о деятельности СПб. Отдела Славянского Благотворительного Комитета (по 11 мая 1869 г.) // Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП), 1869. Ч. 144. № 7-8. С. 235.

⁴ *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. М., 1855. Т. I.

⁵ *Гильфердинг А.* Письма об истории сербов и болгар. Период 2-й: 976–1014 гг. // Русская беседа. 1859. Т. 3. Кн. 15; Т. 4. Кн. 16.

⁶ *Гильфердинг А.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. // Записки Русского Географического Общества. СПб., 1859–1860. Т. 13.

⁷ *Гильфердинг А.* Древнейший период истории славян. // Вестник Европы. 1868. № 7. С. 233–291; № 9. С. 153–230.

⁸ См., например: *Чокорила П.* Летопись Герцеговины 1831–1857. Перевод А. Гильфердинга. // Русская беседа. 1858. Кн. 2.

⁹ См., например: Гильфердинг А. Очерк истории Чехии. СПб., 1862.

¹⁰ Краткий Отчет о деятельности СПб. Отдела СБК... // ЖМНП. 1869. № 7-8. С. 248.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 238.

¹³ Там же. С. 240.

¹⁴ Отчет о деятельности СПб. Отдела Славянского Благотворительного Комитета с 11-го мая 1869 по 11 мая 1870 г. // ЖМНП. 1870. Ч. 151. № 10. С. 2.

¹⁵ Там же. С. 3.

¹⁶ Literární Archiv Památnéku národního písemnictví (äàëää LAPNP). Pozoústalost F. Palackého. Èřespondence.

¹⁷ Отчет о деятельности СПб. Отдела СБК... // ЖМНП. 1870. Ч. 151. № 10. С. 4, 5, 6.

¹⁸ Ф. Палацкий – А. Ф. Гильфердингу из Праги, 15 февраля 1872 г. [Копия отосланного письма; написана рукой А Патеры]. // LAPNP. Pozoústalost F. Palackého. Korespondence.

¹⁹ Первоначально вышло в журнале «Заря». 1870. № 10; 2-е изд. – 1893. Есть также два издания на чешском языке – 1871 и 1923.

²⁰ Отчет о деятельности СПб. Отдела СБК... // ЖМНП. 1870. Ч. 151. № 10. С. 6.

²¹ Подробные сведения о деятельности А.Ф. Гильфердинга в СПб. СБК см. в соч.: *Лантева Л.П.* Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) как первый председатель Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Комитета. // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2002. Вып. 4. С. 56–66.

И.В.Крючков (Ставрополь)

Венгрия и славянский мир в интеллектуальном пространстве России в последней трети XIX – начале XX вв.

В середине XIX – третьей четверти XIX в. российская историография и публицистике ознаменовались существенными успехами в изучении истории стран Западной Европы, чего нельзя сказать о российском «венгероведении». История и современность Венгрии за редким исключением оказывались вне поля зрения историков России. Западники рассматривали Центральную и Юго-Восточную Европу как «отсталый регион» с малоинтересной историей, абсолютно «непоучительной» для России. Славянофилы больше примеряли свои концепции на славянские народы региона, идеализируя и мифологизируя историю южных и западных славян в нужном им направлении. История остальных народов региона им казалась незначимой.

В третьей четверти XIX – начале XX вв. в России происходит бурное развитие славяноведения. Это во многом объяснялось пробуждением интереса российской общественности к положению южных и западных славян за пределами России и геополитическими амбициями Российской империи на Юго-Востоке Европы, где Санкт-Петербург хотел разыграть «славянскую карту» в политических целях. Российские ученые начинают активно собирать и изучать источники и исследовательскую литературу по истории славян. В это же время появляются первые фундаментальные труды по истории южных и западных славян.¹ Данные обстоятельства объективно стимулировало интерес в России к истории Венгрии, в составе которой оказались многие славянские народы.

Венгрия, ее национальный характер и исторические судьбы всегда вызывали противоречивые оценки в российской общественно-политической мысли последней трети XIX – начале XX вв. Россияне, непосредственно побывав-

шие в Венгрии, оставляли, довольно положительные, воспоминания о рядовых венграх. Они, как правило, отмечали их гостеприимство, дружелюбие, чувство личного достоинства и отсутствие вражды по отношению к русским.² Многие ученые и публицисты указывали на энергичность, патриотизм, которые наряду с ростом культурного уровня венгерского народа, позволили Венгрии занять доминирующие позиции в политической жизни Австро-Венгрии.³

Первую серьезную попытку научного исследования истории Венгрии и славянских народов, проживающих на территории страны, предпринял Г. Гильфердинг в 60-е гг. XIX в. Г. Гильфердинг, будучи сторонником идеи славянской общности, одним из первых забил тревогу по поводу отсутствия в интеллектуальном пространстве России системного знания об истории славянских народов Европы. На его взгляд, такое положение дел объяснялось двумя причинами: 1) славяне не имели в XIX в. своих государственных образований, составной частью империй, созданных немцами и турками, и вся информация из империи Габсбургов, Германии, Османской империи касалась только жизни титульных наций; 2) русские привыкли смотреть на мир глазами иностранцев, а последние сознательно мало уделяли внимания славянам, особенно немцы.⁴ Г. Гильфердинг попытался очертить проблему взаимоотношений Венгрии со славянским миром на протяжении всей ее истории. Сам факт появления венгров в Европе он признавал трагической исторической случайностью, отрезавшей южных и западных славян друг от друга и от России.

В то же время ученый видел в политике венгров в эпоху средневековья и на заре нового времени проявление национальной и религиозной терпимости, обусловившей мадьяро-славянский компромисс в Венгерском королевстве вплоть до начала XIX в. На примере взаимоотношений венгров со словаками и хорватами в XIX в. Г. Гильфердинг раскрывал пагубность политики мадьяризации не только для славян, но и для самих венгров, ибо она вела к разжиганию межнациональной розни в Венгрии и ослаблению ее позиций перед Австрией.⁵ Существенное внимание Г. Гильфердинг уделял процессу национального возрождения у хорватов и словаков, явно его идеализируя.

В 60-е гг. появляются первые работы, затрагивающие отдельные аспекты жизни и исторического прошлого славянских народов Венгрии. Монография В. Макушева, изданная в 1867 г., была полностью посвящена истории хорватов и их взаимоотношениям с соседними народами. Автор много внимания отводит анализу развития хорватской культуры и ее влиянию на хорватское национальное возрождение.⁶ В статье В. Иванова-Желудкова, опубликованной несколько ранее современные исследователи найдут бесценный материал о повседневной жизни и традициях словацких крестьян, живших в районе Пожони (Братиславы).⁷ Автор не рисовал в мрачных тонах будущее словаков в Венгрии, и в то же время он его не идеализировал.

Крупным историком славянства Венгрии был В. Ламанский, которого, прежде всего, интересовали исторические судьбы славян и православия в Карпато-Дунайском регионе. Он постоянно указывал на необходимость изучения истории Венгрии в целом и отдельных ее народов, в сравнении с историей соседних славянских народов (чехов, поляков, сербов). В этой связи одну из своих крупнейших работ В. Ламанский полностью посвятил положению сербов в Сербском княжестве и на юге Венгрии. Причем, рассуждая о борьбе русофильской и австрофильской тенденций в сербском обществе, ученый приходил к выводу, что проводником австрофильства у сербов являлась либеральная омадьярившаяся интеллигенция, а русофильства – широкие слои населения.⁸ Отсюда как бы сам собой напрашивался вывод о возможности в будущем укрепления сербо-русских взаимоотношений.

В это же время в России была уже весьма популярна идея мессианского предназначения России, заключающаяся в необходимости освобождения Россией западных и южных славян от австро-венгерского и турецкого ига. Уже на всероссийской этнографической выставке и славянском съезде в мае 1867 г. постоянно звучали призывы к властям Российской империи принять решительные меры по освобождению угнетенных братьев славян.⁹ Это предполагало и возможность начала боевых действий с Дунайской империей.

В данном русле была выдержана деятельность большинства славянских комитетов, которая вызвала большое беспокойство в Будапеште и в Вене. Постоянно лидеры данных комитетов заявляли о своем нежелании вмешиваться в политические дела, акцентируя внимание на духовных и просветительских целях деятельности комитетов. Однако за этими внешне вполне благовидными целями стояли далеко идущие политические планы многих лидеров славянофильского движения в России. В.Ламанский в письме своему коллеге В.Макушеву прямо заявил, что конечная цель доктрины «Славянского единения (братства)» заключается в создании славянской федерации с центром в Царьграде: «...об этом надо помнить, иногда говорить и не забывать никогда».¹⁰ Все это во многом предопределило популярность книги Н. Данилевского «Россия и Запад» среди различных слоев российского общества.¹¹

Важным этапом в развитии российского славяноведения стало издание в 1875 г. «Славянского сборника», который вызвал оживленные дискуссии среди российских интеллектуалов. Авторы сборника затронули и проблему положения славян в Венгрии и их взаимоотношений с венгерской политической элитой. В сборнике содержался очерк Пича, представляющий собой попытку систематизации и структурирования словацкой истории с древнейших времен и до последней трети XIX в. Автор много внимания уделял положению различных сословий словацкого общества, особенно крестьян, развитию словацкой культуры и религиозных течений, доминирующим среди словаков, а также обострению венгеро-словацких взаимоотношений в 40-е гг. XIX в. Пич

одним из первых в российской историографии обратил внимание на тот факт, что словаки-лютеране были в меньшей степени подвержены мадьяризации и играли решающую роль в развитии словацкого национального возрождения.¹²

В данном сборнике содержалась статья неизвестного автора, анализировавшая положение украинцев (русин) в Подкарпатской Руси в 50-70-е гг. XIX в. В представленном очерке положение русин оценивалось как тяжелое, даже по сравнению с другими славянскими народами Венгрии. Причина этого заключалась в том, что в Подкарпатской Руси национальный гнет русин тесно переплетался с крайним обнищанием населения и более того, среди русин практически отсутствовали попытки национального возрождения, ибо церковь и немногочисленная русинская интеллигенция оказались полностью мадьяризованными. Политикой раскола украинского народа с последующей полной мадьяризацией русин автор считал теорию, популярную в Венгрии, о русинах, как об отдельном народе Восточной Европы, которая, по его мнению, не выдерживала никакой критики.¹³

Славянофильские и панславистские воззрения встретили мощную оппозицию со стороны либералов и значительной части политической элиты страны. Уже хотя бы потому, что сама Россия нуждалась в серьезной модернизации, а авантюристская политика панславистов могла привести Россию к катастрофе. Либералы прекрасно понимали, что отсталая, самодержавная Россия была непривлекательна для южных и, особенно, западных славян. «Россия не может стать политическим лидером во главе славянских народов, пока она сама не достигнет надлежащего гражданского и политического благоустройства, пока не станет на высоту образцового славянского государства, нравственно притягивающего к себе однородные политические тела, менее благоустроенные и сильные...», — писал один из либеральных российских авторов.¹⁴ В условиях конца XIX века на одних этнических симпатиях невозможно было строить отношения даже с близкими по происхождению народами. Для этого были необходимы политические, социокультурные, экономические предпосылки. Особенно российских либералов возмущали рассуждения славянофилов о необходимости перевода в православие всех славян, что, дескать, ускорит создание всеславянской империи. По их мнению, эти планы настраивали против России славян-католиков, формируя у них антироссийские настроения.¹⁵

Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. и решения Берлинского конгресса способствовали дальнейшему росту в России интереса к положению южных и западных славян. В конце 70-х-90-е гг. в России появляется целый ряд монографий, статей, посвященных положению славян в Венгрии и славянскому вопросу в Центральной и Юго-Восточной Европе в целом. Серьезное внимание взаимоотношениям венгров и славян в исторической ретроспективе уделял И. Первольф.¹⁶ Значимость данной проблемы в условиях оче-

редного обострения ситуации на Балканах подчеркивало само название его цикла статей в «Русском вестнике» – «Мадыяры и восточный вопрос». По мнению И. Первольфа венгры в XIX в. занимали явные антиславянские позиции, поддерживая, турок в их борьбе с южными славянами. Практически все статьи автора были выдержаны в резком антимадьярском тоне. В частности, соглашение 1867 г. он считал большой ошибкой Австрии, так как Будапешт после него получила неограниченные возможности для угнетения славян, немцев, румын Венгрии.¹⁷ Особое внимание И. Первольф обращал на анализ отношений венгров с сербами, подчеркивая резкую неприязнь мадьяр к сербскому национальному возрождению в Венгрии и за ее пределами.

На страницах российских изданий в это время встречается огромное количество критических оценок роли Венгрии в развитии Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно на страницах славянофильских изданий. Прежде всего, в России вызывало острое недовольство политика венгерского правительства по отношению к национальным меньшинствам и, прежде всего, к славянам.¹⁸ Эта политика основывалась, по мнению многих авторов, на крайнем мадьярском национализме и патологической боязни венгров панславизма, зачастую мнимого.¹⁹

Апофеозом данного направления в российской историографии стали работы ученика В.Ламанского - А.С. Будиловича, считавшегося в России одним из лучших специалистов по венгерской проблеме. По его мнению, венгры (мадыяры) находились в своем развитии на уровне средневековья, не оставив никакого следа в мировой истории. «Таким образом, это в наилучшем случае тысячелетие довольно темного и безвестного существования в середине Европы мелкого тюркофинского народа, исторический вклад которого отнюдь не превышает вкладов, положим албанцев, валахов, литовцев...и других второстепенных народов», – писал А.С. Будилович.²⁰

Данного исследователя очень волновал вопрос – почему славяне, будучи по численности и по культуре выше венгров их не ассимилировали. А.С. Будилович находил причины этого в следующем: 1) ассимиляция венграми родственных народов (секлеров, куманов); 2) их близость к турам и татарам по духу родственным венграм; 3) поддержка немцами венгров в их противостоянии со славянами; 4) раздоры среди самих славян; 5) этнопсихологические особенности венгров; 6) сознательное ограничение естественной ассимиляции народов Венгрии. Ученый полагал, что венгры обязательно будут поглощены германским или славянским миром, если только они не вступят в союз со славянами.²¹ А.С. Будилович мечтал о создании федерации православных народов Центральной и Юго-Восточной Европы под эгидой России с отторжением у Венгрии Подкарпатской Руси, районов, заселенных сербами и румынами. Первым шагом на пути реализации данных планов, по мнению автора, должна была стать федерализация Австро-Венгрии.²² А.Будило-

вич раскрывал главное цивилизационное противоречие, которое не способствовало проживанию славян и румын в рамках империи Габсбургов. Оно заключалось в том, что немцы и венгры в социокультурном отношении ориентировались на западную, католическую культуру, а славяне и румыны на восточную, православную.²³ Это облегчало задачу создания православной империи.

Эти воззрения нашли отражение и во взглядах известного в России славяноведа А. Риттиха, который в очередной раз говорил о необходимости активного изучения истории славян и о неудовлетворительном состоянии российского славяноведения. По его мнению, исследование славянского мира необходимо по двум причинам: 1) важно осмыслить вклад славянских народов в развитие мировой цивилизации; 2) следует спасти славян от нападок недоброжелателей.²⁴ А. Риттих выражал в своих взглядах довольно распространенную в России точку зрения на исторические судьбы народов Средней Европы. Автор полагал, что будущее славянства заключается в его объединении с Россией, а Венгрия в случае, ее отделения от Австрии будет поглощена славянским миром.²⁵ Позднее данный подход применительно к анализу положения славян в Венгрии применил Ф. Пуцькович, который также писал о вере славян Венгрии в «Великую Россию». Практически вся работа Ф. Пуцьковича была пронизана явно предвзятым отношением к Венгрии. Пожалуй, главный ее лейтмотив звучал в следующих словах автора: «Из всех европейцев венгерцы принадлежат к числу наиболее чуждых и недоброжелательных нам народов».²⁶

Важное место при исследовании положения славян в Венгрии занимает работа Е.Н. Водовозовой «Жизнь европейских народов». Она дистанцировалась от расистских и мадярофобских заявлений большинства российских исследователей. Это был один из первых примеров в российской историографии написания социальной истории. Е.Н. Водовозова стремилась, многогранно подойти к анализу сложнейших проблем развития Центрально-Восточной Европы. Так, рассуждая о национальном характере венгров, она отмечала, с одной стороны, их храбрость, патриотизм, гостеприимство, добродушие, а с другой стороны низкий уровень культуры большинства населения, некоторую леность и т.д.²⁷ Е.Н. Водовозова обратила внимание на уже сточение отношения венгерских властей, а не венгерского народа к славянам Венгрии в 70-е гг. XIX в. Она не смешивала в единое целое «официальную точку зрения» и настроения широких слоев мадярского населения. Говоря о положении словаков в Венгрии, она отмечает мелочные придирки венгерских чиновников к словакам и ущемление их национальных чувств. В тоже время Е.Н. Водовозова была абсолютно убеждена в неминуемом крахе политики насильственной мадяризации. Анализируя эту политику, автор приходила к выводу, что она не приводит к ассимиляции словаков и других славянских народов. Более того, в результате естественной ассимиляции словаки постепенно поглощают мадярские и немецкие общины Северной Венгрии.²⁸

В 80 – 90-е гг. XIX в. российская историография и публицистика проявили значительный интерес к «хорватской проблеме». Это было связано с обострением хорватско-венгерских взаимоотношений после оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и отказа Вены и Будапешта от идеи присоединения Боснии и Герцеговины к Хорватии. Российских авторов, рассуждающих о всеславянском единстве, традиционно остро волновал вопрос, как добиться единства между славянами-православными и славянами-католиками, тем более обострение русско-польских взаимоотношений во второй половине XIX в. актуализировало данную проблему.

Исследователи хорватской истории попытались доказать на конкретно-историческом материале несостоятельность и даже опасность заблуждения некоторых авторов о возможности отказа славян от католицизма и их перехода в православие, на чем будет основываться пресловутое всеславянское единство. Уже в 1881 г. в одной из редакционных статей «Вестника Европы» прямо указывалось на развитие у хорватов и словаков «идей австрославизма» из-за «русской болтовни» о необходимости принятия ими православия.²⁹ И это, несмотря на всю тяжесть их положения в Австро-Венгрии. Еще более активно данную позицию отстаивал один из крупнейших специалистов по Хорватии М.М. Филлипов. В своей монографии «Хорваты и борьба их с Австрией» он дал обширный анализ хорватской истории с древнейших времен до конца 80-х гг. XIX в. Особое место автор отводит исследованию взаимоотношений Хорватии с Габсбургами в целом и с Венгрией в частности. М. Филлипов одним из первых в России довольно основательно рассмотрел историю развития и главные составные хорватской теории права, причем явно относясь к ней с большой симпатией. Это и предопределило его негативное отношение к доктрине югославизма и деятельности И. Штроссмайера, что было в целом нехарактерно для российской историографии. М. Филлипов будущее Хорватии видел в ее полном разрыве с Венгрией и в создании «Великой Хорватии» полностью независимой, либо находящейся в личной унии с Габсбургами.³⁰

С взглядами М.М. Филлипова во многом был не согласен другой крупный российский хорватовед А.Л. Липовский. В его монографии «Хорваты» содержатся довольно интересные очерки о социально-экономическом, политическом и культурном развитии Хорватии. Для А.Л. Липовского Хорватия – это страна больших контрастов, где вопиющая нищета широких слоев населения сочеталась с высоким уровнем национального самосознания хорватов.³¹ По его мнению, хорватское национальное возрождение возникает в годы реформ императора Иосифа II и Великой французской революции. После поднятия мадьярами в 20-30-е гг. XIX в. вопроса о статусе венгерского языка оно быстро развивается и приобретает явную антимадьярскую направленность. На взгляд А.Л. Липовского, теория «Великой Хорватии» скорее всего не будет реализована по трем причинам: 1) неблагоприятная междуна-

родная обстановка и, прежде всего, на Балканах; 2) раскол между хорватским обществом и правящей элитой, где было много мадярофилов; 3) пренебрежение правительством Хорватии интересов широких слоев населения.³²

С середины 90-х гг. XIX в. в России появляется цикл статей, посвященных положению славян в Венгрии. Интерес к этой проблематике был стимулирован публикациями в «Галицко-Русском вестнике» материалов, обличающих политику венгерских властей в Подкарпатской Руси и пышным празднованием в 1898 г. в Будапеште «Миллениума». «Тысячелетие» Венгрии, по мнению правящих кругов, должно было продемонстрировать торжество доктрины «венгерской политической нации», что вызывало бурные протесты представителей национальных меньшинств страны. Уже в первом номере «Галицко-Русском вестнике» жесткой критике подвергалась политика Будапешта по отношению русин. На основе исторических экскурсов авторы «Вестника» показывали процесс потери русинами своей «русской» самобытности, решающую роль в этом кроме властей Австрии и Венгрии играло униатское духовенство. Особенно тяжелым положение русин стало после заключения дуалистического соглашения: «Мадьярские правительство, чтобы подавить возрождающиеся самосознание угрорусского народа, действовало весьма энергично».³³ По сложившейся в России традиции авторы «Вестника» выделяли три течения в национальном движении русин: москофильское, мадярофильское и украинофильское. Симпатии русских ученых было на стороне москофильского направления, уничтоженного с помощью репрессий венгерскими властями. Между украинофильским и мадярофильским течениями они ставили знак равенства, полагая, что лидер украинофилов в Венгрии В.Чопей действует в интересах политики мадяризации русин.

Будучи свидетелем отмечания «Миллениума» известный российский публицист Л.Василевский опубликовал ряд статей на страницах «Русского богатства». Л.Василевский признавал внушительный рывок, который совершила Венгрия после 1867 г. Это, прежде всего, относилось к ее экономике, культуре и образованию. И все было бы хорошо, если только не стремления венгерской элиты «денационализировать» национальные меньшинства в стране и сделать из них первоклассных мадярских граждан. Инструментом в проведении данной политики, на взгляд Л.Василевского, стала венгерская школа.³⁴ В угоду политики мадяризации Будапешт пошел даже на нарушение закона «о нациях» 1868 г. Но все эти усилия были тщетны, так как празднование «тысячелетия» Венгрии привело не к демонстрации победы доктрины «венгерской политической нации», а наоборот, способствовало всплеску борьбы национальных меньшинств за свои права. Показателем этого стало то, что к оппозиционному движению присоединился самый инертный народ Венгрии, по мнению Л.Василевского – словаки. О том, что насколько неблагоприятно положение национальных меньшинств в Венгрии, на взгляд

публициста, говорил и тот факт, как сдержанно и даже критично на «Миллеиум» отреагировала австрийская и западноевропейская пресса.³⁵

В первые годы XX в. в России несколько ослабевает интерес к проблеме положения славян в Венгрии. На повестку дня вышли обострение австро-сербских противоречий после переворота 1903 г., общая нестабильность на Балканском полуострове, чешско-немецкий и польско-украинский конфликты в Австрии, затмившие все остальные события. Война с Японией и внутривенгерская нестабильность в самой России на время отодвинули на второй план события, происходившие в Венгрии. Появляющиеся публикации затрагивали отдельные, наиболее актуальные и злободневные проблемы Венгрии. Одной из таких тем стала смерть И. Штроссмайера, после которой сразу появляется биографический очерк И.Я. Вацлика, написанный с большой симпатией к покойному.³⁶ Наиболее популярной темой у российских авторов в это время оставалась оценка политики мадьяризации в Венгрии и ее влияние на славян страны.

Практически все авторы осуждали политику венгерских властей по отношению к национальным меньшинствам. Н. Борецкий-Бергфельд, Н.И. Кареев, П. Звездич признавали наиболее благоприятным в Венгрии положение Хорватии, получившей широкую автономию в 1868 г., хотя и она испытывала на себе сильное давление Будапешта.³⁷ По мнению Н. Борецкого-Бергфельда другие народы мадьяры стремятся ассимилировать с помощью образовательной политики и дискриминационного избирательного права.³⁸ Н. Кареев и П. Звездич отмечали несоответствие между венгерской конституцией и реальным положением дел в стране. Формально закон 1868 г. «о нациях» и ряд других законодательных актов гарантировали права немадьярской части населения, но на практике их никто не соблюдал.³⁹ Правда, П. Звездич, кроме насильственной мадьяризации выделял еще процесс естественной мадьяризации и эти понятия он призывал не смешивать. В целом российскими авторами положение славян в Венгрии расценивалось значительно хуже по сравнению с положением славян в Австрии.

Из довоенных публикаций необходимо особо отметить монографию А. Сиротина, и одну из статей Л. Василевского. В своей работе А. Сиротин весьма подробно остановился на анализе развития образования в словацких и русинских районах Венгрии, рассматривая при этом результаты образовательной политики венгерского правительства среди словаков и русин. Относясь к ней резко отрицательно, как к дискриминационной и явно ущемляющей национальные чувства словаков и русин, автор в тоже время признавал, что она имела весьма незначительные результаты, ибо у правительства Венгрии не хватало средств для полной мадьяризации школ. Кроме этого, значительная часть населения оказалась невосприимчивой к обучению сложному венгерскому языку. Осуждая политику мадьяризации, в качестве главного довода А. Сиротин приводил слова И. Сечени: «...мадьярское слово это не значит мадьярские чувства».⁴⁰

Л. Василевский накануне Первой мировой войны в «Русском богатстве» опубликовал обширную статью, посвященную русинам Венгрии. По обилию фактологического материала и уровню теоретического осмысления процессов в Подкарпатской Руси она значительно отличалась в лучшую сторону по сравнению с предыдущими работами по «русинской» тематике и другими материалами Л. Василевского. Он в статье уделил много внимания этнографическим, лингвистическим особенностям русин, условиям их жизни, истории взаимоотношений с Габсбургами. Автор отмечал слабость москофильства среди русин, ибо широкие слои населения не воспринимали русский язык и русскую культуру.⁴¹ Л. Василевский стал первым российским исследователем, проанализировавшим деятельность комиссии Э. Эгана в Подкарпатской Руси и ее результаты, которые оценивались в целом положительно.⁴²

В начале XX в. в российской публицистике встречаются первые публикации, где говорилось о возможности решения славянского вопроса в рамках Венгрии, если страна пойдет по пути федерализации и демократизации. Правда на пути этого в самой Венгрии стояли серьезные препятствия, но если она их не преодолеет, то страна будет обречена на серьезную национальную катастрофу.⁴³

Хорватская проблематика в начале XX в. становится доминирующей в потоке информации, приходящей из Венгрии. События 1907 – 1914 гг. в Триедином королевстве большинством российских исследователей расценивалось, как наступление Венгрии на права Хорватии с целью ее постепенной мадьяризации. По их мнению, весь венгерский конституционализм был основан на мадьярском национализме и ненависти к славянской расе, что в результате ослабляло позиции Венгрии в ее противостоянии с Австрией и дестабилизировало внутривосточную ситуацию в стране.⁴⁴ Особенно резко политика Венгрии в Триедином королевстве критиковалась на заседаниях всякого рода славянских обществ. В частности, на заседаниях «Общества славянского научного единения», во главе которого стоял известный российский ученый-академик В.М. Бехтерев. Ученый искренне верил в возможность создания в будущем славянского союза, объединяющего все славянские народы Европы.⁴⁵

Последовательную антивенгерскую позицию в начале XX в. занимал «Русский вестник», продолжавший по каждому поводу критиковать национальную политику правительства Венгрии, особенно по отношению к хорватам. В частности, в статье, посвященной жизни и деятельности И. Штроссмайера прямо говорилось о начале для Хорватии и Славонии с 1866–68 гг. времен «царствования террора и насилия», а также ущемления хорватского исторического права. В данной публикации как бы неволью делался вывод о необходимости объединения южных славян и их сближения с Россией. Особо подчеркивалась важность сближения славян-православных и славян-католиков.⁴⁶

Начало первой мировой войны вызвало всплеск интереса к славянам Карпато-Дунайского региона в российской историографии и публицистике.

Уже в одной из первых монографий, посвященных данной проблематике, крупнейшего слависта России К.Я. Грота прямо указывалось, что Австро-Венгрия, будучи «тюрьмой и вековым насилием западного славянства» в связи с войной вот-вот развалится, и Россия должна подготовиться к территориальному переустройству Карпато-Дунайского региона.⁴⁷ Но, для этого необходимо знать историю развития региона и его этнополитические особенности. На основании историографического обзора, К. Грот приходит к заключению, что российское славяноведение развито очень слабо, а исследование положения славян в Венгрии, как и «мадяроведение» в целом находятся в зачаточном состоянии, а имеющиеся работы не выдерживают никакой научной критики.⁴⁸ Кстати, монография К. Грота является одной из первых попыток историографического осмысления багажа российского славяноведения. К. Грот, пожалуй, стал первым российским ученым, призвавшим к созданию отдельного направления во всеобщей истории, специализирующемуся на изучении истории Венгрии. Будущее Венгрии ученый видел в союзе венгров с немадярскими народами страны и, прежде всего, славянами, в противном случае Венгрия погибнет под ударами германизма.⁴⁹

Взгляды К. Грота на послевоенное будущее Венгрии во многом поддерживал А. Петров. По его мнению, после войны не следует уничтожать Венгрию, ее лишь надо будет трансформировать с учетом интересов всех народов, населяющих страну. «Мадьярская гегемония – мы убеждены – довольно хрупкая вещь. Необходимо, конечно, ее разбить и обеспечить свободу национального развития всем народностям Угрии...».⁵⁰ При этом Венгрия может потерять ряд своих территорий, хотя сам А. Петров не уточнял, что это будут за территории. Он лишь сомневался в желании румын Трансильвании присоединиться к Румынии, критиковал чехословацкую идею на том основании, что словаки ее не поддерживают, и вообще они тяготеют больше к России, чем к Праге и признал возможность дальнейшего вхождения в состав Венгрии Подкарпатской Руси.⁵¹

Будущее этого региона особенно волновала российских историков и публицистов в годы первой мировой войны. Здесь, конечно, прослеживалось их убеждение в необходимости присоединения области к России, поэтому мнение А. Петрова по поводу перспектив Подкарпатской Руси являлось исключением. В 1915-1916 гг. выходит буквально вал литературы об истории и современности Угорской (Подкарпатской) Руси, охватывающей самые разнообразные стороны из жизни русин. Правда, принципиально нового в изучении проблем русин ничего не вносится по сравнению с предыдущими периодами. Публикации имели явно ангажированный, предвзятый характер в оценке национальной политики венгерского правительства.⁵²

Примерно в таком же духе были выдержаны оценки положения словаков, хорватов и сербов в Венгрии. В качестве примера можно привести книгу Д.И. Селиза «Австрийские сербо-хорваты и Сербия», где автор, анализируя этнополи-

тические процессы на юге Австро-Венгрии и в Сербии, а также быт и нравы населения, прямо заявляет, что вся история сербов и хорватов в составе Австро-Венгрии есть пример их нахождения в «австро-мадьярском рабстве» и не более того.⁵³ И только Сербия после 1903 г. осознавшая свою историческую миссию на Балканах была способна освободить единый сербо-хорватский народ (!) и всех южных славян.⁵⁴

Однако при анализе основных тенденций развития интеллектуальной мысли отдельной исторической эпохи, зачастую встречаются интересные и содержательные исключения. В 1916 г. в самый разгар первой мировой войны бывший сотрудник Генерального консульства России в Будапеште Г.Д. Маврокордато издает двухтомник «Описание Венгрии».⁵⁵ Это исследование по праву можно отнести к разряду революционных историографических исследований. По своему содержанию и оценке исторического развития Венгрии работа коренным образом отличалась от предшествующих исследований по венгерской истории. Появление этого труда стало сенсацией не только для отечественной, но и зарубежной историографии.

Маврокордато создал многоплановое исследование истории Венгрии. То обстоятельство, что Г.Д. Маврокордато долгое время жил и работал в Венгрии, посетив многие регионы страны, познакомившись с особенностями национального характера народов, населяющих страну, способствовало появлению этого интересного научного исследования. Для Маврокордато все проблемы национального и культурного противостояния мало значимы, он стремится понять венгров, особенности внутривосточной жизни страны и ее истории. Он прямо отмечает, что Россия и Венгрия, ближайшие соседи, поэтому соседнюю страну необходимо активно изучать, так как оба народа обречены на сосуществование. Вся работа автора в целом выдержана в очень уважительном отношении к Венгрии, в ней не встречаются те нелицеприятные эпитеты, которыми использовали отечественные авторы при изучении Венгрии. В дореволюционной историографии это было лучшее исследование по истории Венгрии, не потерявшее своей значимости и при исследовании истории Венгрии в наши дни.

* * *

Российская дореволюционная историография в период своего наивысшего развития на рубеже XIX – XX вв. оставила довольно значительный пласт работ, посвященных истории Дунайской империи. Главным образом, данные исследования были посвящены истории славянских народов, оказавшихся в составе империи Габсбургов, в меньшей степени это относилось к неславянским народам австрийской половины империи. История Венгрии выпадала из этого звена, Венгрии для российского исследователя вплоть до начала первой мировой войны являлась своеобразной «*Terra incognita*», о Вен-

грии в трудах отечественных авторов встречаются эпизодические, обрывистые сведения. Имевшиеся исследования, конечно по своему характеру и подходам не могли претендовать на создание некой целостной картины исторического развития Венгрии в XVIII- начале XX вв.

Возникает вопрос, чем было вызвано такое отношение отечественных авторов к истории Венгрии? Причин было несколько. Первая- это незнание реального положения дел в Венгрии. Владение венгерским языком было редкостью в России, венгерские архивы, значительная часть периодики и исследований венгерских авторов были недоступны для россиян. Поэтому, зачастую сведения о развитии венгров, российские авторы черпали из работ славян Австрии и Венгрии, которые, решая, свои политические и прочие проблемы не очень жаловали венгерскую историю и современность, сознательно в некоторых случаях идя на подтасовку исторических фактов. Вторая - это формирования в России образа «австро-венгерского врага», особенно после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Столкновение интересов двух империй на Балканах, их борьба за умы и чаяния разделенных народов (украинцы, поляки) привели к созданию в общественном сознании россиян устойчивого мнения, что Австро-Венгрия является, чуть ли не главным противником России на геополитической карте мира. Третья причина- это распространение в российском обществе славянофильских и панславистских настроений. В этой связи Дунайская империя выступала в качестве основного барьера в деле объединения славянских народов. Вся история Венгрии и Австрии начинает рассматриваться через призму борьбы славянства с германизмом и мадьяризмом на протяжении многих веков существования империи Габсбургов. Первая мировая война только укрепила мадьярофобию в кругу российских интеллектуалов и среди части российского общества.

Таким образом, история Венгрии и венгерского народа в российской дореволюционной историографии формировалась под жестким гнетом идеологических и геополитических факторов, что привело к весьма предвзятому отношению отечественных авторов к историческому наследию Венгрии. Для них венгры, как правило, выступали в качестве отсталого, полуварварского народа, способного только к восприятию чужих достижений и абсолютно неспособного на созидание. Некоторые исследователи, апеллируя модными в то время расовыми теориями, отказывали венграм в принадлежности к семье европейских народов, относя их числу азиатских, варварских племен, этим самым, объясняя жестокость, шовинизм венгров и их неприменимость к славянской культуре. Мадьярофобия стала доминирующей тенденцией в развитии российской историографии в последней трети XIX - начале XX вв. Исследования, которые были выдержаны в духе «некоторой симпатии» к венграм, практически полностью отсутствовали. Данная тенденция плавно пере-

кочевала в советскую историографию, во многом определяя восприятие венгерской истории и в современной исторической науке России.

Примечания

- ¹ *Любовский М.К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Издание 2-е. М., 1918; *Погодин А.Л.* Краткий очерк истории славян. М., 1915 и др.
- ² *Верецагин А.* У болгар и за границей 1881-1893. Воспоминания и рассказы. СПб., 1896.; *Попов Н.* Венгерские степи. Отрывок из путевых воспоминаний. // Русский вестник. 1868. №7. С. 93.
- ³ *Воллан Г.* Годы восстания в Венгрии. // Вестник Европы. 1883. №4. С. 613; *Иностранное обозрение.* // Вестник Европы. 1896. №6. С. 803.
- ⁴ *Гильфердинг Г.* Собрание сочинений. Т.2. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868. С.4.
- ⁵ *Гильфердинг Г.* Указ. соч. С. 138-139.
- ⁶ *Макушев В.* Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, этнографические и исторические. СПб., 1867.
- ⁷ *Иванов-Желудков В.* Словацкие села под Пресбургом. // Русский вестник. 1864. №8. С. 5-29.
- ⁸ *Ламанский В.* Сербия и южно-славянские провинции Австро-Венгрии. Из записок о славянских землях. СПб., 1864. С. 23.
- ⁹ ОР РГБ Ф. 332 Чижов К.6. Ед. 10. Л. 2-5; Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867.
- ¹⁰ ОР РГБ Ф. 156 Макушев К.5. Ед. хр. 76. Л. 4.
- ¹¹ *Данилевский Н.Д.* Россия и Запад. М., 1993.
- ¹² *Пич.* Очерк политической и литературной истории Словакии в последние сто лет. / Славянский сборник. Т. 1. СПб., 1875. С. 165.
- ¹³ О современном положении русских в Угрии. / Славянский сборник. Т.1...С. 58.
- ¹⁴ *Иностранное обозрение.* // Вестник Европы. 1882. №3 .С. 428.
- ¹⁵ Австрия, Германия и славяне. // Вестник Европы. 1881. №4. С. 863-864.
- ¹⁶ *Первольф И.* Славяне и их взаимные отношения и связи. Т.1. Варшава, 1886.
- ¹⁷ *Первольф И.* Магьяры и восточный вопрос. // Русский вестник. 1877. №10. С. 782.
- ¹⁸ Русский вестник. 1884. №5.
- ¹⁹ *Первольф И.* Магьяры и восточный вопрос. // Вестник Европы. 1877. №10. С. 800-802; За границей. // Русский вестник. 1882. №9. С. 425-426.
- ²⁰ *Будилович А.С.* Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896. С. 18.
- ²¹ Там же. С. 23.
- ²² *Будилович А.С.* Об основных воззрениях А.И. Добрянского. СПб, 1901. С. 8.
- ²³ *Будилович А.С.* О необходимости укрепления духовных связей России с Червленной Русью. // Галицко-Русский вестник. 1894. №1. С. 11.

- ²⁴ Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. / Сост. А.Ф. Риттих. Варшава, 1885. С.1.
- ²⁵ Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование ...С. 338.
- ²⁶ Венгерцы. Чтения для народа./Сост. Ф.Ф. Пуцыкович. СПб., 1897. С. 16.
- ²⁷ *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов. Т. 3. Жители Средней Европы. СПб., 1883. С. 509-517.
- ²⁸ Там же. С. 559.
- ²⁹ Австрия, Венгрия и славяне. // Вестник Европы. 1881. №4. С. 863-865.
- ³⁰ *Филиппов М.М.* Хорваты и борьба их с Австрией. СПб., 1890. С. 13-14.
- ³¹ *Липовский А.Л.* Хорваты. СПб., 1900. С. 51.
- ³² Там же. С. 158.
- ³³ Национальное движение в Угорской Руси.//Галицко-Русский вестник. 1894...№1.С.59.
- ³⁴ *Василевский Л.* Из Австрии.// Русское богатство. 1898.№7. С.96.
- ³⁵ *Василевский Л.* Из Австрии.// Русское богатство. 1898.№8. С.101.
- ³⁶ *Вацлик И.Я.* Эпоха Штроссмайера у хорватов. // Русский вестник. 1905. №8. С. 632-664.
- ³⁷ *Борецкий-Бергфельд Н.* История Венгрии в средние века и новое время. СПб., 1908. С. 202; *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 364; Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах. Т. 2. СПб., б.г. С. 44-45.
- ³⁸ *Борецкий-Бергфельд Н.* Указ. соч. С. 203-204.
- ³⁹ *Кареев Н.И.* Указ. соч. С. 364; Государственный строй и политические партии...С. 49.
- ⁴⁰ *Сиротин А.* Народная школа у словаков. СПб., 1903. С. 29.
- ⁴¹ *Василевский Л.* Венгерские «руснаки» и их судьбы. // Русское богатство. 1914. №3. С. 375.
- ⁴² Там же С. 382.
- ⁴³ *Ларский И.* Торжество абсолютизма в Венгрии. // Мир Божий. 1906. №3. С. 68-69.
- ⁴⁴ Обзор иностранной жизни. // Русское богатство. 1912. №4. С. 109-110.
- ⁴⁵ *Бехтерев В.М.* Значения единения родственных народов в общечеловеческой культуре и современные вопросы славянства / Славянский вопрос в его современном значении. Речи и статьи. СПб.,1913.
- ⁴⁶ *Вацлик И.Я.* Эпоха Штроссмайера у хорватов. // Русский вестник. 1905. №8. С. 663.
- ⁴⁷ *Грот К.Я.* Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических исследованиях. Пг., 1914. С. 111.
- ⁴⁸ Там же С. 110-112.

⁴⁹ Там же С. 97.

⁵⁰ *Петров А.* Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Пг., 1915. С. 22; *Он же.* Мадыарская гегемония в Угрии (Венгрии) и Угорская Русь. Пг., 1915.

⁵¹ *Петров А.* Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии ... С. 24-25.

⁵² *Белгородский А.В.* Порабощенное славянство (в Австро-Венгрии и Германии). Пг., 1915; Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915; *Покос А.П.* Славянские народы Австро-Венгрии. Краткий очерк их прошлого, быта и современного положения. Киев, 1915.

⁵³ *Селиз Д.И.* Австрийские сербо-хорваты и Сербия. М., 1916. С.5.

⁵⁴ Там же. С. 17.

⁵⁵ *Маврокордато Г.Д.* Описание Венгрии. В 2-х Т. Париж, 1916.

С.Л. Юсов (Киев)

Историографические наблюдения в связи с письмом британорусского слависта Н. Андреева к В. Голобуцкому

Одним из свидетельств причастности украинского советского историка Владимира Алексеевича Голобуцкого к мировой славистике является его участие в Международном конгрессе исторических наук (далее – МКИН) в Стокгольме. Контакты ученого на конгрессе с зарубежными учеными-славистами были достаточно многочисленными. Впрочем, в данной статье в основном коснемся обстоятельств его общения с британским славистом Н. Андреевым (русским эмигрантом) из Кембриджа. Поводом к написанию нашей работы послужила находка в личном архиве В. Голобуцкого письма (прилагается как дополнение к данной статье) и копии одной из статей Н. Андреева. Вообще, следует заметить, что эпистолярная связь занимает важнейшее место среди самых разнообразных форм обмена мыслями между историками¹. Эпистолярный также немало способствует воссозданию и пониманию соответствующих нюансов и перипетий историографического процесса, реконструкции отдельных аспектов интеллектуальной биографии ученых; придает дополнительные оценочные свидетельства относительно их научной деятельности; и т. п.

В письме Н. Андреева поднимается ряд вопросов, которые есть смысл прокомментировать. Это такие вопросы как: восприятие В. Голобуцкого и его работ со стороны зарубежных славистов; участие украинского историка в работе XI-го МКИН; взгляды на причины и обстоятельства присоединения Украины к России в 1654 г. Кроме того, вначале, надлежит, немного рассказать и об Н. Андрееве, поскольку его имя почти совсем неизвестно современным восточнославянским историкам, при этом хорошо известен в кру-

гах европейских и американских ученых-славистов, в частности, и из числа исследователей украинского происхождения².

Итак, адресант – Николай Ефремович Андреев – был родом из Петербурга. Вместе с родителями во время Гражданской войны оказался в Таллине, потом переехал в Чехословакию, где окончил в 1931 г. философский факультет Карлова университета. Преподавателями Н. Андреева на факультете были А. Кизеветтер, Е. Ляцкий, В. Францев, С. Гессен, Л. Нидерле, а также другие русские и чешские ученые. Кроме того, Н. Андреев обучался и в таких ученых из *Seminarium Kondakovianum* (позднее – Институт им. Н. П. Кондакова) как – М. Толь, А. Калиитинский, Г. Острогорский, М. Беляев, Д. Расовский. Они же сформировали научные интересы молодого исследователя, связанные с историей России эпохи Ивана Грозного, историей Псковской земли и иконоведением. Первая же научная работа Н. Андреева («О деле дьяка Висковатого») заинтересовала многих славистов, в частности, профессора Э. Миннс из Кембриджа.

Во время Второй мировой войны (до освобождения Праги советскими войсками) русский ученый возглавлял славноизвестный Институт им. Н. П. Кондакова – один из главных гуманитарных научно-исследовательских центров русской эмиграции в Европе. Несмотря на то, что Н. Андреев являлся абсолютно аполитичным человеком, он был арестован советской контрразведкой («Смерш»), отсидел в концлагере. В 1948 г. он получил возможность эмигрировать в Великую Британию по приглашению Кембриджского университета, которое (приглашение) организовала председатель славистического отделения профессор Э. Хилл.

В Великобритании Н. Андреев работал не только лишь на славистической кафедре Кембриджа: научные и педагогические контакты связывали его с Оксфордским, Эдинбургским, Лондонским, Манчестерским и другими университетами страны. Кроме того, ученый поддерживал тесные контакты с русской научной эмиграцией в иных странах, в частности, в США, где постоянно печатали его статьи в русскоязычном «Новом журнале» (Нью-Йорк).

С 1973 г. и до смерти в 1982 г. Н. Андреев числился экстраординарным профессором славяноведения в Кембридже. Поэтому, справедливо будет отметить, что он имел право высказать общую мысль славистов относительно работ В. Голобуцкого.

В славистическом научном мире Н. Андреев известен, прежде всего, своим участием в двух научных дискуссиях, в которых он расставил точки над «i» (как – на то время!). Первая из них – это полемика вокруг тезиса о связи Москвы как Третьего Рима с Третьим интернационалом. В ней Н. Андреев выступил и независимым арбитром и ученым, который силой своего авторитета и конкретными исследованиями по этой теме, сумел доказать, что мессианская теория «Москва – Третий Рим» не имеет исторической основы, а является публицистической подменой этой идеи авторами XX в.³ и, понятно, вовсе не имеет никакой связи с III интернационалом⁴.

Другая дискуссия, началась после того, как американский славист Э. Кинан предпринял попытку демистифицировать традиционную историографическую конвенцию об аутентичности переписки между Иваном Грозным и А. Курбским⁵. Заметим, что в соответствии с логичными размышлениями А. Толочко (как считаем, наиболее яркого последователя Э. Кинана в современном украинском истриописании⁶, ведь, в частности, «внимательный наблюдатель», действительно, легко заметит «филиацию кинановских идей в чужих публикациях»⁷), книжка американского профессора «глубоко скандализовала научное сотоварищество» и, вызвала острую полемику, продолжающуюся и по нынешний день⁸. Из этого сенсационного «покушения» Э. Кинан начал свою «иконокластовскую» (возможно, вернее употребить слово «геростратовскую», поскольку уничтожение храма – это тоже иконоборство) карьеру в сфере деконструирования «унаследованного» канона русской истории⁹. Первый урок (который не пошел Э. Кинану, как замечает А. Толочко, на пользу) предоставил ему Н. Андреев (символично, что русский ученый был к тому же иконоведам, а, значит, – и иконозащитником), который доказал следующее: не А. Курбский использовал сюжеты текста «Плача» Исайи Каменец-Подольского, а наоборот. Тем самым, было выдернут «краеугольный камень» тогдашнего варианта «неконвенционных» взглядов Э. Кинана¹⁰. Однако, американский славист и сегодня вовсе не сомневается в своей правоте¹¹.

Теперь перейдем непосредственно к комментированию письма. Причиной послания русского эмигрантского ученого к В. Голобуцкому стало его знакомство с украинским коллегой во время работы XI МКИИ, проходившим в Швеции в конце августа – вначале сентября 1960 г.¹² Письмо Н. Андреева датировано им 8 сентября, а это означает, что кембриджский историк написал и отправил его адресату сразу же по приезде домой. Можно предположить, что русский британец был заинтересован в том, чтобы закрепить знакомство с В. Голобуцким, а потому он и отправил послание, так сказать, «по горячим следам».

Комментируя письмо Н. Андреева к украинскому историку логично вначале остановиться на объяснении обстоятельств, которые сделали возможным его знакомство с украинским историком, то есть тех, что привели В. Голобуцкого на конгресс (в случае с Н. Андреевым – информацией не владеем). Итак, от советской стороны на конгресс было представлено 6 докладов и 7 выступлений (всего участников от СССР было 48, но вряд ли все они были профессиональными историками). На этом научном форуме единственным представителем от УССР был В. Голобуцкий. Причиной этого, было то, что во-первых украинским историкам особо не доверяли в союзном центре, а во-вторых, собственно говоря, уровень большинства из них был очень далек от среднемирового и, вообще то посылать было не кого.

Кроме того участие в работе конгресса для советских историков была ограничена и путем уменьшения ассигнований государственных средств: историки должны были ехать за свой счет – «по линии научного туризма»¹³. Смета пребывания в течении 14 дней в Швеции (без учета стоимости проезда) на одного участника составляла три тысячи рублей¹⁴. Для сравнения: должностной оклад заведующего отделом в Институте истории АН УССР В. Голобуцкого на то время составлял пять тысяч рублей¹⁵, иначе говоря, в принципе, он мог подобный шаг себе и позволить. Компенсировали ли ученому каким-то образом эту научную командировку – неизвестно. К тому же в октябре того же года он должен был ехать в Москву для ознакомления с материалами – очевидно за собственный счет¹⁶.

Примечательно, что ученый был приглашен в Москву для подготовки к конгрессу еще в самом начале августа 1960 г. – за две недели до отъезда в Стокгольм¹⁷. Допускаем, что это было связано с редакцией последнего утвержденного варианта доклада, как со стороны московских ученых, так и идеологических работников ЦК КПСС (а, также, и с обязательным инструктажем делегации с их стороны и, вполне возможно, КГБ). Специальная отраслевая и идеологическая цензура отразилась уже даже в коррекции названия доклада В. Голобуцкого. Последний имел предварительное авторское наименование «О развитии капиталистических отношений в Срединной Европе»¹⁸ (а вот его резюме, представленное в Национальный комитет историков СССР еще в 1959 г., носило название «Переходной период от феодализма к капитализму в Центральной Европе (XVI–XVIII в.)»¹⁹). А уже окончательный вариант, во-первых, отражал в своем наименовании сравнительный характер доклада, а во-вторых, термин «Срединная Европа» (что, очень напоминал название германского политического проекта начала XX в.) был заменен на противопоставление: Западная и Восточная Европа – «К вопросу о сравнительно-исторической трактовке генезиса капитализма в Западной и Восточной Европе»²⁰. При этом, в сборнике материалов конгресса, изданном в Москве, доклад В. Голобуцкого назывался несколько иначе – «О сравнительно-историческом изучении проблем перехода от феодализма к капитализму в Западной и Восточной Европе»²¹.

Почему именно с таким названием выступил В. Голобуцкий (который, согласно оценке Н. Андреева, был «ярким и авторитетным»)? На этот вопрос, прежде всего, попытаемся дать ответ, ведь именно это выступление, как и участие украинского историка в дебатах, репрезентировали перед мировым сообществом историков украинскую подсоветскую историческую науку, а также способствовали усилению имиджа как специалиста самого В. Голобуцкого в глазах зарубежных ученых (в частности тех же славистов).

Понятно, что на научных форумах историк, как правило, выступает, прежде всего, с результатами своих текущих исследований. Однако, становление заинтересованности В. Голобуцкого социально-экономическими темами про-

исходило еще вначале научной деятельности ученого, а с началом подготовки докторской диссертации (с 1938 г.) стала для него приоритетной. Он был автором концепции о форсированном буржуазном развитии на землях Новой Сечи и Черноморского казачьего войска, которая впервые получила свое обнародование в его докторской диссертации²². На конкретном региональном материале иллюстрировались тезисы В. Ленина о том, что на «Юге России» процесс развития капитализма шел быстрее, чем в других регионах, а также – о созревании буржуазных отношений внутри феодальной системы, начиная с середины XVII в. Еще в дискуссии с оппонентами на докторской защите²³ В. Голобуцкий, отстаивая свои взгляды, отмечал: в советской исторической науке изучение проблемы генезиса капитализма пребывает в зародышевом состоянии. Согласно его мысли, в науке доминирует «тенденция недооценки степени буржуазного развития России в XVIII – первой половине XIX в.»²⁴. Это, в частности, связано с тем, что «много кто не учитывает неравномерности развития отдельных областей России»²⁵. В дальнейшем, в других работах, посвященных как социальной истории казачества, так и экономической истории Украины продолжал отстаивать концепцию раннего и ускоренного развития капиталистических отношений в южно-европейских регионах Российской империи.

Со второй половины 1950-х гг. В. Голобуцкий все больше сосредотачивается на проблематике генезиса капитализма в контексте его исследований по истории украинской экономической истории. Не случайно, в 1957 г. он принял участие в совещании Института экономики АН УССР, посвященном вопросу изучения истории украинской экономики²⁶. В этом же году ученый приступает к исполнению плановой научно-исследовательской работы Института истории – «Социально-экономическое развитие левобережной Украины во второй половине XVIII в.»²⁷. На эту тему он запланировал монографию под названием «Феодальное хозяйство правобережной Украины во II-й половине XVIII в.» (объем 17 условных листов)²⁸. Хотя монография так и не вышла, при этом подготовленные материалы реализовались в ряде статей, на страницах учебника «Экономическая история Украинской ССР. Октябрьский период»²⁹ и в ряде академических коллективных работах. Укажем, что отдельные аспекты этих тем были воплощены в научных работах учеников В. Голобуцкого.

Многолетние углубленные занятия В. Голобуцкого проблемами социально-экономической истории Украины и России, накопленный эмпирический материал и приобретенный теоретический опыт сделали возможным приобщение ученого к научной дискуссии по поводу генезиса капитализма в Российской империи, второй этап которой (первый состоялся в конце 19440-х – вначале 1950-х гг.³⁰) инициировала на страницах журнала «Вопросы истории» академик М. Нечкина. Дискуссия продолжалась с конца 1950-х – до начала 1960-х гг.

В 1959 г. В. Голобуцкий опубликовал в названном журнале статью «О начале «нисходящей» стадии феодальной формации», в которой в качестве специалиста грамотно полемизировал с авторитетными знатоками темы, такими как М. Нечкина, Н. Дружинин, Л. Черепнин, А. Сахаров, В. Яцунский и другими³¹. Украинский историк отстаивал мысль о том, что «нисходящая» стадия феодальной формации начинается на землях Восточной Европы, в частности в Украине с XVI–XVII в.³². Укажем, что среди украинских историков на страницах академического московского журнала по этим вопросам выступил только В. Голобуцкий. Затрагивал эти вопросы В. Голобуцкий и в иных своих статьях³³ того времени и рецензиях³⁴. Таким образом, доклад В. Голобуцкого на конгрессе отвечал его тогдашним научным интересам и, одновременно, была тематически актуальным для текущего развития советской исторической науки.

В работе Стокгольмского конгресса взяли участие и украинские эмигрантские историки, в частности – Ю. Борис (Швеция), Т. Галайчук (Аргентина), Б. Кентржинский (Швеция), И. Лысяк-Рудницкий (США), Т. Мацькив (США), Я. Пеленский (США), П. Феденко (ФРГ), М. Чубатый (США)³⁵. Как вспоминал известный советский историк, академик М. Тихомиров, В. Голобуцкий пользовался в этих кругах немалым авторитетом и они, при любом случае, пытались пообщаться с ним (это подтверждается также Я. Пеленским³⁶), а сам М. Тихомиров (который с конца 1940-х гг. поддерживал дружественные отношения с В. Голобуцким³⁷) при этом не отходил от украинского историка для того, чтобы тот не попал под подозрение со стороны агентов КГБ, то есть, академик как бы опекал В. Голобуцкого брал активное участие как в обсуждении докладов на самом конгрессе в Стокгольме, так и на конференции Комиссии славянских студий МКИН в г. Упсала³⁸.

На заседаниях конференции в Упсале тогда выступали с докладами М. Чубатый («Киевская Русь и формирование трех восточнославянских народов») и Б. Кентржинский («Мазепа и Великая Северная война 1700 – 1721 гг.»). М. Чубатому, прежде всего, оппонировали М. Тихомиров и Б. Рыбаков, которые по поводу формирования восточнославянских народов стояли на позиции концепции древнерусской народности³⁹. Однако, вероятно, что с М. Чубатым дискутировал и В. Голобуцкий, поскольку он был очень сведущ в древнерусской истории. Например, когда в 1951 г. проходило в стенах Института истории Украины расширенное заседание Ученого совета на тему «Происхождение украинской народности в свете сочинений тов. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»»⁴⁰, то тогда одним из наиболее квалифицированным среди докладов и выступлений историков по этой тематики было выступление В. Голобуцкого⁴¹. Ученый тогда поддержал концепцию о существовании этнообщности восточных славян в период Киевской Руси, но вместе с тем высказал сомнение относительно монолитности так называемой древнерусской народности⁴². Как сообщает академик Я. Исаевич, главным критиком

доклада Б. Кентржинского оказался уже В. Голобуцкий, «который должен был декларировать, что Мазепа проводил антинародную и антисоциальную политику»⁴³. Однако, как вспоминает Я. Пеленский, «дискуссионные выступления и доклады проф. В. Голобуцкого, хотя и исходили из обязательных в СССР позиций, при этом удерживались в тех рамках, которые определяли научные дискуссии»⁴⁴.

Не столь благосклонной к В. Голобуцкому была его оценка другими диспорным историком – И. Лысяк-Рудницким, который в своих исторических эссе упоминает о В. Голобуцком в связи с языками общения на конгрессе⁴⁵. Эмигрантский научный деятель утверждает (в определенной степени, пренебрежительно), что в отличие от ведущих российских историков, взявших участие в работе конгресса, В. Голобуцкий не владел ни одним европейским языком и произносил свой доклад (равно как и общался) на русском. Согласно мнению И. Лысяк-Рудницкого, это свидетельствует об изолированности украинских советских историков от мирового сообщества и об их нежелании изучать европейские языки.

Надлежит заметить, что В. Голобуцкий неплохо владел польским языком (возможно, это способствовало то обстоятельство, что он обучался в Северо-Кавказском университете, образовавшемся вследствие эвакуации в 1915 г. Императорского Варшавского университета, сохранившем в Ростове-на-Дону свой преподавательский состав⁴⁶), и хуже – немецким, французским, латинским, как он сам об этом свидетельствует в учетном листе отдела кадров от 25 января 1949 г.⁴⁷ Однако историк не один раз писал рецензии на немецкие и польские издания⁴⁸, а также печатал статьи за рубежом⁴⁹, а это с необходимостью предусматривало определенное знание соответствующих языков. В частном архиве его сына П. Голобуцкого сохранились письма к отцу из Германии на немецком языке, из Польши на польском и т. п. Укажем, что официальными языками на конгрессе в Стокгольме были английский, немецкий, французский и русский⁵⁰.

Хотя В. Голобуцкий и знал немецкий язык, но свободно не мог общаться. Поэтому В. Голобуцкий и выступал на заседаниях конгресса на русском языке. Однако такое обстоятельство не мешало ему получить (за произнесенный доклад и выступления на дискуссиях) высокую оценку Н. Андреева, которую разделяли и другие слависты. Вообще, из письма русского эмигранта, узнаем о том, что работы В. Голобуцкого не только широко известные в славистических центрах Запада, но и считаются там авторитетными⁵¹. Следует прокомментировать в связи с этим также и тот момент: несмотря на то, что В. Голобуцкий якобы общался на конгрессе только на русском языке, однако он сумел репрезентировать свою украинскость, как это подтверждает и Н. Андреев, когда указывает на украинский юмор, ибо его «искры... так оживляют» язык В. Голобуцкого. Впрочем, тот же Я. Пеленский в интервью, дан-

ному автору этих строк, свидетельствует, что он беседовал в Стокгольме с В. Голобуцким в течении двух часов именно на украинском языке⁵².

Замечания И. Лысяк-Рудницкого не являются справедливыми, ведь вины в этой изолированности украинских историков нет. Более того, как показывают материалы, например Научного архива Института истории Украины НАН Украины, ведущие научные сотрудники Института хорошо осознавали свою изолированность от приобретений мировой науки. Начиная со второй половины 1950-х гг. (особенно после XX съезда КПСС), когда территориально шире и количественно более частыми стали командировки за рубеж, в том числе – и за «железный занавес». Академические ученые постоянно поднимали вопросы пополнения библиотеки Института новинками зарубежной исторической литературы и периодики и т. п.

Одним из первых в условиях «оттепели» этот вопрос поднял заведующий отделом археографии Института истории АН УССР М. Рубач. Он указывал, что советским историкам недоступна историческая литература, написанная представителями украинской и советской эмиграции. М. Рубач напрямую обратился к компартийному руководству на совещании в отделе науки ЦК КПУ (февраль 1955 г.) с призывом дать необходимые указания относительно приобретения соответствующей литературы и облегчить доступ к ней ученых, как и к книгам спецфонда. Историк-архивист также отметил крайне низкое знание со стороны советских историков иностранных языков и призвал добиться, чтобы каждый ученый не по анкете, «а реально знал хотя бы один из главных европейских зарубежных языков в той степени, чтобы умел свободно читать и переводить». М. Рубач резонно заметил, что для практического знания языков необходимы постоянные командировки в соответствующие европейские страны⁵³, иными словами нужна разговорная практика.

С аналогичными призывами и конкретными предложениями выступал в том же году и коллега В. Голобуцкого по отделу И. Бойко, который был участником X-го МКИИ в Риме (1955 г.), первого конгресса после 1928 г., в работе которого брали участие советские историки⁵⁴. Участие в этом конгрессе, в частности и показало им их изолированность от достижений мировой науки⁵⁵. (Кстати, именно с этим вопросом тогда же актуализировалась необходимость издания украинского исторического журнала, которым вскоре стал «Украинский исторический журнал»⁵⁶). Другой коллега В. Голобуцкого Ф. - Шевченко на одном из первых заседаний Ученого Совета Института, состоявшемся после XX съезда КПСС, заявил о том, что научные сотрудники не могут усилить борьбу с вражеской идеологией (как того требовали партийные директивы), поскольку «мы не имеем кого критиковать. Мы не знаем, что выходит за рубежом об Украине»⁵⁷. Ученый призывал руководство приложить усилия к тому, чтобы удовлетворить нужды Института истории в сфере обеспечения зарубежной литературой⁵⁸.

Н. Андреев также сообщает, что украинский историк выступал не только с докладом в Стокгольме, но и брал участие и в дискуссиях еще в одном шведском городе – Упсале, о чем уже шла речь выше. В дарственной надписи к гранкам статьи Н. Андреева, которую он вместе с письмом от 8 сентября 1960 г. прислал В. Голобуцкому, имеется уточнение (в сравнении с письмом) относительно событий в Упсале. Н. Андреев указывает, что тут проходили заседания Международной славистической комиссии⁵⁹ или Комиссии славистических студий МКИН, как называет ее Я. Исаевич. Очевидно, что в Упсале обсуждались различные вопросы исторической славистики и, как уже отмечалось, ряд проблем украино-российского исторического прошлого. Поэтому, в связи с этим, Н. Андреев и затрагивает в письме именно тему (которая, в принципе, не была его специализацией и, на 1960 г. утратила свою актуальность в сравнении с 1954 г.) Переяславской рады 1654 г. Впрочем, В. Голобуцкий был известен славистическому сотовариществу своими работами (особенно теми, которые вышли в 1950-е гг.), в частности, и по этой тематике. Заметим, что первая квалификационная работа («Дипломатические отношения Московского правительства с Богданом Хмельницким до Земского собора 19 февраля 1651 г.») В. Голобуцкого была посвящена раскрытию пласта дипломатических аспектов Национально-освободительной войны украинского народа середины XVII в.⁶⁰

В тезисах диссертации, представленных на защиту (состоялся в январе 1938 г.), В. Голобуцкий оценивает союз Украины с Россией положительно, как того требовала партийная формула «наименьшего зла». По теме кандидатской диссертации В. Голобуцкий опубликовал только одну научную статью, посвященную дипломатическим отношениям Чигирина и Москвы в 1648 г.⁶¹ Примечательно, что здесь молодой ученый два раза употребляет слово «воссоединение» в контексте, который можно трактовать как воссоединение земель Руси, политику которого проводило Московское государство⁶². Отметим, в связи с этим, что в 1939–1941 г., этот знаковый термин достаточно активно внедрялся в историописание, причем – как раз в значении соответствующей оценки Переяславского акта 1654 г.⁶³

Однако, в послевоенный период практически до последнего момента (1952 г.) пока еще разрешалось дискутировать на эту тему, В. Голобуцкий отстаивал термин «присоединение» относительно характера союза Украины с Россией (об этом, упоминал в 1960 г. на заседании Ученого Совета Института истории К. Гуслитый) и, даже (совместно с И. Бойко) написал в партийные инстанции (или же даже к Й. Сталину) письмо в защиту этого термина⁶⁴. Впрочем, после «убедительного» разговора с идеологическими работниками ЦК КПУ⁶⁵, он, естественно, вынужден был согласиться на возобновление сакрального для существования политического единства двух народов термина (то есть – «воссоединение»). В середине 1950-х гг. ученый издал ряд книг и статей, посвященных различным аспектам Хмельнитчины, в первую

очередь, дипломатическим⁶⁶, хотя его монография, где освещались в полном объеме эти аспекты вышла уже после Стокгольмского конгресса⁶⁷. Очевидно, что В. Голобуцкий был известен в мировом научном сообществе как специалист по этой проблематике именно благодаря публикациям середины 1950-х гг. Поэтому неудивительно, что Н. Андреев решил послать украинскому историку свою статью «Переяславское соглашение», которая была опубликована в 1953 г. и, как ему указывали критики из мюнхенского журнала «Украинский самостийник», имевшая ту же аргументацию, и те же выводы, что и работы советских историков. Очевидно, что британского слависта интересовала мысль В. Голобуцкого по этому поводу. (Вполне вероятно предположить, что историки договорились еще в Швеции о том, что обменяются своими трудами в почтовый способ).

Названная статья Н. Андреева (сам автор называет ее очерком) объемом в 1,5 п. л., является концентрированным итогом определенных взглядов части восточнославянских и западных историков, в частности – Г. Карпова, В. Мякотина, Д. Одинца, В. Алена и др. Суть их концепций (отображенной в очерке Н. Андреева) заключалась в том, что в 1654 г. состоялось «включение Малой Руси» или ее «инкорпорирования» в состав «общерусского государства». В данном случае, по словам Н. Андреева, московское правительство соединило централистский принцип с краевой традицией⁶⁸. Автор последовательно употребляет относительно событий 1654 г. словосочетание «воссоединение Малой Руси с Великой Русью», иначе говоря, понимая это, как воссоединение (или объединение) части с целым. Впрочем, Н. Андреев в ряде случаев пишет и о «присоединении» Украины к Москве и об «объединении» Украины с Московской Русью, но при этом эти термины не противоречат сути концепции – «воссоединения Руси». О воссоединении именно народов он пишет только лишь раз, когда пересказывает выводы Г. Карпова. Несмотря на название очерка Н. Андреева, автор категорически отбрасывает существование «Переяславского договора» в каком-нибудь виде и существование самостоятельного государства Б. Хмельницкого. В «Прошениях» или «Мартовских» статьях 1654 г., что, как полагает Н. Андреев, являются «единственным юридическим документом по поводу воссоединения Великой и Малой России», нет ни идей автономии народа, ни автономии края⁶⁹. Великий гетман искал у Москвы лишь «царского подданства» и сохранения интересов казачества («групповых вольностей»). И то, и то, в соответствии со словами Н. Андреева, «Москва честно ему дала»⁷⁰. По существу, гетманы и их «правительства» исполняли роль московских наместников, подобно новгородским воеводам.

Правы ли были украинские эмигранты когда, критикуя Н. Андреева, указывали на схожесть его взглядов со взглядами советских историков. Следует отметить, что некоторые элементы концепции «воссоединения Руси» возродились в работах советских историков в 1939–1941 гг. (работы В. Пичеты, Н. Подорож-

ного и др.)⁷¹. О «воссоединении Руси» тогда писал и В. Голобуцкий, как уже указывалось выше. Однако, в 1950-е гг. утвердилась иная концепция, проявившаяся в работах историков УССР, в частности, у авторов I тома «Истории Украинской ССР» и собственно, у В. Голобуцкого. Украинские советские историки в этот период не отбрасывают идею самостоятельного государства, созданного Б. Хмельницким, а потому последовательно употребляют словосочетание «воссоединение Украины с Россией» в смысле объединения одной суверенной политической единицы с иной. Правда, в отличие от Н. Андреева, эти историки, в том числе и В. Голобуцкий ведут речь и о «воссоединении двух братских народов». Последний тезис логически вытекал как следствие из концепции «древнерусской народности». Что же касается оценки «Переяславского договора» (собственно – «Мартовских статей»), то его результаты советские историки трактовали как вхождение Украины в состав Российского централизованного государства на правах политической автономии. Именно в таких словах об этом и пишет В. Голобуцкий, хотя и оговаривается, что «правом на самоуправление в Российской державе пользовались в это время и некоторые другие области, прежде всего казачки»⁷².

Следует заметить, что на это время Н. Андреев не издал еще никакой индивидуальной книги, которую мог бы подарить В. Голобуцкому, а потому пересылка хотя бы статьи была также и поводом, хотя и незначительным, попросить у советского историка выслать как дар его книги с авторской подписью. В любом случае обмен между историками собственными сочинениями является нормальным явлением и способствует закреплению дружественных и научных личных контактов.

К сожалению, имеющиеся источники не дают информации по поводу того, имели ли какое-то продолжение взаимоотношения русского и украинского ученых в дальнейшем. Остается лишь догадываться, что вряд ли соответствующие органы с восторгом отнеслись к факту переписки идеологически контролируемого украинского историка с представителем русской эмиграции в одной из стран так называемого «свободного мира», да еще с таким, который побывал в советском концлагере. Впрочем, надлежит заметить, что контакты мог прекратить и сам В. Голобуцкий. Ведь мировосприятие В. Голобуцкого было сформировано в советские времена, он был лоялен к советской власти, а потому Н. Андреев для него персонифицировался как представитель идеологически враждебного лагеря, который, на самом деле, придерживался взглядов не совместимых со взглядами советских историков-марксистов. Возможно, что и указанную статью он попросил выслать для того, чтобы иметь возможность ее критиковать (вспомним проблемы советских историков с доступом к «вражеской» литературе). И, действительно, украинский историк, изучив статью, присланную ему в подарок Н. Андреевым, очевидно, не согласился с оценкой украинских эмигрантских публицистов

из Мюнхена, почти отождествлявших взгляды Н. Андреева и советских историков. Свидетельством тому является то, что В. Голобуцкий категорически причислил Н. Андреева к фальсификаторам истории Освободительной войны украинского народа. В декабре 1961 г. В. Голобуцкий произнес доклад на научной сессии профессорско-преподавательского состава Киевского института народного хозяйства (КИНХ) под названием «Критика современных зарубежных фальсификаторов истории освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг.»⁷³. Среди таких фальсификаторов В. Голобуцкий называет Н. Андреева⁷⁴. В феврале 1962 г. этот же доклад стал предметом обсуждения на заседании кафедры истории народного хозяйства КИНХ, возглавляемой В. Голобуцким⁷⁵.

Как видим, критика русского ученого (сам В. Голобуцкий называет того – английским историком) состоялась в относительно узкой среде и не имела последствий в виде публикаций, а потому Н. Андреев, наверняка, так никогда и не узнал о том, что украинский историк отнес его к числу фальсификаторов истории.

Очевидно, что В. Голобуцкий, употребляя слово «фальсификатор» в отношении к историкам Запада (в частности, и к Н. Андрееву), как и другие советские историки, вынужден был применять его не столько к действительным фактам злоупотреблений в науке, сколько, не соглашаясь с определенными, оценочными суждениями (базирувавшимися на определенной интерпретации источников и методологии) так называемых «буржуазных историков» (в данном случае – относительно событий Освободительной войны украинского народа и присоединения Украины к России). В условиях господства «единоверной» научной теории в исторической науке СССР, теории, приобретшей фактически сакральный и мировоззренческий статус, на иные методологические и мировоззренческие подходы ритуально навешивался ярлык «фальсификации», другими словами – если пользоваться лексиконом теологии, – «ереси».

Примечание

¹ См., напр.: *Ясь О. Ф.* П. Шевченко та його науковий доробок: погляд з того боку „залізної завіси” // „Істину встановлює суд історії” / Зб. на пошану Ф. - П. Шевченка. В 2-х тт. Т. 2. Наукові студії К., 2004. С. 15.

² Информацию о Н. Андрееве удалось разыскать лишь в Интернете. Это, в частности, русскоязычная статья исследователя из Санкт-Петербурга П. Базаанова под названием «Русский ученый эмигрант Н. Е. Андреев в Англии», размещенной на следующем сайте: www.ihst.ru/projects/sohist/books/britannia/158-165.pdf. Базаанов в основном опирается на публикации из нью-йоркского русскоязычного эмигрантского журнала «Новый журнал». Однако, нам ими тоже не удалось воспользоваться в связи с отсутствием соответствующих номеров журнала в библиотеках Киева и Львова. Потому вынуждены подавать информацию об Н. Андрееве и его творчестве по статье П. Базаанова.

³ См., напр., брошюру українського емігрантського досліджувача *Івана Мирчука*: Мирчук І. Історико-ідеологічні основи теорії III Риму. Мюнхен: Церковно-археограф. комісія апостольського візитатора для українців у Західній Європі, 1954. 64 с.

⁴ См., напр.: *Андреев Н.* «Свиток» Н. И. Ульянова // Новый журнал. 1973. Кн. 113. С. 233-241..

⁵ См.: *E. L. Keenan.* The Kurbskii – Groznyi Apocrypha. The Seventeenth Century Origin of the «Correspondence» Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, MA, 1971 (Russian Research Center Studies, vol. 66)..

⁶ Достаточо вказати на останню книгу київського досліджувача і полеку вкруг неї: *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.-К.: НЛЮ; Критика, 2005. 544 с.

⁷ См.: *Толочко О.* [Передмова]. Уроки Едварда Кінана // Кінан Е. Російські історичні міфи / Наукова редакція Н. Яковенко. К.: Критика, 2001. С. 11; Его же. [Послесловіе]. Уроки Едварда Кінана // Кінан Е. Російські історичні міфи. Вид. друге, виправлене і доповнене / Наукова редакція Н. Яковенко. К.: Критика, 2003. С. 295.

Замітимо, що слово «предисловіе» із першого українського видання «плавно» перешло в текст другого видання. – См.: *Толочко О.* [Послесловіе]. С. 290.

⁸ См.: *Толочко О.* [Послесловіе]. С. 7.; Его же. [Послесловіе]. С. 291.

⁹ См.: *Толочко О.* [Послесловіе]. С. 6, 11; Его же. [Послесловіе]. С. 290, 295.

¹¹ См.: *Андреев Н.* Мнимая тема: (О спекуляциях Э.Л. Кинана) // Новый журнал. 1972. Кн. 109.

¹¹ *Едвард Л.* Кінан. Українському читачеві // Кінан Е. Російські історичні міфи. Вид. друге, виправлене і доповнене / Наукова редакція Н. Яковенко. – К.: Критика, 2003. С. 10.

¹² Научный архив Института истории Украины НАН Украины (далее – НАИИУ НАНУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 951. Л. 124;

Голобуцкий В. А. Страницы из моих воспоминаний // История СССР. 1966. № 3. С. 127; Международные конгрессы историков // Советская историческая энциклопедия. М.: СЭ, 1966. Т. 9. С. 275; Міжнародні конгреси істориків // Радянська енциклопедія історії України. К.: УРЕ, 1971. Т. 3. С. 145; *Санцевич А.* Інститут історії України НАН України. Історіографічний нарис (до 60-річчя установи). К.: ІІУ НАНУ, 1998. С. 75.

¹³ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1-а. Д 329. Л. 44; Там же. Оп. 1. Д. 869. Л. 97.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д 869. Л. 97.

¹⁵ Архив Киевского национального экономического университета им. Вадима Гетмана. Ф. Р-871. Оп. 34. Д. 56. Л. 29.

¹⁶ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 951. Л. 179.

¹⁷ Там же. Л. 124.

¹⁸ Там же. Д. 869. Л. 96.

¹⁹ Там же. Д. 881. Л. 69.

²¹ Там же. Л. 57; Міжнародні конгреси істориків. С. 145; Санцевич А. Інститут історії України НАН України. С. 75.

²² Государственный архив г. Киева (далее – ГАК). Ф. Р-871. Оп. 20. Д. 553. Л. 19. К сожалению, на сегодня сами материалы конгресса не удалось отыскать. См., напр.: Юсов С. Виникнення та перші апробації концепції В. Голобуцького про буржуазний розвиток на землях Нової Січі й Чорноморського козацького війська // Український історичний збірник-2006. Вип. 9. К.: ІУ НАНУ, 2006. С. 437-447..

²³ См. отзывы оппонентов: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб.) Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2143. Л. 19–24, 25–32, 33–36.

²⁴ Там же. Л. 43.

²⁵ Там же. Л. 43.

²⁶ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 730. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 828. Л. 6.

²⁹ Голобуцький В. О. Економічна історія Української РСР. Дожовтневий період. [Навч. посібник для студ. економ. спец. вузів]. К.: Вища школа, 1970. 298 с.

³⁰ См., напр.: Голобуцький И. В. Освещение проблем промышленного производства на Украине XVI–XVIII вв. в советской экономической литературе 50-х–70-х годов // Історія народного господарства та економічної думки Української РСР. Республ. міжвідом. зб. Вип. 9 / Редкол.: В. С. Жученко (відп. ред.) та ін. К.: Наукова думка, 1975. С. 160.

³¹ См.: Борисенко В. Й. Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. К.: Наукова думка, 1986. С. 4; Гуржій О., Капітан Л. «Український історичний журнал» та проблеми вітчизняної медієвістики в другій половині XX ст. К.: ІУ НАНУ, 2004. С. 64.

³² Голобуцький В. А. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации // Вопросы истории (далее – ВИ). 1959. № 9. С. 123-137.

³³ Голобуцький В. А. Ремесла и зарождение капиталистического производства на Украине в XVI – первой половине XVII вв. // Вісник АН УРСР. 1958. № 8. С. 34-42; Его же. О цеховом ремесле и зарождении капиталистического производства в XVI – первой половине XVII века на Украине // Научные записки Киевского финансово-экономического института. К.: Изд-во АН УССР, 1959. № 7. С. 203-213.

³⁴ Голобуцький В. А. [Рец.]: Фадеев А. В. Экономическое развитие степного правобережья в дореформенный период // ВИ. 1958. № 9. С. 152-155; Его же. [Рец.]: Kuł a W. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1956 // История СССР. 1958. № 3. С. 242-245.

³⁵ Ісаєвич Я. Д. Міжнародні конгреси істориків // Енциклопедія історії України. Т.5. [Рукопись статті на 25 с.]. С. 14.

Выражаем искреннюю благодарность Ярославу Дмитриевичу за предоставленную возможность использовать информацию непосредственно из его авторской рукописи.

³⁶ Интервью с Ярославом Богдановичем Пеленским от 27 июля 2007 г. Личный архив автора студии.

³⁷ См., напр.: Архив Российской Академии наук. Ф. 693. Оп. 4. Д. 176. Голобуцкий Владимир Алексеевич. Письма М. Н. Тихомирову. Черновцы, Киев. 28 июня 1948 г. 4 апреля 1959 г. 15 док. На 22 лл.

³⁸ Ісаєвич Я.Д. Міжнародні конгреси істориків. С. 16.

³⁹ Там же. С. 16.

⁴⁰ См., напр.: *Юсова Н.* Наукова діяльність Костя Гуслистого в останні роки роботи в Інституті історії АН УРСР (1949–1952 рр.) // Український історичний збірник-2002 / Гол. ред. В. Смолій, заст. гол. ред. Т. Чухліб. Вип. 5. К.: ІИУ НАНУ, 2003. С. 441-442.

⁴¹ Выступление В. Голобуцкого см.: НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 294. Л. 22–27.

⁴² Там же. Л. 22-26.

⁴³ Ісаєвич Я.Д. Міжнародні конгреси істориків. С. 16.

⁴⁴ Цит.: Там же. С. 16.

⁴⁵ *Лисяк-Рудницький І.* Историчні есе. В 2-х тт. / Центр досліджень історії ім. - П. Яцека Канадського інституту українознавчих студій Альбертського університету. К.: Основи, 1994. Т. 2. С. 428.

⁴⁶ См., напр.: *Летопись университетской жизни / Сост. Пушкаренко А. А., Пушкаренко Ан. А.* Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2003. С. 3.

⁴⁷ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1-а. Д. 329. Л. 4(об.).

⁴⁸ *Голобуцкий В. А.* [Рец.]: Stukl G. Die Entstehung des Kosakentums. Bd. 3. München, 1953 // ВИ. 1957. № 2. С. 172-175; Его же. [Рец.]: Kula W. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. – Warszawa, 1956 // История СССР. 1958. № 3. С. 242-245; Его же. Праці дослідників Німецької Демократичної Республіки з питань історії німецько-слов'янських зв'язків // УДЖ. 1959. № 4. С. 169; Его же. [Рец.]: Winte E. Russland und das Papsttum. Bd. 1-2. Berlin, 1961 // ВИ. 1962. № 7. С. 169-174; Его же. Справжня суть Реформації. [Рец.: Winter E. Der Iosefinismus. Berlin, 1962.] // Людина і світ. 1965. № 1. С. 62-64.

⁴⁹ *Golobuskij V. A.* Die «Reise» von Pallas Quelle für das Studium der sozialökonomischen Verhältnisse in Rußland // Lomonosov, Schlüzer, Pallas: Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jh. / Hrsg. von E. Winter u. a. Bd. XII. Berlin, Akademie-Verlag, 1962. S. 258-262; *Holobuckij V. A.* Gьldenstdts «Reisen durch Russland» und ihre Bedeutung für die Erforschung der sozialökonomischen Entwicklung der Linksufrigen Ukraine im 18. Jh. // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. geburtstag / Hrsg. von W. Steinits u. a. – Berlin, Akademie-Verlag, 1966. S. 406-416.

⁵⁰ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 869. Л. 97.

⁵¹ Очевидно, речь, прежде всего, может идти о следующих монографиях: Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. К.: Изд-во АН УССР, 1956 414 с.; Его же. Запорожское казачество. К.: Госполитиздат УССР, 1957. 462 с.

⁵² Интервью с Я. Б. Пеленским от 27 июля 2007 г. Личный архив автора студии.

⁵³ Текст виступу історика М. Рубача на нараді у відділі науки ЦК КПУ з пропозиціями поліпшення професійної підготовки істориків-науковців // Михайло Рубач: архівіст, історик, педагог / Редкол.: В.П. Ляхощький (гол. ред.) та ін. – К.: УДНДІАСД, 2000. (Серія „Історія архівної справи: спогади, дослідження, джерела”. Вип. 3). С. 176-177.

⁵⁴ Ісаєвич Я.Д. Міжнародні конгреси істориків. С. 12.

⁵⁵ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Д. 76-77.

⁵⁶ Там же. Л. 77.

⁵⁷ Там де. Д. 627. Л. 79.

⁵⁸ Там же. Л. 79.

⁵⁹ Частный архив П.В. Голобуцкого. Статья: Андреев Н.Е. Переяславский договор. С. 65. [Отдельный оттиск со сборника: «Обновленная Россия». Т.1 Франкфурт, 1953. – С. 65-112; на первой странице оттиска (с. 65) помещена дарственная надпись рукой Н. Андреева, а на последний (с. 112) – библиографическое описание статьи (также – от руки)].

Текст дарственной надписи:

«Глубоко уважаемому В.А. Голобуцкому на добрую память о встречах на заседаниях Международной славистической комиссии в Упсале и на XI Международном Конгрессе историков в Стокгольме в августе 1960 года. Кембридж, 8 сентября 1960 г. Автор».

⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 31. 436. 33 л.

⁶¹ Голобуцкий В. А. К истории дипломатических сношений Московского правительства с Богданом Хмельницким в начальный период (1648 г.) // Ученые записки Ленинградского государственного пединститута им. А.И. Герцена. Т. 39. Л., 1941. С. 120-133.

⁶² Там же. С. 120, 133.

⁶³ Юсова Н.М., Юсов С.Л. Проблема „приєднання” України до Росії в оцінці істориків УРСР кінця 30-х – першої половини 40-х рр. С. 103-104.

⁶⁴ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 968. Арк. 238. Див. також: Апанович О. Федір Павлович Шевченко. Історик, архівіст, історіограф, джерелознавець, археограф, організатор науки, Людина: спогади та історіографічний аналіз. К.: ПУ НАНУ, 2000. С. 40; Гриневич В. Він не вмів кивати, куди треба // Голос України. 2003. 29 липня (№ 139). С. 5; Купріян І. Він прагнув об'єктивно вивчати історію // Освіта України. 2003. 22 липня. С. 9.

⁶⁵ НА ИИУ НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 968. Л. 238.

⁶⁶ Голобуцький В. Богдан Хмельницький – великий син українського народу. К.: Держполітвидав, 1953. 48 с.; *Его же*. Росія і визвольна війна українсь-

кого народу 1648–1654 рр. К.: Держполітвидав, 1954 95 с.; *Его же*. Земський собор 1 жовтня 1653 р. і здійснення його рішень про возз'єднання України з Росією. (З історії дипломатичних відносин) // Історичне значення возз'єднання України з Росією. К.: Вид-во АН УРСР, 1954. С. 67-89; Бойко Й., Голобуцький В., Гуслистый К. Воссоединение Украины с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 112 с.; *Голобуцький В.А.* Богдан Хмельницький – великий сын українського народу. К.: Госполитиздат УССР, 1954. 53 с., *Его же*. К вопросу о дипломатической борьбе Богдана Хмельницкого за воссоединение Украины с Россией // Исторические записки. Т. 47. М., 1954. С. 224-258; *Его же*. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648–1654 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. 160 с.; *Его же*. Россия и Освободительная война украинского народа 1648 – 1654 гг. // ВИ. 1954. № 1. С. 80-95; т.п.

⁶⁷ *Голобуцький В.А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648 – 1654 гг. К.: Госполитиздат УССР, 1962. 360 с.

⁶⁸ Частный архив П.В. Голобуцкого. Статья: Андреев Н.Е. Переяславский договор. С. 100.

⁶⁹ Там же. С. 95-96.

⁷⁰ Там же. С. 101.

⁷¹ *Юсова Н.М., Юсов С.Л.* Проблема „приєднання” України до Росії в оцінці істориків УРСР кінця 30-х – першої половини 40-х рр. С. 103-104.

⁷² *Голобуцький В. А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. С. 350.

⁷³ ГАК. Ф. Р-871. Оп. 20. Д. 492. Л. 24; Там же. Д. 494. Л. 6.

⁷⁴ Там же. Л. 492. Л. 64.

⁷⁵ Там же. Л. 63-67.

Приложение

***Письмо* Николая Ефремовича Андреева¹
к Владимиру Алексеевичу Голобуцкому²***

dr. N. Andreyev
COLLEGE HOLT,
HUNTINGDON ROAD,
CAMBRIDGE.

8 сентября 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич.

Мне было чрезвычайно приятно познакомиться с Вами, автором прекрасных и почитаемых славистами в большинстве научных центров работами по истории каза-

---

Письмо предоставлено автору студии сыном украинского козаковеда Петром Владимировичем Голобуцким; письмо хранится в домашнем семейном архиве.

чества и Украины. С большим удовлетворением вспоминаю я яркие и авторитетные выступления Ваши, М. Н. Тихомирова и Б. А. Рыбакова на дискуссиях в Упсале и Ваш доклад на Конгрессе в Стокгольме. Думаю, что мои впечатления разделяются большинством славистов, имевших удовольствие Вас слышать. Хотя я по происхождению новгородец (родившейся, впрочем, в Северной Пальмире), а по определению самостийников «московська гадючка», ныне же британец, мне слышится что-то родное и в украинских песнях, и в украинской истории, и в украинском юморе, искры которого так оживляют и Вашу речь, профессор.

Псылаю Вам мою – рассчитанную на широкого читателя – статью «Переяславский договор». Она была, в основном, написана в 1949 году, опубликована почти четыре года спустя и, конечно, не могла считаться с более новейшей литературой вопроса.

«Український самостійник»⁴, газета в Мюнхене, 23 мая 1954 года⁵, отозвалась статьей: «Ще один пасквіль» – на эту мою работу, переведенную на немецкий язык (без моего, впрочем, ведома и без уплаты – увы – гонорара!). Газета признала, что Андреев «в основу своєї політичної тенденції кладе історичні факти, одначе зловмисно нагинає їх до своїх потреб». Газета не могла опровергнуть ни одного факта в моей статье и отметила: «...Треба признати, що така тактика добре підібрана, бо вона обрахована на спосіб і мислення західного європейця: яко зброя в боротьбі з нами вона добре дає більші наслідки від тактики „добових ударів“ [...]» Газета настаивает, что в моей работе «точнісінько та сама аргументація, що в большевиків, і ті самі висновки. Бо і за большевицькими авторами, і за Андреевим, Хмельницький не заключив Переяславської угоди у висліді скрутного мілітарного й політичного положення у час війни з Польщею. Вин його заключив неначе як вислід „глибокого бажання“, майже якогось кровного атавізму – злитися в одне з „братнім“ російським народом». Статья длинная, я цитирую только главнейшие пункты. Там есть немало ругани: «Росіянам недоступні об'єктивні аргументи», «...манерою маняків проголошених подіямі, повторюють свої, традиційні, ненависницькі фрази про „єдність російського й українського народів“ ... „російські шовіністи“, „фальсифікатори історії“ [...]» и прочее столь же благоухающее.

Буду очень рад, если Вы отошлете что-либо из Ваших работ. Пожалуйста, с авторской надписью. В этом случае книги лучше отсылать «заказной бандеролью». Примите мои лучшие пожелания. Уважающий Вас Ник.[олай] Андреев (Николай Ефремович).

* * *

¹ Андреев Николай Ефремович (1908–1982 гг.) – русский эмигрант, по специальности – историк, литературовед и искусствовед.

² Голобуцкий Владимир Алексеевич (1903–1993 гг.) – украинский советский историк, специалист по проблемам истории казачества и экономической истории Украины, д.и.н. (1947), профессор (1948). Окончил Северо-Кавказский университет (г. - Ростов-на-Дону), а аспирантуру в Ленинградском пединституте, где также преподавал в 1934–1937 гг. Научный руководитель в аспирантуре – академик Б. Греков. Перед войной работал в Краснодарском пединституте, где во время войны и сразу после нее – в вузах Ленинграда, Казани, Черновцов. В 1947 г. защитил докторскую диссертацию «черноморское казачество. Очерки социальной истории») в Ленинг-

радском университете. С 1949 по 1961 г. – с.н.с., заведомо истории Украины периода феодализма Института истории АН УССР, а с 1961 по 1971 г. – завкафедрой в Киевском институте народного хозяйства. Автор монографий «Запорожское казачество», «Черноморское казачество», «Запорозька Січ в останні роки існування 1734–1775 гт.», «Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гт.» та ін.

³ «Український Самостійник» – газета-еженедельник, выходившая в 1950–1957 гт. Полуофициоз зарубежных частей ОУН (С. Бандери). Позже, официальный орган фракции ОУН за рубежом. С сентября 1957 г. – ежемесячный журнал. Начиная с января 1976 г. объединенный с журналом «Сучасність».

⁴ Номер «Українського Самостійника» за этот день в библиотеках Киева и Львова не найдено.

А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь (Москва)

Об одном критическом моменте в истории Института славяноведения*

Крупнейшего отечественного слависта, профессора Самуила Борисовича Бернштейна (1911–1997) по праву называют «патриархом отечественного славяноведения». В течение многих лет он совмещал заведование кафедрой славянской филологии в Московском университете с руководством лингвистическими подразделениями Института славяноведения. Самуил Борисович работал в Институте в течение 50 лет, вплоть до своей кончины. Его интересные воспоминания и дневниковые записи за 1943–1961 гт., названные автором «Зигзаги памяти», были опубликованы в 2002 г.¹ По справедливому

* Эта публикация была подготовлена авторами к сборнику воспоминаний сотрудников Института славяноведения РАН. Но по произволу его редактора и составителя не была включена в него, хотя содержит принципиально важные концентрированные (из всего объема мемуаров) сведения о критическом периоде существования Института, лишь бегло упомянутых в других воспоминаниях. Аргумент об их опубликованности не состоятелен, так как другие, ранее изданные воспоминания, здесь были напечатаны. Сама публикация, вышедшая под названием «Как это было. Воспоминания сотрудников Института славяноведения» (составитель и редактор Е.П. Аксенова), безусловно, интересна по содержанию, т.к. мемуаристы трогательно, с душевным трепетом освещают историю родного Института в лицах. Большую ценность представляет также фотоприложение. Однако в научном оформлении издания проявлено много непрофессионализма – отсутствуют алфавитный (не говоря уже об аннотированном) указатель имен и комментарии, уточняющие невольные погрешности памяти мемуаристов, наконец, само название, слишком примитивно и не отражает существа сборника, подготовленного к 60-летию юбилею Института. А ведь, научное издание требует хорошего знания современной истории славяноведения в его сложности и всесторонней эрудиции!

мнению рецензента книги профессора МГУ Н.Е. Ананьевой, мемуары С.Б. Бернштейна содержат «ценнейшие сведения о творческой индивидуальности автора, его современниках, об истории нашей страны и развитии науки»².

Многие страницы мемуаров Самуила Борисовича посвящены Институту славяноведения. Вот, например, запись о создании Института от 15 декабря 1946 г.: «Имеется уже предварительное решение о создании в Академии наук Института славяноведения. Он будет создан на основе сектора южных и западных славян Института истории, балто-славянского сектора Института русского языка и Славянской комиссии при Президиуме Академии наук³. Фактически Институт будет создаваться на голом месте, так как балто-славянский сектор и Славянская комиссия – почти мифические организации. Говорят, что директором будет академик Греков⁴. Это – сильный удар по Державину⁵, благодаря которому и принято решение о создании Института. Он был директором Института славяноведения в 1931–1934 гг.⁶, активно хлопотал сразу же после войны об организации нового института, привлек на свою сторону Г.М. Димитрова⁷ и Е. Ярославского⁸. И вот... Институт создан, но руководителем будет его старый враг... Как бы Державина не хватил второй удар»⁹. Как видно из архивных документов¹⁰, в приведенной записи есть неточности, но общая картина «борьбы бульдогов под ковром» за создание Института воссоздана мемуаристом верно.

Мемуары С.Б. Бернштейна – это своеобразная энциклопедия трудной жизни российской интеллигенции середины XX века с живыми, зачастую острыми и нелюбимыми характеристиками представителей литературы и искусства, и особенно ученых, с которыми Самуил Борисович встречался на жизненном пути.

Крайне антипатичен автору «Зигзагов памяти» был, в частности, крупнейший языковед-русист академик В.В. Виноградов (1894–1969), возглавлявший в 1950-е и начале 1960-х годов отечественную филологическую науку. Ниже публикуется важный отрывок из книги С.Б. Бернштейна, в котором рассказано об активной борьбе сотрудников Института славяноведения против попытки Виноградова перевести лингвистов Института в руководимый им Институт русского языка и, таким образом, ликвидировать Институт славяноведения как научно-исследовательское учреждение, разрабатывающее комплекс наук о славянстве. В дружном судьбоносном противостоянии ученых пользовавшегося в то время огромным влиянием академику, которое закончилось победой институтского коллектива, наиболее важная роль принадлежала С.Б. Бернштейну.

Из книги «Зигзаги памяти», записи 1959 г.¹¹

27 февраля. Началась серьезная борьба с Виноградовым. Дело это трудное, так как он пока еще силен. Он настойчиво требует передачи лингвистов Института славяноведения в Институт русского языка, а фактически – ликвидации Института славяноведения, так как этот Институт может нормально

функционировать только как комплексный институт. Буду всеми возможными средствами бороться с этим пиратом. Меня поддерживает директор Третьяков¹², но он скоро покидает наш Институт. В прошлом году он прошел в члены-корреспонденты Академии, а наш Институт ему нужен был только для этого. . .

24 июля. Вновь активизировался Виноградов. Он всеми средствами добивается передачи лингвистов Института славяноведения в Институт русского языка. Обосновывает это мероприятие он не очень логично. По его словам, издания по языкознанию нашего Института стоят на низком научном уровне. Поэтому всех нас нужно перевести в его Институт. Здравый смысл подсказывает другое решение: нужно просто закрыть сектор, члены которого не могут вести серьезной научной работы. И зачем свой Институт засорять бездарными неучами? Но не тут зарыта собака. Все дело в том, что мы не подчиняемся Виноградову не только по линии Института, но даже Отделения. Наш Институт входит в состав Отделения исторических наук. В последнее время из нашего Института была послана докладная записка в Президиум Академии Наук, в которой деятельность Виноградова была подвергнута резкой критике. Вот это и злит старика, у которого последнее время все сильнее и сильнее проявляется маразм. Передача нас в Институт русского языка свяжет нам руки. Будет ликвидирован серьезный научный центр, который не подчиняется Виноградову и может многие вопросы решать самостоятельно. Это понятно всем. Борьбу с Виноградовым буду вести до конца. Победа Виноградова будет означать поражение славистики. . .

9 ноября. Наступает время, когда нужно смело сказать: нет!!! Нет Виноградову, нет всей его административной деятельности, которая принесла нашему языкознанию много вреда. Больше молчать нельзя. Говорил об этом с Аванесовым¹³, но он еще не готов для боя с Виноградовым. Он его люто ненавидит, но боится. Понесу эту ношу один. Требование Виноградова о передаче лингвистов в Институт русского языка будет обсуждаться 12 ноября в Президиуме Академии Наук в кабинете вице-президента по гуманитарным наукам. Я постараюсь этот частный вопрос перевести в план обсуждения деятельности Виноградова на посту академика-секретаря Отделения литературы и языка. Обещают выступить на заседании Топоров¹⁴ и Шаумян¹⁵.

12 ноября. Сегодня во второй половине дня в кабинете вице-президента Островитянова¹⁶ состоялось под его председательством совместное заседание Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук. Островитянов сказал несколько слов и передал слово Виноградову. Я сразу же понял, что Виноградов не ждет от нас резких выступлений. Он был убежден, что никто из нас на таком высоком административном уровне не рискнет начать с ним войну. Он совсем не готовился и говорил всякий вздор, говорил высокомерным тоном, барски сюсюкал, допустил ряд необоснованных выпадов против историков. Все это пошло мне на пользу. Я воспользовался

всеми промахами академика. Сразу же после выступления Виноградова председатель предоставил слово мне. Неожиданно мне разрешили говорить 30 минут, чем я и воспользовался. Я кратко охарактеризовал деятельность лингвистов нашего Института, общее направление нашей работы, указал на важность совместной работы лингвистов с историками и литературоведами. После этого я перешел к характеристике деятельности лингвистов Института русского языка, подробно остановился на методологической беспринципности Виноградова, на его отношении к людям, [сказал] о его грубости, о культивировании им подхалимства, доносов и пр [очем]. Говорил я взволнованно, но следил за своей речью и не допустил ни одного неакадемического выражения. Мало сказать, что все присутствующие слушали меня внимательно. Они слушали, широко раскрыв глаза. Видно было по всему, что им редко в Президиуме приходится слышать подобные выступления. Стояла мертвая тишина. В заключение я сказал: «Под руководством Виноградова наш коллектив лингвистов работать успешно не сможет. Институт славяноведения без лингвистов тоже нормально функционировать не будет. Поэтому я от имени всего коллектива Института славяноведения прошу сохранить прежнюю структуру». Виноградов не ожидал подобного выступления. Вид он имел довольно жалкий. После меня взял слово М.Н. Тихомиров¹⁷. Он сказал, что Институт русского языка в теперешнем его виде не может претендовать на единственный центр по изучению славянских языков, так как даже с изучением истории русского языка дела плохи. Он убедительно показал это на нескольких примерах. Шаумян говорил о беспринципности Виноградова в основных вопросах методологии языкознания. Топоров указал, что в Институте русского языка дирекция проявляет полное непонимание задач сравнительно-исторического изучения славянских языков. После выступления Топорова было решено продолжить заседание 19 ноября. Я сильно устал и медленно спускался по лестнице. Меня догнал наш известный египтолог Коростовцев¹⁸ и сказал: «Вы молодец. Давно я в нашей затхлой Академии ничего подобного не слышал».

21 ноября. События развиваются стремительно. 19 [ноября] в Президиуме Академии Наук состоялось второе заседание. Оно прошло в более мягких тонах, но в совершенно ясном антивиноградовском направлении. Победил наш Институт. Важно, что никто из официальных лиц не защищал Виноградова. Принято решение, что Институт славяноведения сохраняет свою прежнюю структуру. Вчера я дал бой Виноградову уже на факультете. Я уже писал об аванюре кафедры русского языка, т[о] е[сть] о шумной затее по составлению нового этимологического словаря русского языка методом крякнем-пукнем¹⁹. Деканат поручил мне выступить со своими соображениями на заседании Ученого Совета. Не составляло большого труда показать нереальность плана, непонимание задач труда, некомпетентность решительно во всем. Однако я не ограничился заданной темой доклада. И здесь я повел ата-

ку против Виноградова – руководителя кафедр[ы], человека. И здесь царило оцепенение, все напряженно молчали. Одни смотрели на меня восторженно, другие сострадательно, третьи враждебно. Позже Грозная²⁰ мне сказала: «Я так боялась за Вас, Вы были так бледны». Начались прения. Сильно выступила Елкина²¹, которая говорила о грубости академика. Неожиданным было выступление близкой ученицы Виноградова Галкиной²². Она ласково журила академика за его высокомерие, за неумение работать с людьми. Во время выступления Галкиной лицо Виноградова было все искажено злобой и ненавистью. Мне порой казалось, что на его лбу вырастают рога. «А не черт ли он», – думал я. Большинство членов Совета упорно молчало. Молчали Будагов²³, Ярцева²⁴, Чемоданов²⁵, Иванов²⁶, Шанский²⁷. Молчали даже его клеветы. Виноградов ясно понял, что защитников у него нет. Это было очень красноречивое молчание. Председатель Самарин²⁸ предложил выступить Виноградову, но последний отказался с брезгливой миной. На этом заседание Ученого Совета закончилось...

31 декабря. ...Доволен своими баталиями с Виноградовым. С помощью своих молодых друзей основательно пощипал этого индюка. Убежден, что эти битвы имели большое воспитательное значение...

Примечания

¹ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. акад. РАН В.Н. Топоров. Публ. подготовлена М.Ю. Досталь и А.Н. - Горяиновым. М., 2002.

² *Ананьева Н.Е.* О профессоре С.Б. Бернштейне и его мемуарах // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 6. С. 159.

³ О Секторе балто-славянского языкознания С.Б. Бернштейн сообщал в записи от 15 марта 1946 г. (См.: Зигзаги памяти... С. 78): «Сектор фантастический, так как единственным его членом является М.Н. Петерсон...». О других указанных выше организациях см.: *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах, 1996. М., 1997. С. 107–129; *Она же.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах, 2002. М., 2003 и др.

⁴ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953), специалист по истории Киевской Руси и истории русского крестьянства, исследовал также некоторые вопросы истории зарубежных славян. С 1935 г. – академик. Был видным общественным деятелем и крупным организатором науки, в годы становления Института славяноведения руководил работой Отделения истории и философии АН СССР и Института истории АН СССР. Директором Института славяноведения был до 1951 г.

⁵ Державин Николай Севастьянович (1877–1953), филолог-славист, болгарист, общественный деятель, академик. Автор трудов по славянскому этногенезу, истории и культуре болгар, русско-болгарским культурным связям. После создания Института славяноведения возглавил его ленинградскую группу.

⁶ Подробнее об этом Институте см.: *Робинсон М.А.* К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // *Славянский альманах* 2004. М., 2005. С. 210–239 и др.

⁷ Димитров Георги Михайлов (1882–1949), видный деятель болгарского и международного коммунистического движения, в 1924–1945 гг. жил и работал в СССР, был генеральным секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала, в 1946 г. вернулся в Болгарию, возглавил Болгарскую коммунистическую партию и болгарское правительство.

⁸ Ярославский Ярослав Михайлович (псевд., настоящие имя и фамилия Миней Израилевич Губельман, 1878–1943), видный деятель большевистской партии, историк, публицист, с 1939 г. академик. Автор работ по истории ВКП(б).

⁹ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 90.

¹⁰ *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 3–25.

¹¹ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти... С. 245, 253, 255–257, 259.

¹² Третьяков Петр Николаевич (1909–1976), специалист по славянской археологии и древнейшей истории славян. Лауреат Сталинской премии за 1952 г., с 1958 г. – член-корреспондент АН СССР. В 1951–1959 гг. был директором Института славяноведения, затем переехал в Ленинград, работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, был профессором Ленинградского университета.

¹³ Аванесов Рубен Иванович (1902–1982), языковед, друг С.Б. Бернштейна. Исследовал проблемы фонетики и фонологии, русской диалектологии, истории русского языка, русской орфоэпии и орфографии. С 1958 г. – член-корреспондент АН СССР. Профессор Московского университета и ряда других московских высших учебных заведений.

¹⁴ Топоров Владимир Николаевич (1928–2005), ученый-энциклопедист, специалист по широчайшему кругу проблем славянской филологии, сравнительно-исторического языкознания, истории и теории литературы, фольклора. С 1954 г. до кончины работал в Институте славяноведения, в 1959 г. был старшим научным сотрудником. С 1990 г. – академик.

¹⁵ Шаумян Себастиан Константинович, специалист в области структурной лингвистики, в 1954–1960 гг. работал в Институте славяноведения, затем руководил сектором структурной лингвистики Института русского языка АН СССР. В 1960-х годах эмигрировал.

¹⁶ Островитянов Константин Васильевич (1892–1969), ученый и общественный деятель. Исследовал проблемы политической экономии. С 1953 г. – академик, в 1953–1962 гг. – вице-президент АН СССР.

¹⁷ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965), специалист по широкому кругу проблем истории России периода феодализма, источниковедению, дипломатике, палеографии, исследователь исторических связей русского народа с

южными славянами и Византией. С 1953 г. – академик. Лауреат Ломоносовской премии (1957). В 1956 г. основал Археографическую комиссию, являющуюся автономным структурным подразделением Института славяноведения, с 1957 г. до кончины работал старшим научным сотрудником Института.

¹⁸ Коростовцев Михаил Александрович (1900–1980), египтолог, автор трудов по филологии и истории Древнего Востока. Руководил отделом Древнего Востока Института востоковедения АН СССР.

¹⁹ 16 мая 1959 г. С.Б. Бернштейн записал: «Все это началось по инициативе ректора [МГУ, математика И.Г.] Петровского. Он узнал, что готовится русское издание этимологического словаря русского языка немецкого слависта Фасмера. Негодованию его не было границ: «Неужели наши лингвисты не в состоянии создать хороший этимологический словарь русского языка?» Виноградов рапортовал: «Конечно, можем и сделаем еще лучше». «Делайте» – благословил Петровский и дал несколько ставок для этой цели... В редколлегию включили многих русистов, тюркологов, романистов. Славистику должен был представлять я, но я сразу же категорически отказался. В своем выступлении [на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ – А.Г., М.Д.] я сказал, что *случайный* авторский коллектив не сможет справиться с поставленной задачей, что факультет не готов еще, что словарь будет создаваться много лет и будет низкого качества. После моего выступления началось настоящее цирковое представление. Было заявлено, что словарь будет подготовлен в 1965 г.» (См.: Зигзаги памяти... С. 249). С.Б. Бернштейн оказался прав: первый выпуск начатого по «благословению» И.Г. Петровского «Этимологического словаря русского языка» под руководством Н.М. Шанского вышел только в 1961 г., и до сих пор (2007) не закончен. Выпуски этого издания, содержащие буквы, А., Б и Ж, составлял один Шанский. В настоящее время работой над Словарем руководит заведующий отделом славянского языкознания Института славяноведения А.Ф. Журавлев.

²⁰ Грозная Зоя Павловна (1923–1965), богемист, преподаватель чешского языка в МГУ.

²¹ Елкина Нина Максимовна (1923), исследовательница лексики старославянского языка. С 1953 г. – сотрудница кафедры русского языка в МГУ, впоследствии – доцент кафедры.

²² Галкина-Федорук Евдокия Михайловна (1898–1965), языковед-русист. Ученица Д.Н. Ушакова и В.В. Виноградова. В течение многих лет читала лекционные курсы по русскому языку на филологическом факультете МГУ, одновременно преподавала в ряде других высших учебных заведений.

²³ Будагов Рубен Александрович (1910–2001), исследователь проблем общего и романского языкознания. С 1953 г. возглавлял кафедру романского языкознания филологического факультета МГУ, для заведования которой был приглашен В.В. Виноградовым из Ленинграда. Одновременно руководил от-

делом романских языков Института языкознания Академии Наук СССР. С 1970 г. – академик.

²⁴ Ярцева Виктория Николаевна (1906–1999), специалист в области германской и кельтской филологии, общего и сравнительно-исторического языкознания, типологии и контрастивной лингвистики. В 1954–1959 гг. заведовала кафедрой германского языкознания филологического факультета МГУ, одновременно до 1988 г. руководила сектором германского языкознания Института языкознания АН СССР. В 1968–1977 гг. – директор Института языкознания. С 1968 г. – член-корреспондент АН СССР.

²⁵ Чемоданов Николай Сергеевич (1903–1986), исследователь проблем общего, сравнительно-исторического и германского языкознания. С 1942 г. преподавал и занимал ряд административных должностей на филологическом факультете МГУ, с 1959 г. заведовал кафедрой германского языкознания. Лекционные курсы, прочитанные Чемодановым, свидетельствуют о широте его интересов. В 1971 г. ему была присвоена докторская степень.

²⁶ Иванов Валерий Васильевич (1924), специалист по грамматике, исторической фонологии и фонетике русского языка. В 1953–1969 гг. – старший преподаватель, затем доцент кафедры русского языка МГУ, в 1969 г. защитил в МГУ докторскую диссертацию. С 1969 г. работал в Московском автодорожном институте, где занимался проблемами обучения иностранных учащихся, одновременно с 1973 г. был последовательно старшим научным сотрудником, заместителем директора и главным научным сотрудником Института русского языка РАН. Лауреат Государственной премии СССР (1988).

²⁷ Шанский Николай Максимович (1922), исследователь проблем современного русского языка, исторической лексикологии, словообразования, этимологии и фразеологии. Под руководством Г.О. Винокура, Р.И. Аванесова и В.В. Виноградова подготовил и в 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1953–1987 гг. работал на кафедре русского языка филологического факультета МГУ, в 1966 г. защитил докторскую диссертацию, с 1968 г. – профессор. С 1959 г. руководил Этимологическим кабинетом МГУ, в рамках которого велась работа над «Этимологическим словарем русского языка» (См. о нем сноску 19). В 1970–начале 1990-х годов, продолжая работать в МГУ, возглавлял Научно-исследовательский институт преподавания русского языка в национальной школе. Академик Академии педагогических наук.

²⁸ Самарин Роман Михайлович (1911–1974), специалист в области истории западноевропейских литератур. С 1944 г. работал в МГУ, с 1947 г. заведовал кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета, в 1956–1961 гг. был деканом. В 1953–1973 гг. совмещал работу в МГУ с руководством отделом истории зарубежных литератур Института мировой литературы АН СССР.

**Славянское население Дона и Северо-Западного Кавказа
в конце XVII в. – начале XVIII в.: к вопросу о новых практиках
освоения пространства и преодоления «границы миров»
(на примере казачьих сообществ)**

Казачество, в котором зачастую численно доминировали восточные славяне, зачастую рассматривалось в науке как порождение российской истории, которое, несмотря на наличие определенных противоречий в отношениях с Русским государством, якобы являлось форпостом его интересов на окраинах. И хотя односторонность такого подхода налицо, следует признать, что за многими казачьими сообществами в историографии прочно утвердилась номинация – «российское казачество», «казачество России»¹. Впрочем, достаточно спорно утверждение о том, что, едва зародившись на южном пограничье, казаки, как особая этнокультурная общность, «сразу же стала трансформироваться в особое сословие Московского государства»². Более гибко подошел к решению этой проблемы Н.И. Никитин, который указывал на вынужденную порой мотивацию со стороны казаков в развитии отношений с Московским государством³. В новейшей историографии появляется все больше исследований (Б.М. Боук, В.Н. Королев, Н.А. Мининков, М.А. Рыблова, О.Г. Усенко)⁴, парадигма которых – многовекторность развития казачьих сообществ, изучение ментальных представлений казаков, применение новых подходов и концептов (дискурс империй, фронтир и т.д.).

Например, применение ситуационного подхода более адекватно изучению изменений массового сознания донского казачества послеразинского периода, парадигмы отношений донского казачества с Россией, Крымом и Османской империей, нежели разговор о вехах донской истории с точки зрения реформ в России⁵. Ведь, по сути, можно говорить о наступлении в конце XVII в. еще одного, качественно нового этапа в истории донского казачества, когда движение старообрядцев «вылилось в первую в истории донского казачества *братоубийственную войну* (выделено мной. – Д.С.) 1688–1689 гг., когда дело доходило до поголовного истребления казачьих поселений самими же казаками»⁶. Подчеркну, что здесь в инструментарии ученого – один из самых перспективных подходов, ситуационный, позволяющий учитывать логику поведения (в т.ч. субъективную логику) самых различных акторов на территории Дикого поля, Крымского ханства. Его применение предполагает отказ от концентрации на каком-то одном акторе (абстрактно – донском казачестве) и смещение фокуса «с акторов как таковых именно на процесс их взаимодействия и выявления... их поведения и реакций на обстоятельства и действия других акторов. Появляется возможность увидеть разные “правды”

разных акторов и групп»⁷. Среди этих групп и акторов мы увидим казацкие элиты, метисов (тум), изгоев, перебежчиков в турецкий Азов, включая «ах-реян», т.е. всех тех, кто населял пористое фронтальное пространство Дикого поля во второй половине XVII в. и влиял, конечно, на общий уровень криминогенной, экономической etc обстановки в регионе, а также межгрупповых отношений среди его славянских насельников.

Самое перспективное развитие, по мнению автора, для изучения заявленной проблематики может иметь обращение ученых к выводу И. Копытоффа о том, «фронтиры являются своеобразными «инкубаторами» для организации и развития новых обществ, поскольку отсутствуют возможности или желание точно воспроизводить формы социальной жизни метрополии. Нельзя не согласиться с мнением исследователя о том, что «фактор фронта надо считать разрешительным, нежели определяющим. Он не создает определенного типа общества, но обеспечивает вакуум, в котором отсутствуют установленные формы...»⁸. Таким образом, исходя из посылки первичности войсковых интересов и значимости концепта фронта, можно объяснить противоречивую зачастую реакцию донских казаков на силовые акции в регионе обеих континентальных империй, стремление донцов к отстаиванию собственных интересов. Кроме того, концепция фронта, как пишет А. Рибер, может быть востребована для того, чтобы встроить неоднозначную пористость границы «в наше понимание способов, с помощью которых человеческие существа стремятся разделять и отделять социальное пространство». Очевидно, что донское казачество представляло собой уже во второй половине XVII в. тип коллективного *homo novus*, коллективная идентичность которого определялась, по всей видимости, не общностью «московского происхождения» или даже принадлежностью к православию, а принадлежностью к войсковому братству. Недаром среди тяжчайших преступлений, каравшихся на Дону смертью, на первом месте – измена Войску⁹.

Подчеркну – обозначенные выше территории являлись не только «контактными зонами», но относились к числу «горячих точек» евроазиатских границ, сложных пограничных зон, где, по мнению А. Рибера, три или более имперские державы соперничали друг с другом. По классификации ученых географического местоположения этих зон, казачество можно признать активным «игроком» на геополитическом пространстве Причерноморской степи (где соперничали Россия, Речь Посполитая, Османская империя) и Кавказского узла (где сталкивались Османская, Иранская и Российская империи). На всем этом громадном пространстве казаки преследовали нередко свои собственные интересы, формы выражения которых зачастую лишь внешне соответствовали интересам Российского государства. Более того, в развитии процесса покорения казачества царизму следует признать значительное влияние прагматизма казачьих лидеров, рассчитывавших на получение по-

литических и материальных выгод от этого; следовательно, исконная преданность казаков России, Империи, идеям обороны российских границ, защиты веры православной – во многом миф, политический конструкт, зачастую далекий от настроений в среде рядовых казаков. Неудивительно поэтому, что способы, с помощью которых члены этого братства стремятся разделять и отделять социальное пространство, порой существенно отличались от «метропольных образцов». Еще раз отмечу – «монолитность» противостояния «казачьего мира» мусульманскому присутствию в регионе – исторический и историографический миф. Образы «чужого» всегда шире образа «врага» и здесь необходим новый взгляд на проблему, например, изучение исторических представлений татар и русских друг о друге¹⁰.

Поэтому тупиковыми, на взгляд автора, являются поиски некоторыми учеными составляющих «природного» происхождения казачества, надуманных исторических оснований для отстаивания жесткой дихотомии – бунтари-разрушители/слуги трона и Отечества, объявления казачества порождением исключительно российского государственного начала. Очевидно, что характеристики казачества, почти никогда несводимые к единому целому, всегда заключали в себе факты, явно «неудобные» для ученых-«государственников», искусственно переводивших процессы естественного, внутреннего развития этих сообществ на «рельсы» российского государственного строительства. Итог таким рассуждениям – выводы об исконной якобы преданности казаков российским интересам, имперским идеалам, патриотизме казаков. При этом нередко выстраивается своеобразный ложный «силлогизм»: православные казаки – противники мусульманского мира – сторонники России/проводники российской политики. Кроме явной дискуссионности такого рода положений, отмечу следующее: существенно обедненным предстает в таком случае *концептуальное* наполнение истории Дона, Кавказа, Причерноморья; включая, например, историю Кубани, с определяющим на нее влиянием правящего в Крымском ханстве дома Гиреев и крымской знати, государства, являвшегося до 1772 г. вассалом Османской империи.

Продвижение России, например, на Юг, в Причерноморье, наталкивалось на активное сопротивление не только Османской империи, Крымского ханства, Польско-Литовского государства, но и самого казачества, особенно донского и запорожского. Уместно привести почти забытое учеными свидетельство видного представителя «донской историографии» первой половины XX века Н. Янчевского о том, что еще до появления русских казаков в Поле там уже проживали казаки – порождение тюркского мира, которые затем органично влились в состав донского казачества¹¹. Еще в 1930 г. Янчевский сделал важное замечание гносеологического, по сути своей, значения для казачеведения: «Вряд ли представляет сколько-нибудь существенное значение для истории вопрос о том, формировалось ли войско донское из разноплеменных

отрядов, пополнялось ли оно служилым людом украинских городов, лежало ли в основе его беглое крестьянство или же перешедшие на службу к Московскому государству наемные отряды турецкого султана...»¹².

Представляется возможным дополнить суждение этого специалиста, «остановившимся» в своих научных практиках, однако, на явно устаревшем теперь посыле о том, что донское казачество служило орудием колониальной политики торгового капитала Москвы и являлось наемным войском. Итак: *даже путем признания определяюще славянского характера источников формирования донского, терского казачества, нельзя будет объяснить значение любых, по сути, «казачьих» событий в региональной истории, включая аспект участия казаков в поле международных отношений на Кавказе*. Итак, делая промежуточный вывод, можно уверенно говорить о несостоятельности примордиалистского подхода к казачеству, как сообществу (сообществам) в целом преданному (преданным) идеям православия, не мыслящему себя вне интересов России, царизма, веры.

Крестное целование (присяга), данное донцами в 1671 г. московскому государю наносило мощный удар по тем правам Войска Донского, которые были обретены казаками в тяжелейшей борьбе за выживание в Поле. Несмотря на сохранение Войском внутренней автономии, как считают некоторые ученые, оно все же было включено в состав Российского государства¹³, которое, конечно, не собиралось отказываться от дальнейшего упрочения своих позиций в землях «казачьего присуда». Отмечу, что при первых Романовых казаки упорно отказывали целовать крест, апеллируя к практике времен «как зачался Дон казачьими головами». Интересно, как они мотивировали свой отказ присягать А. Романову в 1645 г.: «Казачи-де не могут заставить по-христиански» присягать донцов, среди которых имеется много нехристиан и большинство которых родилось от басурманок¹⁴. Если даже мотивацию отказа признать проявлением лукавства со стороны казаков, то, во-первых, нельзя отрицать наличия тогда большой политической самостоятельности Войска Донского, проявления здесь идеологии казачьего эгоцентризма и, во-вторых, присутствия в казачьей среде представителей иных «народов» и религий, о чем ярко высказался Г. Котошихин: «А люди они породою москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи... и крестьяне... И дана им на Дону жить воля своя..., а ежели б им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учили...»¹⁵. По мнению автора настоящей статьи, говорить о том, что господство славянского элемента в составе донского казачества определяло характер его отношений с Россией и тем более – его «внешнеполитическую» деятельность – весьма проблематично.

Учитывая историографическое значение самых разных точек зрения, представляется возможным заострить внимание сразу на нескольких сюжетах из

предметной области казаковедения: 1) казачество не есть порождение исключительно российской истории; 2) нельзя говорить об однотипности развития казачьих сообществ, признав, впрочем, *неизбежность превращения всех их в служилых людей государства (но не только России)*; 3) историю казачества неправомерно рассматривать исключительно в контексте «огосударствления» окраин России, без изучения происхождения, социальной структуры самого казачества, анализа его психологии; 4) в развитии процесса покорения казачества царизму следует признать значительную долю прагматизма казачьих лидеров, рассчитывавших на получение политических и материальных выгод от этого.

Предлагаемая статья развивает ряд положений автора, выдвинутых им при изучении масштабной научной проблемы – «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья»¹⁶. Оказывается, что «турецкое» зеркало» влияло на формирование характеристик казачества гораздо в большей степени, чем это принято считать в историографии. Например, неслучайной видится автору реализация донскими казаками уже в XVII в. их угрожающего для Москвы тезиса о готовности перейти на сторону «врагов христианства». Так, еще в 1626 г. донцы, недовольные утеснениями со стороны Михаила Романова и царской администрации в Астрахани, заявили о своей готовности уйти «в турецкого царя землю и учнут жить у турецкого царя»¹⁷. А в конце 1680-х гг. представители донских старообрядцев вновь заговорили о том, что «...у нас-де свои горше Крыму... лучше-де ныне крымской, нежели наши цари на Москве»; «если роззорят Крым, то-де и... им... житья не будет»¹⁸. Представляется, что говорить о приоритете в этих словах сугубой провокации не приходится – данный тезис казаки реализовали на практике в пределах 2–3 поколений *еще до восстания К.А. Булавина*, со времен которого до нас дошло едва ли не самое громкое заявление донцов об их готовности сменить подданство. В мае 1708 г. казаки-булавинцы писали кубанским казакам следующее: «А есть ли царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснения чинить, мы Войском от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки, а также и у турецкого царя...»¹⁹. Кроме того, булавинцы пытались наладить связи через кубанских казаков не только с турецкими властями в Ачуеве, но самим султаном Ахмедом III, прозрачно намекая на возможность перехода в турецкое подданство.

Содержание данных сообщений позволяет уточнить вывод ученых о том, что до Булавинского восстания история не знала случаев, чтобы донские казаки «вмешивали турок в свои отношения с царскими властями и пытались привлечь их на свою сторону, хотя и в первой половине XVII в. на Дону иногда говорили о возможности своего ухода с “реки”»²⁰. Вероятно, у нас еще мало данных, которые позволили бы говорить, например, о сравнения уровня статусности в каза-

чьей среде русского царя и турецкого султана, но, кажется, что сама постановка проблемы – о поисках казаками иных, нежели никонианская Россия, векторов притяжения (персонифицированная, быть может, в лице мусульманских государств), проистекает логически из условий пребывания донских казаков во фронтальном пространстве Поля. Делая промежуточный вывод, можно, таким образом, констатировать необходимость обращения ученых ко всем без исключения событиям полихромной палитры отношений казаков не только с Россией, но и с Крымским ханством, Османской империей. Поэтому для понимания исторической ситуации во всей ее полноте необходимо в качестве «оптического прибора», обращенного в прошлое, использовать не только «российское», но и «турецкое зеркало» – вероятно, вследствие чего казачья проблематика (конечно, главным образом применительно к событиям XVI–XVIII вв.) получит основания для самого перспективного изучения.

Часть означенных выше вопросов получила свое освещение в ряде работ автора, других исследователей (прежде всего в исследованиях Б. Боука, В.И. Мильчева, О.Г. Усенко, Н.А. Мининкова), часть – нуждается в дополнительных изысканиях. Один из самых сложных здесь вопросов – определение причин ухода части донских казаков на Кавказ именно во второй половине XVII в., причем в итоге – во владения крымского хана, на земли Правобережной Кубани. Ведь «преодоление границы миров» для казаков в более ранний период не было столь актуальным. В историографии имеется несколько работ, дающих прочную основу для дальнейших исследований²¹.

Во второй половине XVII в. к основаниям противостояния донских казаков с Москвой добавилось еще одно – связанное с реакцией старых и новых насельников Дона на церковную реформу патриарха Никона. Церковный раскол привел не только к росту эсхатологических ожиданий, но, очевидно, к смене парадигм в оценке России как «святой», «чистой», «белой». Активная деятельность на Дону т.н. «расколоучителей», безусловно, способствовала формированию и распространению в регионе идеи о том, что «светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял и преподобными отцами наполнился, яко шестикрыльнии [серафимы] налетеша»²². Россия же была объявлена «уделом Антихриста», а гонители ревнителей старой веры, «гонимых христиан, Христа в себе носящих», превратились в «работающих сатане»²³.

Делая предварительный вывод, можно полагать, что в характеристике противниками никонианства прежних «маркеров» православной России произошла мена – она приобретает теперь черты «нечистого» пространства. И, напротив, «наращиваются» черты степей Дикого поля как пространства «чистого», в частности, помещение игуменом Досифеем антиминос в Чирскую пустынь и обретение на Чиру мощей²⁴. Крайне важным является документальное свидетельство конца 1680-х гг. об обороне донскими старообрядцами новопостроенного ими городка в северной части р. Медведица. В ответ

на предложение выдать своих вождей и сдаться сами, они заявили: «Хотя все померем, городка уступать не будем и не сдадимся. Мы здесь жить будем. Этот городок второй Иерусалим...»²⁵. Представляется, что такая номинация также могла подчеркивать святость, «чистоту» Дона в контексте противостояния «нечистой» Москве, тоже «Новому Иерусалиму»²⁶. Более, очевидно, впрочем, другое – соотнесение этого городка с Иерусалимом имело очевидные сакральные корни, также, как в случае соотнесения с Иерусалимом Москвы. Б.А. Успенский, говоря о восхождении выражения «Новый Иерусалим» к Апокалипсису, подчеркивает, что оно «объединяет апакалиптическую идею Второго Пришествия с пасхальной идеей Воскресения, обновления; все это вписывается в космологическую картину мира и... вполне отвечает эсхатологическим ожиданиям.»²⁷. Не желая сдаваться, духовное спасение старообрядцы находили, бросаясь либо в огонь, либо в воды Медведицы.

Следующий вопрос, на который дается *предварительный* пока ответ, состоит в следующем: насколько все эти эсхатологические ожидания и другие основания неконформистских взглядов *новых насельников* Дона разделялись донскими казаками? Конечно, не стоит забывать о том, что фронтирное пространство многолико, и наполнено многочисленными акторами, мотивацию действий, которых продуктивнее изучать в рамках ситуационного, а не регионального подхода²⁸. Часть казачества все же оказалась втянутой в поле «религиозных войн на Дону» конца XVII в., причем казаки-старообрядцы временно даже захватили власть в Войске Донском²⁹. Более того, поддерживаемый новыми войсковыми властями, один из вождей донского «раскола», К. Чурносов, выдвинул идею церковной автономии Дона и выборов «особого патриарха или епископа». Потерпев в итоге поражение, донские казаки, в т.ч. старообрядцы, бегут на юг и юго-восток, в различные области Кавказа – как северо-западную (Кубань), так и северо-восточную (напр., владения Тарковского шамхала). При этом, говоря о мотивации бегства казаков на Кавказ, подчеркну мысль проф. Н.А. Мининкова о том, что на пути сближения донских казаков с татарами и турками лежали серьезные препятствия, в т.ч. основания психологического свойства, подкрепляемые многолетней традицией. Тем внимательнее ученые должны отнестись к анализу противостояния, разыгравшегося между донскими казаками, вытесненными на Кавказ и казаками, оставшимися на Дону.

Интересно, что, например, Е.Н. Кушева пишет: «...первые группы казаков с Дона появились здесь же (на Куме, реке в Предкавказье, северном притоке нижнего течения р. Койсу-Сулак. – Д.С.) в 60-е годы XVII в.»³⁰. Но массовый приток донцов на Кавказ – это последствие поражения донских старообрядцев, особенно усилившийся после падения Заполянского городка на Дону в начале апреля 1689 г. Однако еще в 1688 г. более 1000 казаков во главе с Л. Маньцким покинули свои городки и отправились в район Большой Кабарды, осев во владениях князя Месауста (Мисоста Казыева), указавшего им жить в «ста-

ропостроенном городе Можарах на Куме реке»³¹. Уже в том же году (наверняка – после апреля) около полутора тысяч таких беглецов устроили земляной городок среди лесов, со рвом, и валом «со всяким строением... а для обороны его поделали деревянные пушки с железными обручами»³². Эти казаки завязали также отношения с терским атаманом И. Куклей, рассчитывавшим на пополнение местного сообщества казаков еще за счет тех донцов, которые оказались на р. Аграхани (приток р. Сулак) – куда по призыву Тарковского шамхала Будая перешел отряд кумских казаков³³, вскоре предпринявший оттуда ряд походов в Прикаспий. Наконец, примерно в 1689 или 1690 гг. какая-то часть казаков отправилась на Кубань – владения крымского хана Селима I.

Какие последствия имели эти все события для состояния российско-кавказских отношений и общих позиций России как одного из главных региональных акторов? Полагаю, что этот исход казаков с Дона вызвал обострение многих местных противоречий, нарушая т.ч. систему сдержек-противовесов, выгодную России и ею же формируемую. Положения дел не мог исправить даже тот факт, что часть кумских казаков уже в апреле 1689 г. вернулась на Дон, прось в Чирском городке о прощении вины – на что Войско в итоге пошло³⁴.

Царизм какое-то время также пытался проводить в жизнь комплексный подход к нейтрализации новой для себя угрозы с Кавказа в лице казаков. В 1691 г. на Аграхань отправились донские казаки, которые должны были вручить царскую грамоту тамошним казакам, пребывающим под защитой шамхала Тарковского. Двух посланцев Войска беглые казаки убили, отправив назад двух других с письмом от своего сообщества – в котором Войско извещалось об убийстве аграханскими казаками раньше еще одного посланца с Терков, а также о том, что «и впредь будто же такожде посланных к ним хотят тоже побивать до смерти...»³⁵. Накал событий в целом тогда был таков, что казаки-«изменники» с поразительным упорством стали убивать царских посланцев – дело дошло до того, что «верные» донские казаки отказывались исполнять царские повеления о передаче, например, аграханским казакам, грамоты с лестными предложениями. Обращает на себя внимание способ погребения казаками Кавказа убитых ими «недругов» – *утопление трупа в воде*. Рабочая гипотеза автора состоит в том, что вполне вероятно связь этих действий с культом «заложных покойников», поскольку умерших неестественной (насильственной) смертью «мать сыра-земля» отказывалась принимать. Поскольку по ряду представлений восточных славян на дне водоема находится ад и вообще вода – та стихия, с помощью которой можно отправить покойника на тот свет, то такая «забота» о душах «заложных покойников» лишней раз свидетельствует о *психическом напряжении* в среде казаков-нонконформистов. Не добавлял спокойствия царям и тот факт, что на Кавказе активизировалась торговля боеприпасами и, надо думать, оружием – к чему оказались причастны все те «воровские» казаки, сумевшие наладить связи с «начальными людьми» и татарами из «Терка и из Асторохани»³⁶.

Летом 1691 г. из Терского городка астраханскому воеводе П.И. Хованскому сообщалось о том, что по сведениям княгини Т. Черкасской, «донские воровские казаки и раскольщики выехали на моря в четырех стругах»³⁷, причем шамхал Будай поместил на каждый казачий струг по одному своему лучшему узденю. Кроме того, в документе выражалась тревога относительно того, что вероятно нападение этих казаков вместе с татарами-еманчей на Терский городок – опорный пункт России на Восточном Кавказе в то время. Рост напряженности очевиден – в августе 1691 г. П.И. Хованский сообщал в Москву в числе прочих новостей и о высказанном им предложении гребенским казакам участвовать в защите Терков от шамхала и «воровских казаков»³⁸; и набег этот, отмечу, все-таки состоялся.

Здесь нужно сказать еще о том, что шамхал предполагал использовать казачий фактор еще в реализации планов по нападению на Иран, грабежей шахских кораблей на Каспии, приглашая к тому же на Аграхань с Дона все новые группы казаков³⁹. Свою роль сыграли в этом и сами кавказские казаки, совершившие осенью 1691 г. во главе с атаманом С. Жмурой нападение на донские городки, заявляя: «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно. К нам милость кажут басурманы лучше вас православных христиан»⁴⁰. Пополнялся новыми выходцами с Дона и центр казаков на р. Куме – так, например, случилось летом 1691 г., когда казаки Кавказа оказались причастны к походу азовского беге на Дон летом 1689 г. Под воздействием на донцов со стороны их бывших товарищей (помимо оружия как «аргумента» в уговорах те прибегли тогда к авторитету воззваний попа Пафнутия) произошло следующее – «многие городки передались на сторону куминцев»⁴¹. Конечно, необходимо сказать, что обратное возвращение на Дон не было тогда явлением исключительным, но нельзя не отметить того, что произошел *окончательный разрыв* части казаков с Доном – знаменуя те серьезные изменения, которые происходят в казачьей среде в последней четверти XVII в. Реакция этих неконформистов на подавление Разинского восстания, Раскол, выразившаяся, прежде всего в Исходе на Кавказ, вызвала не простое количественно изменение населения в этом регионе, но, напротив, *качественное изменение состава* региональных акторов исторического процесса, в.т. активизировавших свои действия против России.

Грабежи судов, включая «государевы бусы»⁴², «воровскими» казаками затронули также российских купцов, они нарушали также снабжение деньгами, хлебом⁴³ крепости Терки из Астрахани. Осенью 1691 г. «воровские казаки» ограбили на море голову казанских стрельцов С. Арханова и примерно в то же время (октябрь), объединившись с людьми шамхала, напали уже на целый караван⁴⁴. В октябре 1691 г. отряд воеводы В.С. Нарбекова, сопровождавшего по пути из Астрахани на Терек казну, подвергся нападению со стороны казаков-«раскольщиков», поселившихся «под владеньем Будай шевкала на реке Аграхане...»⁴⁵. Интересно, что нападение не было случайным –

эти казаки каким-то образом проводили про отправку ценностей, подстергая струги воеводы. В союзе с казаками (атаман – Сенька Хмура) тогда опять действовали татары-еманчей, а также – кумыки. Один струг был разбит, но напасть на основной отряд казаки не решились, убравшись восвояси, получив, впрочем, в качестве добычи так нужные им пушку, «зелье», свинец. Примечательно, что сам воевода Нарбеков подчеркивал степень опасности для терчан со стороны татар кумыков и казаков – «и выезде им с Терка... для дров и на рыбную ловлю и никуда для нужд ездить стало невозможно: воровские казаки...и... татара и кумычя безпрестанно под город подбегают», захватывая в плен вышедших из Терков на промысел его жителей⁴⁶. Известная безнаказанность казаков дошла до того, что они стали устраивать свои заставы на пути в Астрахань⁴⁷.

Такое положение дел не могло не встревожить как российскую администрацию на Кавказе, так и царскую власть. Еще в 1690 г. правительство отправило на Кавказ И. Басова и к беглым казакам, и к шамхалу – причем в случае отказа со стороны казаков вернуться на Дон, Басову поручалось добиться от шамхала выдачи непокорных выходцев с Дона⁴⁸. Попытки имели место и позже – как следует из отписки от 21 сентября 1692 г. головы астраханских пеших стрельцов Д. Сербина князю П.И. Хованскому с «товарыши», он был послан по указу царей к Т.С. Черкасской на Терек, а также и к Тарковскому шамхалу, чтобы вместе с ними «чинить промысел» над воровским казаками⁴⁹.

Важно отметить, что в эти годы укрепляются связи различных центров казачьих сообществ на Кавказе. Например, 18 сентября 1692 г. к аграханским казакам вернулись их посланцы из Крыма, а также и «кубанские казаки... которые живут на реке Кубане... хотели их проводить до Крыму...»⁵⁰. Речь тогда шла о готовящемся уходе казаков с Восточного Кавказа на Кубань – дальнейшие перспективы действенности покровительство шамхала внушают им все большие опасения. Аграханцы отправились в побег, но на реке Сунже были настигнуты отрядом кумыкских мурз из Эндери (кумыкского владения Эндери в Северном Дагестане) – Муртазалея и Амирхана, причем последний еще привлек для этого дела чеченцев и кумыков⁵¹. А указание им о пресечении попытки бегства казаков дала княгиня Т.С. Черкасская. Крайне интересно, что среди этих казаков, настигнутых на Сунже, были их жены и дети⁵². На Кубань, по мнению Сербина, уйти удалось примерно тридцати с небольшим казаков⁵³, причем, судя по контексту документа, сам он еще не знал общих итогов погони за беглецами.

Из отписки начальника военного отряда И. Волкова князю П.И. Хованскому узнаем подробности этой, без всякого сомнения, масштабной операции против аграханских казаков. Оказывается, что Волков был послан по указу царей для поимки «казаков-раскольщиков», придя с отрядом «на море, в урочище Брянцева коса, находясь там до 22 сентября из-за плохой погоды»⁵⁴.

Выясняется, что по велению Хованского он должен был, подойдя к устью Терека, отправить своего посланца к Д. Сербину – чтобы тот прибыл оттуда к нему, Волкову, с казной, предназначенной для Будаи шамхала⁵⁵, уже а priori рассматривавшегося в качестве союзника в общем деле расправы над казаками. Вероятно, именно астраханские «ратные люди» Волкова (усиленные еще одним отрядом Д. Галачелова⁵⁶) должны были составить основу экспедиции против аграханцев. Однако те, получив сведения о готовящемся против них мероприятии, ускорили свой уход на Кубань, вследствие чего план изменился. Недаром в этих условиях оперативно действует Д. Сербин – наяв подводы, он немедленно отправляется к кн. Черкасской, согласившейся выполнить его просьбу – организовать преследование и разгром казаков.

Источники расходятся в оценках численности казаков, сумевших тогда уйти все же на Кубань. По сведениям терчанина Ф. Молчанова, бежавшего морем к Волкову, «пошло де было их казаков с Аграхани-реки всех человек с полтора ста, а ушло де их казаков человек с сорок»⁵⁷. Эта цифра, как видим, близка сведениям Д. Сербина (см. выше). Напротив, В.Г. Дружинин вполне логично полагает, что для такого малого числа казаков незачем тогда было строить на Кубани целый городок, указывая на примерное число спасшихся беглецов – 200 человек⁵⁸. Наконец, согласно данным Войска Донского, на Кубань в сентябре 1692 г. отправились с Аграхани 700 казаков, 200 из числа которых сумели достигнуть цели⁵⁹. Представляется, что на самом деле осенью 1692 г. р. Аграхань покинули главные силы казаков, причем во главе с их лидером – Л. Маныцким, т.е. несколько сот человек; недаром и силы против них собирались немалые – не менее 450 человек одних только рагников из Астрахани, число которых в итоге возросло⁶⁰.

На Кубани аграханские казаки нашли тех ушедших с Дона казаков, которые проживали здесь уже несколько лет, заложив в итоге⁶¹ основы отношений с Гиреями, содержанием которых позже успешно воспользуются некрасовские казаки. Однако нельзя согласиться с В.Г. Дружининым в той его мысли, что ушедшие на Кубань казаки перестали представлять собой опасность и для Войска Донского, и для Москвы. Уже летом 1693 г. черноморский воевода Ф. Спешнев извещал кн. П.И. Хованского о полученных от Войска Донского сведениях – поселившиеся на Кубани казаки и ногайцы под командой Кубек-аги готовятся напасть на рыбные ватаги, но, что больше его тревожит – в случае нападения Черный Яр невозможно будет оборонять по причине «малолюдства» и отсутствия боеприпасов⁶² – а ведь это будет, тревожился воевода, уже не первое нападение. Тогда, в июне 1693 г., крепость удалось отстоять от набега все тех же казаков и татар. Еще большая опасность исходила от кубанских казаков в той части их активных действий, которые касались «сманивания» на Кубань, прежде всего донских казаков. В октябре 1693 г. эндереевский Муртазелей-мурза сообщал о намерении казаков из двух донских городков уйти на Кубань к «казакам-раскольникам, где Кубек-ага построил им городок»⁶³. Встревожен-

ный кн.П. Хованский почти немедленно сообщает об этом в своей отписке на царское имя. А в 1703 г. на Дон была отправлена царская грамота о принятии Войском мер к сыску «воров», поговаривающих казаков уйти с р. Медведицы на Кубань⁶⁴. Кроме того, необходимо сказать, что в союзе с казаками по-прежнему заинтересованы кавказские феодалы – например, все тот же шамхал Тарковский⁶⁵. Надо думать, что и кумских казаков кабардинские князья не спешили выдавать «головой» Москве. О позднейшей судьбе этого центра кавказских казаков ученым почти ничего неизвестно, об этом умалчивает и В.Г. Дружинин, и Б.М. Боук. Любопытный документ недавно был обнаружен автором в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В отписке царичинского воеводы Р. Вельяминова-Зернова (июнь 1894 г.), сообщалось о нападении близ «Большкеевского водоворота» на рыбный струг саратовского стрельца П. Гулина отряда татар, калмыков и «куминских казаков»⁶⁶.

Но, конечно, основные неприятности российской администрации на Кавказе и в Поволжье доставляли именно те казаки, которых принял к себе крымский хан Селим-Гирей. В целом можно полагать, что уже на рубеже XVII–XVIII вв. кубанское казачество стало играть не меньшую роль в активизации новых переходов донцов на Кавказ, набегах (теперь уже часто в союзе с ногайцами) на окраины Российского государства и общем повышении внимания Крыма, Османской империи и России к казачеству как важному игроку на пространстве Дикого Поля и сопредельных территорий.

Примечания

¹ Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общ. ред. Н.И. Бондаря. М.: Краснодар. 2002. Т.1; 2005. Т.2.

² Тюменцев И.О. Зарождение казачества на Волге и Дону и его включение в социальную структуру Московского государства в XV – первой половине XVI вв. // Донское казачество: история и современность: Сб. науч. ст. Волгоград, 2004. С.16.

³ Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века // История СССР. 1986. №4. С.171–172.

⁴ Боук Б. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: Мат-лы науч. конф. (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001; Королев В.Н. Босфорская война. Ростов на/Д., 2002; Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. ст. Тверь, 2000. Вып.2; Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград, 2006.

⁵ Гражданов Ю.Г. Казачество России в XVII – нач. XX вв. (Основные вехи истории и проблемы научных оценок) // Донское казачество: История и современность: Сб. науч. ст. Волгоград, 2004. С.38.

⁶ Мининков Н.А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. ст. Ростов н/Д., 2006. Вып.1. С.34.

⁷ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С.29.

⁸ Kopytoff I. The African Frontier: the Reproduction of Traditional African Societies. Indiana University Press.1987. P.14.

⁹ Щелкунов З. Преступления против «войска» по древнему казачьему праву // Сб. областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1908. Вып. 8.

¹⁰ Зайцев И. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. С.187–203.

¹¹ Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов на/Д., 1930. С.99, 112, 118, 141–142 – см. его наблюдения об азовских и ногайских казаках.

¹² Там же. С.138.

¹³ Мининков Н.А. Основы взаимоотношений Русского государства... С.33.

¹⁴ Цит по: Томсинский С.Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С.137.

¹⁵ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. публ., введ. ст. и словник проф. Г.А. Леонтьевой. М., 2000. С.159.

¹⁶ Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. Изд. 2-е, испр. и доп.; он же. Кубанское казачество: условия пополнения и развития (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих сообществ) // Социальная организация и обычное право: Мат-лы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001. С. 193–214; Он же. «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2004. №5. С.73–76; Он же. Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых вагаг к ханскому казачьему войску (Некоторые теоретические аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Одесса, 2005. Вып.2.

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.127. Оп.1. 1626 г. Д.1. Л.336–337.

¹⁸ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII столетия. СПб., 1889. С.180, 182.

¹⁹ Булавинское восстание. 1707–1708. Сб. док-в. М., 1935. С.464.

²⁰ Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов на/Д., 1983. С.261.

²¹ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII столетия. СПб., 1889; Мининков Н.А. К истории раскола русской православной Церкви (малоизвест-

ный эпизод из прошлого донского казачества) // За строкой учебника истории: Уч. пособие. Ростов н/Д., 1995.

²² Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1875. Т.12. Док. №17.

²³ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. СПб., 1885. Т.7. С.231.

²⁴ Дружинин В.Г. Указ. соч. С.78.

²⁵ Цит по: Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. №4. С.31.

²⁶ Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // В кн.: Успенский Б.А. Избр. тр. М., 1996. Т.1. С.127.

²⁷ Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // В кн.: Успенский Б.А. Избр. тр. М., 1996. Т.1. С.93.

²⁸ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С.14–32.

²⁹ Мининков Н.А. К истории раскола... С.35–38; Дружинин В.Г. Указ. соч. С. 129–150.

³⁰ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов. Выявление, сост., введ., комм. Е.Н. Кушевой. М., 1997. С.327.

³¹ Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска... С.31.

³² Дополнения к актам историческим. СПб., 1872. Т.12. С.242.

³³ Дружинин В.Г. Указ. соч. С.195–196; Боук Б.М. Указ. соч. С.32.

³⁴ Дружинин В.Г. Указ. соч. С.203–204.

³⁵ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным (далее – Акты Лишина). Новочеркасск, 1891. Т.1. С.163.

³⁶ Там же. С.167–168.

³⁷ Русско-чеченские отношения... С.249.

³⁸ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб. ИИ РАН.). Ф.178. Оп.1. Д.12217. Л.1–2.

³⁹ Боук Б.М. Указ. соч. С.32; Дружинин В.Г. С.195.

⁴⁰ РГАДА. Ф.111. 1691 г. Д.4. Л.4.

⁴¹ Дружинин В.Г. Указ. соч. С.205.

⁴² Русско-чеченские отношения ... С.252.

⁴³ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12244, 12247.

⁴⁴ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12256, 12257.

⁴⁵ Русско-чеченские отношения... С.251.

⁴⁶ Русско-чеченские отношения... С.254.

⁴⁷ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12244.

⁴⁸ Боук Б.М. Указ. соч. С.32.

⁴⁹ Русско-чеченские отношения... С.256.

- ⁵⁰ Там же. С.256.
⁵¹ Акты исторические. СПб., 1842. Т.5. Док. №215.
⁵² Русско-чеченские отношения... С.256.
⁵³ Там же. С.256.
⁵⁴ Русско-чеченские отношения... С.257.
⁵⁵ Там же. С.257.
⁵⁶ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12317. Л.1–1 об.
⁵⁷ Русско-чеченские отношения... С.258.
⁵⁸ Дружинин В.Г. Указ. соч. С.211–212.
⁵⁹ Боук. Б.М. Указ. соч. С.33.
⁶⁰ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12316, 12317.
⁶¹ Усенко О.Г. Указ. соч. С.63–77.
⁶² Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12364.
⁶³ Там же. Д.12449. Л.1.
⁶⁴ Акты Лишина. Т.1. С.204–205.
⁶⁵ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.178. Оп.1. Д.12585.
⁶⁶ Там же. Д.12589.

Н.А. Бондаренко (Москва)

Изучение межславянских культурных связей на филфаке Института русского языка им. А.С. Пушкина

На протяжении всей истории человечества этапы культурной изоляции отдельных стран, народов сменялись периодами их интенсивного взаимодействия и взаимопознания. Наиболее восприимчивым к этим процессам оказался славянский мир, занимающий особое «переходное положение между Востоком и Западом. «Здесь наш средний, греко-славянский мир перемешался с романо-германским Западом... это пестрая полоса соприкосновения», – писал профессор Санкт-Петербургского университета Константин Яковлевич Грот в начале XX века в работе «Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства». Обеспокоенность отсутствием элементарного ознакомления студентов со славянским миром звучала в трудах О.М. Бодянского, В.И. Ламанского и И.И. Срезневского и других ученых-славистов, считавших эту проблему существеннейшим пробелом в системе общего образования.

Да и сегодня, более чем 100 лет спустя, наука о славянстве остается достоянием ученых-специалистов. Сведения о славянах у большинства наших студентов, к сожалению, сводятся к расхожим штампам и стереотипам, известным из газет и телевидения.

В начале XX века Н.А. Бердяев, размышляя о русской духовности, отмечал, что «всякая культура есть культура духа»¹. Углубляя особенности культуры, отмечен-

ные Н.А. Бердяевым, его современник Н.К. Рерих писал: «Культура – есть почитание света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты, если мы соберем все определения культуры, мы найдем синтез действенного блага, очаг просвещения и созидательной красоты»².

Все эти рассуждения с полным правом можно отнести к культуре славянских народов. Однако, просмотрев учебники средних школ и пособия педагогических вузов, вы почти не найдете там и обстоятельной информации о славянах.

Восполнить этот пробел – одна из задач педагогических вузов. Примером решения этого может служить курс «Взаимосвязи славянских культур», который введен в Институте русского языка им. А.С. Пушкина в систему подготовки будущих преподавателей русского языка как иностранного (РКИ).

Цель курса – формирование общегуманитарной компетенции учителя через знакомство с культурой славянских народов.

Задачи – познакомить студентов с некоторыми важнейшими явлениями культуры и искусства славянских стран периода эпохи национального возрождения (конец XVIII – начало XIX века),

– раскрыть вопросы межславянских связей, определив роль России в становлении и развитии культуры славян данного периода.

Философскую основу курса составляет идея славянской взаимности, теоретически обоснованная в трактате Яна Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», вышедшего в 1837 г. – на немецком, а в 1840 г. – на русском языках. В нем ученый обосновал четырехплеменную структуру славянского народа, сосредоточился на программе славянской культурной взаимности и способах ее осуществления как наиболее надежном средстве для предохранения славянства от дальнейшего разделения, для укрепления и развития его единства.

Главным условием достижения взаимности является образование, считал Ян Коллар. Эта программа стала мощным стимулом развития славян и послужила основой для широкого обмена культурными ценностями, взаимного познания и сближения славянских народов.

Одной из важнейших предпосылок возникновения этой идеи были кирилло-мефодиевская традиция, защищавшая самобытность и автономность славянских культур.

Ввиду небольшого количества часов (курс читается автором в течение одного семестра), акцент сделан на эпохе Национального возрождения (конец XVIII – начало XIX вв.). Это было время, когда южные и западные славянские народы, утратившие свою государственную независимость, решали важнейшие задачи. Одна из них – задача Национального возрождения виделась в восстановлении государственности путем борьбы с иноземным господством, а приобщение к общеевропейскому историко-культурному процессу мыслилось на основе возрождения своего наследия. В этот период культура становится

частью общественно-политического и национально-освободительного движения, превращаясь в главный элемент общественного сознания.

Художественная ценность произведения в глазах общества зависела от патриотичности его содержания. Именно в этот период новый импульс в развитии получают межкультурные связи, в первую очередь, связи с Россией.

В первом блоке рассматриваются теоретические вопросы о самобытности культуры славянских народов, о предпосылках возникновения идеи славянской взаимности, об общих закономерностях формирования и развития культур в данный период.

Напомню, что развитие славянской мысли в конце XVIII – первой половине XIX в. прошло путь от туманных представлений деятелей Просвещения о структуре славянства, через теорию словацкого поэта и мыслителя Яна Коллара, рассматривавшего славян как «один народ», разделенный на четыре племени, концепцию словацкого национального лидера Людовита Штура, предполагавшую «единство в многообразии», до признания чешским литератором общественно-политическим деятелем Карелом Гавличком-Боровским национальной самобытности каждого из славянских народов, прежде всего чешского³.

Мы подчеркиваем, что важнейшей составляющей идеи славянской взаимности была кирилло-мефодиевская традиция.

Ведь деятельность первосвятителей начала развиваться в Великой Моравии – у западных славян. Первый Пражский князь Борживой и его жена Людмила в 873 г. приняли крещение от Мефодия. Тем самым кирилло-мефодиевская традиция была воспринята Чешским государством как часть великоморавской культурной традиции.

Сазавский монастырь в центре Праги, основанный Прокопом в 1033 г. установил тесный контакт с русским центром Киево-Печерского монастыря. В основу одного из престолов Сазавского были положены частицы Святых Бориса и Глеба. Ранее на Русь из Чехии попали Жития мучеников Вацлава (Вячеслава) и Людмилы. Монахи из Эмаусского Пражского монастыря в XIV в. «На Словенах» были приглашены в Польшу в Олесницкий монастырь в 1390 г. Монастырь Святого Креста.

Так кирилло-мефодиевская традиция смогла преодолеть границы конфессиональных разделений⁴.

Мы отмечаем, что славянский мир всегда представлял собой «открытый тип культуры, который подразумевал диалог с другими культурами и восприятие их элементов при сохранении национального своеобразия каждого славянского народа»⁵.

Наиболее важным является **второй блок**, основной акцент в котором сделан на воссоздание связей России со славянским миром.

Принцип сопоставления позволяет студентам не только расширить представления о культуре Чехии, Польши, Словакии, Сербии, но и глубже понять роль и значение русской культуры.

Напомню слова мыслителя Шассена, что народы в обществе уважают тех людей, которые сами уважают ближних. Эту мысль подчеркивал К.Я. Грот профессор СПбУ, говоря о важности для русской интеллигенции «поддерживать связи со всем славянским миром»⁶. А И.И. Срезневский прямо заявлял, что, изучая «с любовью нашу народность, не забудем любовь к другим народам: всякая народность, как и религия, должна быть священной. Тем горячее должна быть в нас любовь к тем народам, с которыми провидение соединило нас...»⁷.

Идеи межславянского сближения оказали влияние на реформы языков, которые прошли у многих славянских народов. В первой половине XIX в. среди славянских деятелей культуры получила распространение идея создания общего для всех литературного языка. О нем задумывался выдающийся словенский ученый Е. Копитар, искавший обоснование такого проекта в деятельности Кирилла и Мефодия, чешский будитель Й. Юнгман. Выработывая конкретную программу обогащения словарного состава чешского литературного языка, он в число источников лексического пополнения включил родственные славянские языки⁸.

Сознание общих генетических истоков христианских традиций близости исторических судеб славян пронизывало художественную культуру, в первую очередь, литературу.

Славянские мотивы звучали в творчестве чеха Ф.Л. Челаковского, словака Я. Голлого, словенца Ф. Прешерна, украинца Т.Г. Шевченко. А.С. Пушкина, А. Мицкевича и других поэтов. Объектом внимания литературы непосредственно становились другие славянские народы и страны. Ф. Челаковский создает поэтический сборник «Отзвук русских песен» (1829), К Гавличек-Боровский после пребывания в России в 1843–1844 гг. публикует «Картины России».

В первой половине XIX в. развитие литератур у славян проходило под знаком формирования художественного сознания национального типа. Своеобразие этого процесса состояло в том, что оно проявлялось через славянские образы, которые воспринимались как свои. Потребность в сближении, поиски ответа на острые вопросы дня эстетические проблемы – все это обусловило повышенное внимание славянских деятелей культуры к современным им родственным литературам, и, в первую очередь, к русской. Ф. Челаковский переводил на чешский сочинения А. Дельвига, В.А. Жуковского И.А. Крылова, Карел Сабина открыл для чешского читателя А.С. Пушкина⁹.

«Славянизация» затронула и музыку. В 1867 г. М.А. Балакирев в Праге приступил к репетициям оперы «Руслан и Людмила» М.И. Глинки. В.В. Стасов в статье «Чехи и русская опера» приводит отзыв одной из газет: «Случилось по нечаянности, что теперь как раз выходит перевод Нестора: чехи с любо-

пытством читали и, услышав Руслана, заговорили в один голос: «Да это просто летопись Нестора в музыке». А после премьеры «Ивана Сусанина» критики в Праге отмечали, что это произведение сделало Глинку великим основателем славянской оперы, доказавшим, что и славяне имеют свою собственную музыкальную речь»¹⁰.

Звучавшие на одном из занятий музыкальные фрагменты из произведений М. Огиньского, Ф. Шопена, А. Дворжака, Б. Сметаны не оставили равнодушными наших студентов.

По-новому прозвучал для них романс «Я встретил вас...» на стихи Ф.И. Тютчева после рассказа об истории его создания:

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце оживо.
Я вспомнил время, время золотое –
И сердцу стало так светло...

Рождение этих проникновенных строк связано с Карлсбадом (ныне Карловыми Варами). В 1823 г. Ф.И. Тютчев влюбился в юную Амалию фон Лерхенфельд (в замужестве Крюденер), однако судьбы их сложились по-разному. А спустя 50 лет Федор Иванович и Амалия вновь встретились здесь в Карлсбаде. Эта случайная встреча пробудила забытые воспоминания.

Среди запомнившихся был семинар с показом фильма-экранизации чешских сказаний «Букет чешских преданий» Карла Яромира Эрбена, переводчика «Повести временных лет», члена – корреспондента Императорской Академии наук¹¹.

Вслед за этим мы обратились к философским работам сербского богослова Иустина Поповича, в частности к трактату «Агония гуманизма» «Достоевский как порок и апостол», «О рае русской души». Думаю, что многие из студентов запомнили такие слова И. Поповича: «...всечеловечность – это национальная русская идея. В духе русского народа существует живая потребность ко всеединению человечества всеединению с полным уважением к национальным особенностям, к сохранению полной свободы людей. Это единение любовью обеспечивается делом, живым примером, потребностью на дела истинного братства»¹².

И еще одно «...с разумом без доброты и нежности человек-это законченный диавол. Я слышала от небесных ангелов, когда их крылья омывались в моих слезах, что диавол – это большая интеллектуальная способность без малейшей доброты и любви. Ведь человек – то же самое. Если не имеет доброты и любви»¹³.

И как бы в подтверждение этих мыслей заключительным аккордом этого занятия был фильм о Косово и Метохии.

Таким образом, через знакомство с культурой славянских народов студенты не только узнавали имена и названия произведений, но и задумывались над днем сегодняшним, подчеркивая основополагающие черты славян: патриотизм, славянскую духовность, силу терпения, безграничную любовь и уважение.

В третьем блоке мы знакомимся с особенностями национальных обычаев и традиций. С интересом студенты слушают о Празднике Славы у сербов, о Фашынгах у чехов, словаков, празднике похожем на русскую Масленицу, и других.

На зачете звучат стихи Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого, Тараса - Шевченко и Яна Неруды, Вани Димовой и Янко Краля, Андрея Сладковича и Десанки Максимович. Это тоже было еще одно неперенное знакомство с культурой славян¹⁴.

Работа над рефератами позволила студентам еще раз убедиться в том, что наши связи России со славянскими народами не прерывались. Назову некоторые из наиболее интересных работ: «Идейно-художественное своеобразие Крымских сонетов А. Мицкевича», «Тема славянства в поэме Я. Коллара «Дочь славы», «Философские мотивы в лирике Андрея Сладковича», «Чешская музыка как европейское явление», «Патриотическая тема в творчестве Яна Матейко, Вацлава Брожика, Микулаша Алеша» и другие.

На заключительном занятии студентам был предложен один из главных вопросов – нужен ли данный курс в вузе. Из 220 студентов, прослушавших его, 212 ответили положительно. Среди ответов были такие: «я заинтересовалась», «...увидела своеобразие славянских народов», «...возникло желание подробнее познакомиться, перечитать М Кундеру», «...когда знаешь больше – относишься лучше». А китайский студент Му Фей написал: «Ваш курс дал мне лучше понять Россию».

Поэтому бесспорно, знания межславянских культурных связей не только расширяют кругозор студентов, но и способствуют формированию общекультурной компетенции будущего преподавателя русского как иностранного, заставляют по-новому взглянуть на историю и культуру своей страны.

Словацкий общественно-политический деятель Людовит Штур в работе «Славянство и мир будущего» подчеркивал, что главная причина привязанности славян России не в том, что русские единственные из славян сохранили свою самостоятельность и честь славянского имени. Эта причина кроется в колоссальных творческих способностях русского народа, в его огромной моральной силе, в чисто славянских свойствах – «умение соединять силу с добротой»¹⁵. И в этом наши студенты могли убедиться сами.

Таким образом, краткий обзор курса «Взаимосвязи славянских культур» на филологическом факультете ИРЯ им. А.С.Пушкина помогает студентам увидеть, что исторические и духовные связи Чехии, Польши, Словакии, Сербии и России, не прерывалась на протяжении многих столетий. Они помогли славянам выстоять и сохранить свою национальную самобытность.

Хочется надеяться, что строки Яна Коллара из поэмы «Дочь Славы» найдут в лице наших студентов достойных почитателей

Войдут, проникнув в жизнь великих стран,
Науки наши, музыка и пенье,
Им будет путь во все пределы дан...

Но сегодня, когда материальная устремленность человека к богатству стала ведущей, когда «нравственное не хранится в окружающих традициях, в обычаях, в становлении человека, а безвозвратно расточается»¹⁶, обращение к духовным истокам самобытной славянской культуры послужит восстановлению той особой духовности, о которой говорили деятели культуры в прошлом.

Эти знания помогут сформировать такое восприятие современной культуры, при котором странное кажется естественным, а чуждое – знакомым.

Заканчивая выступление, напомним слова Ю. Лебедева о предназначении Учителя в современном мире, с которого мы начинаем курс «...хранить духовный огонь, возжигать ежедневно душеспасительную свечу в сердцах доверенных тебе детей и награды за это, как писал Ф.М. Достоевский, никогда не ищи..., ибо без того уже велика тебе награда на сей земле – духовная радость твоя, которую лишь праведный обретает...»

Примечания

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 166.

² Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М., 1994. С. 4.

³ Подробнее см.: Матула В. Представления о славянстве и концепции славянского единства Я. Коллара и Л. Штура // Сов. славяноведение. 1978. № 2. С. 58–71.

⁴ Подробнее см.: Первальф И. Славяне, их взаимоотношения и связи. Варшава, 1868. Т. 2.

⁵ Мельников Г.П. Зарубежные славяне на культурной карте Европы // Славянские культуры европейской цивилизации. М., 2003. С. 21.

⁶ Грот К.Я. Об изучении славянства. СПб., 1901. С. 67.

⁷ Срезневский И.И. О пользе изучения славянской филологии. СПб., 1889. С. 31.

⁸ Славянский вопрос: вехи истории, М. 1997.

⁹ Подробнее см.: Кишкин Л.С. Чешско-русские культурно-исторические контакты. М., 1983.

¹⁰ Цит. по: Бэлза И. Русские классики и музыкальная культура западного славянства. М., 1950. С. 20.

¹¹ Эрбен К.Я. Баллады, Стихи, Сказки. М., 1948.

¹² Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. М., 2004. С. 185.

¹³ Там же. С. 276.

¹⁴ Подробнее см.: История литератур западных и южных славян в 3-х тт. М., 1997.

¹⁵ *Штур Л.* Славянство и мир будущего // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Материалы. Славянские книги. Т. 1–3. М., 1867. С. 159.

¹⁶ *Гармаев А.* Обрести себя. Родник, 2000. С. 45.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

СЛАВЯНСКИЕ ФОРУМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСТВА

<i>Чуркина И.В.</i> Предыстория поездки славян на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (1867). Встречи в С.-Петербурге	5
<i>Досталь М.Ю.</i> Славянский съезд в Москве 1867 г.: задачи и итоги. Взгляд с русской стороны	18
<i>Пашаева Н.М.</i> Галицкие русины на Славянском съезде 1867 г.	25
<i>Богацова Г.А.</i> И.И. Срезневский и идеи Славянского съезда 1867 г.	34
<i>Юсова Н.Н.</i> Первое академическое совещание по вопросам этногенеза (конец 1930-х гг.)	40
<i>Птицын А.Н.</i> Болгарский вопрос как фактор эволюции отношений между Россией и Австро-Венгрией в последней трети XIX столетия	56
<i>Кикешев Н.И.</i> Современное славянское движение	77
<i>Искаков Б.И.</i> Демогеоцид славянских народов	89

ИЗ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Поляшина Т.В.</i> Я.Ф. Головацкий: некоторые штрихи эпистолярного наследия ..	98
<i>Лаптева Л.П.</i> Отклик С.-Петербургского отдела Славянского Благотворительного Комитета на 500-летие со дня рождения Яна Гуса (1869 г.)... ..	106
<i>Крючков И.В.</i> Венгрия и славянский мир в интеллектуальном пространстве России в последней трети XIX – начале XX вв.	113
<i>Юсов С.Л.</i> Историографические наблюдения в связи с письмом британо-русского слависта Н. Андреева к В. Голобуцкому	128
<i>Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.</i> Об одном критическом моменте в истории Института славяноведения (1959 г.)	146
<i>Сень Д.В.</i> Славянское население Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в.: к вопросу о новых практиках освоения пространства и преодоления «границы миров» (на примере казачьих сообществ)	154

<i>Бондаренко Н.А.</i> Изучение межславянских культурных связей на филфаке Института русского языка им. А.С. Пушкина	168
--	------------

Научное издание

СЛАВЯНСКИЕ ФОРУМЫ И ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Сборник статей

Редактор М.И. Толмачев
Технический редактор Ю.Г. Ибрагимова
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная

Усл.печ.л. 10,34
Тираж 300 экз.

Подписано в печать 16.01.08
Уч.-изд.л. 11,36
Заказ 49

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
Ставропольского государственного университета.
355009, Ставрополь, ул.Пушкина, 1.

